

Алла Магай

ОТРЕЗОК --- ЖИЗНИ

Ташкент
2018

УДК 821(575.1)
ББК 84(5У)
М 12

Магай, Алла.

Отрезок жизни [Текст]/ А. Магай. — Ташкент: Baktria press, 2018. — 208 с.

«Отрезок жизни» — сборник рассказов о жизни корейцев — трудовых мигрантов в Южной Корее.

О том, как живут, работают, находят решения, оказавшись в сложных и порой безвыходных ситуациях, выпавших на их долю, как испытание в чужой, и одновременно родной земле предков. Это встречи и расставания, любовь и ненависть, разочарования и надежды.

Как сложатся в дальнейшем их судьбы? Как встретят их близкие и родные, через много лет их скитаний? И, что оставят в памяти герои рассказов прожив свой отрезок времени, в стране утренней свежести — Корее.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Все события и герои, описанные в произведении, не вымышленные и имеют свои прототипы. Тем не менее, имена и фамилии изменены, совпадения случайны.

Издано в авторской редакции.

ISBN 978-9943-5093-4-4

© Алла Магай, 2018
© Baktria press, 2018

От автора

Страна утренней свежести давно уже привлекает внимание мирового сообщества своими экономическими и технологическими достижениями. Сюда устремляются тысячи наших сограждан, здесь они получают образование в колледжах и вузах, повышают квалификацию в самых разных сферах, обмениваются опытом. Немало и тех, кто едет в Южную Корею на заработки.

Рассказы, собранные в этой книге, — моя скромная попытка поведать о том, как складываются судьбы людей, проживающих свой отрезок жизни на исторической родине — в Корее. И все, что я о них рассказываю — не вымысел, а реальность, и события эти действительно происходили с моими героями.

Многих из них привели сюда услышанные еще в далеком детстве от дедушек и бабушек рассказы о далекой стране. Десятилетиями их волновал один и тот же вопрос — какая она, родина их предков? Что за люди живут на этой земле? Чем они похожи на них и чем отличаются?

Другие спешат туда прежде всего для того, чтобы доказать самим себе, что здесь, несмотря ни на какие трудности, они сумеют добиться успеха, своими руками возведут прочное благополучие для себя и своих близких.

Не всегда и не всё получается у них так, как они того хотят. Приходится испытывать и горечь разочарования, и нечеловеческую усталость, и обиду, и даже унижение... Тем не менее, благодаря своим способностям и знаниям им удастся доказать, что они люди сильные, умеющие идти

к цели и преодолевать трудности, вызывать восхищение и искреннее уважение жителей Кореи.

Приоткрыв дверь в святая святых, мои земляки делились со мной самым сокровенным, за что я им очень признательна. Некоторые из них стали прообразами героев моих рассказов, в которых я вместе с ними переживаю из-за несбывшихся мечтаний, обманутых надежд, перенесенных ими тревог и волнений, мгновений одиночества, и радуюсь успехам, которых им удалось достичь, всему тому доброму и светлому, что они нашли на земле своих предков.

Может быть, в их жизни трудного и горького было больше, но могу сказать в их поддержку только одно — жизнь не заканчивается на неудаче. Получив урок, нужно идти вперед и только вперед. Не повторяя ошибок, заново учиться и достигать своей цели.

И совсем неважно, каков твой жизненный статус, кем ты работаешь, какое место занимаешь в обществе. Главное — всегда оставаться человеком, умеющим в любых ситуациях принимать правильные решения, достойно сделав верный морально-нравственный выбор. А все остальное можно исправить или изменить к лучшему.

Очень надеюсь, что мои очерки помогут тем, кто уезжает на чужбину в поисках счастья, разобраться в жизни, понять тех, с кем ты рядом, а в первую очередь — самих себя...

Издание книги осуществлен благодаря финансовой поддержке моей дочери, доктора философии РК, Алесии Хегай.

ГАЛИНА

СНЕГ КРУЖИТСЯ...

В дорогу...

Вцепившись в подлокотники кресла взлетающего самолета, Галина с напряжением наблюдала в иллюминатор, как становились крошечными дома, улицы города, реки, а затем постепенно исчезали в белоснежной завесе облаков. Ей вдруг отчетливо вспомнился ее дед, окутанный серым дымом терпкой самокрутки, сквозь который она пыталась разглядеть его грустные глаза, когда он тихим, низким голосом загадочно рассказывал ей о далекой деревне, где родился и вырос.

Отчего-то жгучая тоска сжала ее сердце, но Галина постаралась подавить тревогу, и стала думать о доме, о том, что ее мама и сын вполне благополучно проживут без нее это время, что она заработает немало денег и сможет осуществить все то, ради чего мчится сейчас так далеко и из-за чего так бьется ее испуганное сердце...

Незаметно она задремала, ей привиделись сын с мамой, их улыбки, до боли знакомые и родные голоса, и Галина даже хотела сказать им в ответ что-нибудь ласковое, когда вдруг огромная змея стала обвивать ее тело. При этом мертвенно-ледяные глаза рептилии так пристально смотрели ей прямо в лицо, что от страха тело будто сковало: она не могла ни крикнуть, ни позвать на помощь, только беспомощно стонала и еле шевелила губами...

Очнулась Галина от того, что кто-то успокаивающе похлопывал ее по плечу и укрывал пледом, но разглядеть своего избавителя она не смогла. Перед глазами все плыло, и она снова впала в тревожный сон...

Беспокойный попутчик участливо будил ее, всякий раз справляясь о ее самочувствии, предлагал то поесть, то выпить воды, но она лишь отнекивалась, мотая головой, подавляя невольное раздражение.

Внезапно самолет дрогнул от соприкосновения колес с землей.

— Слава Богу! — очнувшись, выдохнула Галина и, не скрывая радости, восторженно захлопала в ладоши, присоединившись к общим аплодисментам пассажиров в адрес пилотов за благополучный полет.

Впервые на земле предков

С трудом поднявшись с удобного кресла самолета, Галина, даже не оглянувшись на неугомонного соседа, устремила к выходу, увлекаемая людским потоком.

Ее ошеломила незнакомая обстановка, черед бесконечных эскалаторов, сверкающих витрин магазинов, даже воздух здесь был совсем другим — какая-то легкая смесь запаха кофе, булочек и трав... Все это заставило ее забыть о тревожных мыслях, а при прохождении пограничного контроля она окончательно забыла о прежних волнениях.

Выйдя из здания гигантского аэропорта, Галина с изумлением стала разглядывать фантастическое здание аэропорта, людей, живописнейшие окрестности и, вдохнув свежий воздух осеннего утра, тихо произнесла:

— Ну вот я в сказочной Корее — родине деда! — От избытка впечатлений и жалости к деду у нее навернулись слезы.

Голоса пассажиров, громкие, не совсем внятные объявления, бесконечный шум от проезжающих машин сливались в монотонный звук, и Галина не сразу услышала зазывающий окрик. Оглянувшись на толпу гастарбайтеров¹ и безошибочно «вычислил» земляков по спортивным костюмам от министерства труда, по линии которого все-

1 Гастарбайтеры — трудовые мигранты. Термин немецкого происхождения, от слов «Gast» и «Arbeiter» и переводится как «гость-рабочий».

ми было получено трудоустройство, она поспешила присоединиться к ним.

В автобусе Галина познакомилась с задорной землячкой Ириной лет на пять моложе нее. Открытая и жизнерадостная девушка вселила в нее некую уверенность и надежду. Ирина была незамужней, по ее словам, женихи обходили ее стороной за вредный и несносный характер, но была уверена, что с принцем своим она обязательно встретится.

Самой Галине было уже за тридцать пять. Опрятно одетая стройная молодая женщина с правильными чертами лица была очень скромной и тихой. Стараясь не выделяться из толпы, предпочитала держаться всегда в тени. Неуверенному поведению было свое объяснение. За плечами — непрестижный институт, неудачное замужество, мытарства по квартирам с маленьким ребенком на руках.

Сильным потрясением для нее и матери стала и внезапная смерть отца, надолго выбившая ее из колеи. Оправившись после несоизмеримой потери, Галина уговорила мать переехать в город, где они вместе пытались изо всех сил противостоять всем выпавшим на них невзгодам.

Подросший к тому времени сын Аркадий уже заканчивал школу и мечтал стать художником, так как сызмальства любил рисовать.

— Весь в мать, — частенько ворчала бабушка. Его увлечения она не одобряла, считая по прежнему ненадежным заработком такую специальность.

Галина же от всего сердца радовалась за сына. Сама она так же, как и он, с раннего детства увлекалась рисованием и лепкой, и нередко в мечтах видела себя художницей или скульптором.

Родители же называли ее увлечение чудачеством и запретили даже и думать о незавидной профессии художника. Однако она неожиданно проявила характер и, послу-

шавшись старших, сбежала тайком в столицу поступать в театрально-художественный институт.

Сдав документы на художественное отделение, решительно вооружившись лучшими своими творениями, среди которых были рисунки, выполненные гуашью, и множество миниатюрных фигурок из глины, провинциалка уверенно шагнула в аудиторию, важно представ перед комиссией.

— Характер есть, но технике надо бы поучиться, — склонившись над одной из ее работ, заключил председатель комиссии и посоветовал обязательно поступать вновь, но после окончания художественного училища.

Растерявшись, Галина не могла поверить в то, что это провал, что ей придется распрощаться с самой главной мечтой ее жизни — стать художницей... И слезы предательски брызнули из глаз, на смену которым последовали громкие рыдания.

Ошеломленные реакцией абитуриентки, педагоги внезапно развеселились. Даже раздали саркастические замечания, мол, девице не на художественное отделение надо бы поступать, а — в театральное, этажом выше.

— Я никуда не уйду! Я буду здесь учиться! — Выкрикивала сквозь горестные рыдания Галина, вцепившись во входную дверь и сопротивляясь преподавателю, который в буквальном смысле слова выпихивал ее из аудитории.

Внезапно растрогавшись, председатель жюри наспех настроил записку для директора училища с просьбой принять талантливую самоучку без экзаменов и с чистой совестью закрыл перед ее носом дверь.

В училище она не пошла и потом никогда не жалела об этом. Рвать значит рвать до конца, не оглядываясь, убеждала себя Галина, сдавая документы в педагогический институт на факультет библиотекаря, куда в тот год был большой

недобор абитуриентов. Четыре года пролетели незаметно, как во сне, оставив лишь воспоминания о предмете рисования, на которые она бежала с радостью и удивляла педагога своими работами, выполненными на холсте маслом — технику она, к удивлению преподавателя, тоже освоила самостоятельно. Она продолжала рисовать все, что ее волновало, будоражило, то, что виделось ею во сне, не давало покоя.

Поэтому Галина искренне радовалась увлечению сына, всячески помогала ему и втайне надеялась, что он станет прекрасным художником, осуществив ее несбывшуюся мечту...

Сын Аркадий в школе учился не ахти, в чем Галина винила себя, но чтобы прокормить семью, она в те годы работала с утра и до поздней ночи, хватаясь за любое дело и подрабатывая либо продавцом на рынке, либо еще кем-нибудь, что еще подвернется. И поэтому четко понимала, что поступить на бюджет у сына вряд ли получится, если что — только на «контракт», да и то если повезет. Значит, нужны деньги, и не малые. Ей хотелось иметь хоть небольшой, но свой угол, не перебиваясь с сыном и мамой в съемной однокомнатной «хрущевке». Потому-то Галина, не раздумывая, отчаянно решилась ехать на заработки за рубеж — в полную неизвестность...

Райская обитель

Автобус развез всех по предприятиям, Галину с Ириной, к их радости, распределили на один завод, вместе с ними приехали и несколько парней, которые обосновались в мужском общежитии внутри завода. Их же разместили в женском общежитии, поодаль от завода, где их радушно встретила хрупкая девушка Лили, приехавшая на заработки по той же рабочей визе из Филиппин.

Лили гостеприимно накрыла на стол и принялась расспрашивать о жите-бытье то на корейском, то на английском языках. Но не владея ни тем, ни другим языками, на коих бегло, к огромному удивлению девушек лопотала Лили, подруги, к сожалению, с трудом поняли только то, что работать будут вместе на заводе. Затем, устроившись в одной из комнат, наконец улеглись спать на обогреваемом теплом полу.

— Как у бабушки в колхозе — на кудури¹, — зевая, промурлыкала разомлевшая от тепла Ирина и сразу, посапывая, заснула.

Галине же не спалось. Её переполняли эмоции, снова нахлынувшие переживания за сына и маму, отчего вдруг так нестерпимо захотелось увидеть родных, что на глаза невольно навернулись слезы. Только под утро она задремала.

— Хеллоу! — раздалось в семь утра. Лили весело окрикнула новых соседок и одновременно хлопотала над завтраком. Наспех перекусив, они заспешили из общежития.

На улице их ослепило яркое солнце. Щурясь, они впервые заново осматривали окрестности, утопающие в океане ярко-красных, розовых и сиреневых оттенков азалий. Над соцветиями которых, деловито жужжали пчелы и беспечно кружились пестрые бабочки. А многовековые сосны, беспорядочно произраставшие везде, будто застывшие, стояли угрюмо и одиноко, подчеркивая национальный колорит корейского пейзажа.

— Курорт! — улыбаясь, заключила Ирина.

И действительно, хотя завод был неподалеку, в каких-то пятидесяти метрах от дома, вокруг стояла полная тишина, лишь изредка таинственно нарушаемая мягким гулом барабанов буддийского храма, расположенного за общежитием, и щебетом птиц.

1 Кудури — корейская печь с половым обогревом.

Пройдя через всю территорию завода, девушки с менеджером подошли к офису, возле которого стояли ребята и курили. Завидев девушек, они весело их окликнули:

— Привет, красавицы! Вы откуда?

— От верблюда, — не раздумывая, фыркнула в ответ Ирина и прошествовала мимо с гордо поднятой головой, увлекая за собой Галину.

— Вам уже лучше? — услышала вдруг Галина и невольно обернулась на показавшийся ей знакомым голос. На нее приветливо смотрел худощавый парень.

— А-а, это вы сидели со мной рядом в самолете? — догадалась Галина.

— Ну да, меня Димой зовут, — представился бывший попутчик.

— Гала, — скромно ответила молодая женщина и, вспомнив его желание помочь ей в самолете, небрежно поблагодарила за проявленное внимание и быстро удалилась.

Затем все вошли в офис, где им рассказали о местах работы и проводили по цехам.

Рабочие будни

Подругам вновь повезло, они попали в один цех, и девушки шумно радовались, что и здесь они оказались вместе. С ними в бригаду определили и двух ребят — Сергея и назойливого попутчика Дмитрия.

Красильный цех, где им предстояло работать, больше напоминал огромный ангар. Здесь по обе стороны стояли два длинных красильных агрегата. По всей длине одного из них медленно двигалась окрашенная ткань и заворачивалась на бобины. Другой, чуть поменьше, стоял сиротливо в пыли.

В цеху с Галиной и ребятами работали еще пять местных южан, включая начальника и бригадира, которые по

большей части находились на территории завода, решали какие-то текущие и организационные вопросы в офисе и приходили в цех внезапно, но всегда с громкой бранью и нотациями.

В углу их цеха была крошечная раздевалка, сплошь завешанная бракованным материалом. В ней, невзирая на едкий запах краски, иногда прятались подруги, чтобы немного перевести дух.

Сидеть во время работы категорически запрещалось. А если кто и имел неосторожность устроить себе небольшой перерыв, тут же слышал в свой адрес грубые окрики:

— Быстро вставать! Работать!!!

Вскоре стала постоянно ныть спина, разламываться от боли поясница, особенно по ночам давая о себе знать. Но этого было не понять южанам: к удивлению ребят, они работали без усталости, словно заведенные, с каким-то непонятным остервенением и упоением. В общем, трудоголики, — решили ребята, рассуждая о южнокорейском менталитете.

Но уже где-то через месяц они привыкли к каторжному рабочему графику. Утешением была дополнительная зарплата наличными, тогда как основная зарплата напрямую перечислялась на их счет в валютном банке на родине.

И хотя на наличку ребята особо не шиковали, но могли позволить себе купить что-нибудь вкусное или обувь, которая быстро изнашивалась от воды, а также сменную одежду, линявшую от разъедающей краски, и даже отложить немного денег на всякий случай.

Дмитрий при удобном случае старался разговорить Галину, докучал разными вопросами, нелепо шутил. Но Галина, не скрывая уже неприязни, демонстративно избегала с ним встречи.

— Простота хуже воровства, — делилась Галина впечатлениями о нем с подругой.

— А, что, хороший парень, простой, работающий, и к тебе явно неровно дышит! Лови момент, подружка, вы неплохо смотрите вместе, — не соглашалась с ней Ирина и советовала все же приглядеться к парню.

ЧП на производстве

...Была поздняя осень. По утрам и вечерам город стал окутывать такой густой и плотный туман, что ничего было не разглядеть на расстоянии вытянутой руки. Девчатам всюду мерещились либо тигры, по аналогии с пестрыми картинками традиционной живописи из журналов, либо же ожившие мертвецы из фильмов ужасов.

Однажды, когда подружки возвращались с работы, их до смерти перепугал вдруг возникший как из-под земли солдат с автоматом наперевес с раскрашенным черной краской по диагонали лицом, который также внезапно испарился.

Испуганные девчата в страхе переглянулись: неужели война?

По новостным каналам непрерывно транслировали тревожные репортажи. В них наперебой комментировали конфликтную ситуацию между северной и южной частями полуострова.

— Ребята, вы военных вчера не видели? А то мы тут натолкнулись на одного. Не знаете, войны не будет? — спрашивала испуганно Ирина на следующий день у парней.

— Ну, нет, конечно! Это учения, мы же с пограничным гарнизоном соседствуем — поспешил успокоить землячку Дмитрий и улыбнулся Галине, на что та нервно дернула удивленную подружку за руку и потянула в сторону раздевалки.

— Господи, хоть бы не было войны, хоть бы отработать контракт, — вслух запричитала полусшепотом Галина, заходя в раздевалку.

— А, солдатик-то вчерашний симпатяга. Высокий, глаза большие, добрые, — мечтательно закатив глаза, произнесла Ирина и добавила, уже смеясь, — если снова встретимся, познакомлюсь!

— Как же ты с ним будешь разговаривать? На пальцах что ли? — спросила Галина.

— Блин, точно! С сегодняшнего дня буду учить корейский, — твердо заявила Ирина и, заметив нервозность подруги, спросила, — А, ты что такая хмурая?

— Димка достал! — нервно ответила Галина и стала натягивать торопливо на себя одну за другой теплые вещи.

Стараясь поднять ей настроение, Ирина стала подтрунивать над ней.

— Нет, ну ты прямо как капуста! Сто одежек и все без застежек!

Галина, потуже обмотав голову оренбургским платком, не улыбнувшись в ответ, резковато ответила:

— Вот проживешь с мое, потом тоже будешь кутаться, — и вышла из раздевалки, оставив в растерянности Ирину.

В положенный срок рабочие ушли обедать, Галина осталась в цехе с бригадиром, дожидаясь своей очереди. Но тот, приказав внимательно смотреть за браком, куда-то ушел.

Галина, наклонившись над станком, продолжала усердно разглядывать ткань, боясь пропустить брак.

Вдруг кончик ее пушистого платка попал под подшипник барабана, распыляющего краску на ткань. Галина испуганно огляделась по сторонам, но никого поблизости не было. Судорожно удерживая платок, она стала неистово звать о помощи, но платок все быстрее наматывался на барабан, безжалостно увлекая ее голову за собой...

Вернувшись первым из столовой, Дмитрий быстро подбежал к ней, затем в три прыжка подскочил к пульту управления конвейера и стал судорожно нажимать на кнопки,

пытаясь остановить конвейер.

На шум сбежались рабочие с соседнего цеха, но, увидев происходящее, только испуганно наблюдали за ЧП, не зная, что предпринять.

Голова Галины все ниже и ниже приближалась к острому, как нож, лезвию подшипника. Когда подбородок уже почти коснулся его, Галина изо всех сил резко подалась назад, платок соскользнул с ее головы и мгновенно весь исчез под барабаном. Машина с громким скрежетом остановилась.

В ту же секунду Дмитрий оказался рядом.

— Как ты, цела? — с тревогой спросил Дмитрий и внимательно стал разглядывать ее лицо.

Не обращая на него внимания, Галина стояла окаменевшая, мысленно представляя, что могло произойти с ней буквально через несколько мгновений, и какого ужасного происшествия она чудом избежала.

— Эй, что там у вас? — нервно крикнул подошедший вразвалочку из столовой с дымящимся кофе бригадир Ким. Завидев остановленный конвейер, он выкинул стаканчик и подскочил к пультау управления. Узнав от бригадира, что Дмитрий остановил конвейер, накинулся на него:

— С зарплаты удержим с тебя, щенок! — грозно выругался он на Дмитрия, тряся перед ним указательным пальцем.

Галина попыталась было объяснить, что все случилось по ее вине, и это не ему, а ей надо выписать штраф. Однако Дмитрий, отодвинув ее в сторонку, в знак согласия кивнул бригадиру головой. После чего тот проворчав что — то себе под нос вышел из цеха.

Галина заглянула с волнением Дмитрию в глаза и смутилась, она впервые увидела его очень близко... Никто и никогда еще так не бросался ей на помощь, не хотел так искренне помочь и защитить, подумалось Галине, и она взглянула на Дмитрия полным признательности и благо-

дарности взглядом... Затем, прикрыв лицо руками, с испугом прошептала:

— Что я натворила...

— Димка, молодец, когда успел освоить технику? — подоспевший Сергей восхищенно хлопал друга по плечу и тоже успокаивал Галину.

— Галка, я так испугалась за тебя! — с дрожью в голосе тихо прошептала Ирина и обняла крепко подругу.

Не было бы счастья

Не зря говорят — беда сближает, — размышляла Галина, наблюдая за тем, как Дмитрий ловко разобрал станок и вытащил почерневший от мазута и разодранный в клочья застрявший платок, чем несказанно удивил строгого бригадира.

Сняв с себя новенькую бейсболку, Дмитрий нахлобучил на голову Галины и посоветовал не надевать впредь платок. Галина смутившись, поправила ее на голове и виновато поблагодарив, закивала головой.

Новость, что Дмитрий хорошо разбирается в технике, быстро облетела завод. Южане сразу же стали с ним здороваться с искренним уважением, потому что сколько ни пытались, не могли высвободить платок из подшипника...

Вскоре бригадир перевел его за второй, не задействованный до этого дня станок, и он приступил к самостоятельной работе.

...Продолжались будни, ребята сплотились. Местные все больше и больше проникались к ним доверием. Меньше слышалась от них ругань, больше с неподдельным интересом узнавали они об их стране, быте.

И ребята все больше узнавали друг о друге, по выходным вместе прогуливались по окрестностям, любуясь живопис-

ными местами. Простое дружеское общение помогало им не только коротать время, но и выживать вдали от дома, родных и близких.

— А, знаешь, кажется, Димка по уши в тебя влюблен, — произнесла после очередной прогулки Ирина, при этом старательно разглядывая свои кроссовки.

— Ты что, совсем что ли? Подумаешь, проявил героизм! Любой бы на его месте сделал то же самое, — зардевшись, отреагировала подруга. При этом с серьезным лицом добавила:

— Мне не до романов. Дома сын ждет и мама. Кроме них никто мне не нужен.

— Ну-ну, подруга, — поспешила успокоить Ирина, — Дело-то хозяйское, — многозначительно добавила она и перевела тему.

Разговор привел в смятение Галину. На самом деле после того злополучного происшествия она сама не раз ловила себя на мысли, что не перестает думать о нем...

Чужая душа — потемки

Как-то незаметно пролетела хмурая осень, подошла зима. Хотя заметно похолодало, снега не было, лишь иногда моросил ледяной дождь, прибавляя слякоти в открытом цеху, где ребята продолжали работать.

Веселый, как о таких говорят, с душой нараспашку, Сергей отслужил в Афганистане. Но почти перед самым дембелем подорвался на mine в схватке с «душманами». Военный хирург в полном смысле слова собирал его по частям. Потому он слегка прихрамывал.

По возвращении из армии оптимист устроил себе каникулы. Заехал в Киев, где мечтал побывать с детских лет. Там случайно познакомился с будущей женой. Его расто-

чительность и широкие жесты покорили красавицу, и она вышла за него замуж. Но в своем родном городе Сергей не смог сразу найти высокооплачиваемую работу, денег катастрофически не хватало даже на самое необходимое, и их брак постепенно стал давать трещину, отчего Сергей запил. Однако на требование развода вымолил у супруги последний шанс, пообещав кучу денег, уехал на работу в Корею по трудовому контракту.

Работал с энтузиазмом, не чурался никакой работы: мог и мусор смести, и детали в черной солярке промывать, лишь бы платили исправно. Когда обзавелся мобильным телефоном, часами разговаривал с женой, хвастаясь своими успехами. Считал дни и часы до их встречи. Но однажды любимая заявила, что нашла себе другого мужчину, а он может домой не торопиться, разве что только для того, чтобы получить развод.

Сергей тогда смолчал, несколько дней ходил почерневший от горя, а потом вдруг начал беспробудно пить. Опробовав в местных магазинчиках всевозможные алкогольные напитки, остановился на полюбившейся ему рисовой водке «соджу».

По его мнению, она была много дешевле и крепче, хотя алкоголя в ней вдвое меньше, чем в русской водке. Да и объемом она с родную чекушку, объяснял он свой выбор друзьям, которые не одобряли его и наставляли остановиться.

Уже вскоре Сергей стал и на работу являться навеселе, ничуть этого не стесняясь и даже хвастаясь количеством выпитого, которое с каждым разом увеличивалось.

Дмитрий часто ввязывался в драки, защищая дебошира Сергея в общежитии, выгораживал перед начальством, и с самим Сергеем не раз разговаривал, всячески стараясь объяснить последствия, но друг не слушал, вернее, не желал даже слышать его доводов.

Потихоньку Сергей отошел от их компании и сдружил-

ся с ребятами с соседнего завода.

— Вчера у меня закончились деньги, — весело рассказывал подвыпивший Сергей за ужином девчатам. — Я поспорил с нашими пацанами на пять бутылок «соджу», что смогу, не закусывая, выпить все, что было на столе. Мне, конечно, не поверили и — проиграли! Так что у меня целых пять родненьких стоят в комнате, — ликовал горемыка.

Но друзья его радости не разделяли...

Шли дни, Сергей продолжал пить. Никто из земляков с ним больше не спорил, и тогда он привлек местных, демонстрируя перед ними на спор чуть ли не цирковое шоу. То, встав на руки, опрокидывал стакан с пола, то выпивал его залпом с локтя. Либо, прокрутив по щеке, лихо опустошал один за другим все стаканы подряд, под хохот, гиканье и аплодисменты собутыльников...

Как-то и вовсе не пришел на работу.

— Из-за жены пьет, ушла от него, оправдывался перед сослуживцами Дмитрий. Но разозлившийся не на шутку бригадир не внял его словам и побежал жаловаться на него руководству завода.

— Наверное, уволят, — с ужасом предположил Дмитрий, недолго думая, ринулся в общежитие, где застал Сергея спящим на груде бутылок и мусора. Разбудить товарища не удалось, тогда он схватил таз с холодной водой и окатил его разом. Взбешенный Сергей полез драться, завязалась рукопашная схватка.

Скрутив Сергею руки, Дмитрий сообщил тому свои опасения, что если он сейчас не придет в цех, то его уволят. Но Сергей так и не пришел.

И только в обед, шатаясь, вошел в столовую, где, завидев друзей, подошел, виновато оправдываясь, что из сострадания накануне напился с новыми приятелями с соседнего стеклозавода, у которых легкие забиты сте-

клянной пылью, и они всю харкают кровью. Попутно известил, что они собираются сбежать с этой каторги, заодно и ему предложили.

Выслушав рассказ и посчитав его очередными байками, все дружно накинулись на Сергея:

— Надоели твои бредни! Депорта не боишься? Работать надо! Мы вон с Галкой наравне с мужиками пашем, и — ничего, — грубо высказалась Ирина и резко встала, не желая с ним продолжать трапезу.

— Не дури, Серега, скоро всем зарплату повысят, переведут специалистами. Не время тебе в бега, — сухо прервал пьяный треп Дмитрий.

— Сбегу с ними на карго грузчиком, там получают вдвое больше, чем у нас, причем — налом! Лучше там похрячить, зато вдвое больше заработать! Вот накоплю бабла и — домой. И жена тогда передумает разводиться, и вернется ко мне, как миленькая! — неуверенно огрызнулся Сергей.

— Знаешь, Сережа, развод — это не конец света. Если жена так легко тебя бросила, значит, и не любила вовсе... А ты только угробишь себя своими запоями, и побег тебя не спасет, — сочувствующе и тихо прошептала, уходя с Дмитрием Галина.

На следующий день его и след простыл. И куда он подевался, — устроился ли работать на карго или, может, вернулся домой, никто не знал.

На обломках любви

В скором времени хохотушку Ирину перевели в цех химической обработки материала. Сложный технический процесс регулировался посредством навороченной аппаратуры.

Подруги стали реже видаться, лишь только когда совпадали их смены. Галина с Дмитрием оставались трудиться

на прежнем месте. Находясь сутками рядом в дневную и ночную смены, они незаметно сблизились.

Однажды Галина сильно простыла, но на ее просьбу хотя бы пару дней отлежаться начальство ответило категорическим отказом, сославшись на слишком большой объем работы. Ее действительно было много: то и дело по цеху разносилась команда:

— Палли¹! Палли!

В тот день она еле успевала промывать под студеной водой заочневшими руками красильные барабаны, ноги замерзли и промокли, в обуви хлюпало от ледяной воды...

В обеденный перерыв Галина осталась в цеху. Присев возле теплого станка, задремала. Очнувшись от внезапного толчка в спину. Перед ней стоял начальник цеха мистер Ли, заботливо накидывавший ей на плечи теплую рабочую куртку. Затем, как-то странно прищурился, вдруг шепнул что-то на ухо. Не владея хорошо корейским языком, Галина не поняла, о чем тот ей говорил, только отчетливо услышала слово «эйин»². Её словно током ударило. Она покраснела от стыда. Что означает это слово, уже знала от Ирины, которая все же стала встречаться с солдатом, что напугал их туманным вечером, и в которого влюбилась с первого взгляда.

Однажды на рынке Тондэмун³ девчата, изрядно уставшие и проголодавшиеся после хождения по нескончаемым вещевым рядам, зашли пообедать. Ирина сразу же со зверским аппетитом набросилась на тарелку салата из маринованной моркови и тут же попросила добавку.

— Ты, случаем, не беременна? — подшутила, подмигнув подруге, Галина.

1 Палли – быстрее (кор.)

2 Эйин — любовница (кор.)

3 Тондэмун — Восточные ворота, один из крупнейших рынков Сеула.

Та сначала испуганно заморгала, а затем с вызовом спросила:

— А, что, беременным, как зайцам, хочется морковки?

И они дружно расхохотались, не придав значения шуткам.

Однако через несколько дней у Ирины начался сильный токсикоз. Ее ужасно мутило, особенно от запаха еды, доносившегося из заводской столовой.

С каждым днем Ирина становилась все более раздражительной, плаксивой. А по ночам тихонько всхлипывала в подушку.

Ее бойфренда как ветром сдуло после известия о беременности. Но влюбленная девушка продолжала ждать и надеяться на лучшее.

В ожидании возлюбленного она вздрагивала от каждого стука, доносившегося от двери. Мечтала, что он вдруг обьивится, и все у них сложится прекрасно: они поженятся, и она останется навсегда жить в Корее.

Однако сердечный друг не появлялся. Пролетели пара месяцев, когда любимый внезапно появился и предложил девушке остаться просто эйин, на что она закатила ему истерику и прогнала с глаз долой.

А затем, однажды, на настойчивые уговоры Галины вернуться домой, та выкрикнув в ответ: — Не хочу рожать безотцовщину! Выскочила, как ошпаренная из общежития и исчезла на два дня...

После этого случая Ирину как подменили. На смену веселому и легкому нраву пришла угрюмая озлобленность на всё: на работу, сослуживцев, Корею...

Как ни отвлекала подругу Галина, догадываясь, что та избавилась от ребенка, ничего не помогало. Девушка перестала смеяться, замкнулась в себе. Старшей подруге оставалась лишь плакать вместе с Ириной: от несправедливости, от бессилия, от боли...

Насильно мил не будешь

То, что теперь шептал ей на ухо начальник Ли, привело Галину в такое смятение, что, не задумываясь, она выругалась ему в лицо, и, скинув с плеч куртку, швырнула ему обратно.

Поджав губу и зло сверкнув глазами, начальник быстро вышел из цеха.

— Что случилось? Он тебя обидел? — с тревогой спросил недоумевающий Дмитрий, посмотрев искоса на удаляющегося начальника Ли, и сжал кулаки.

— Нет, все нормально, отмахнулась Галина, и теряя сознание тихо прошептала.

— Дим, мне плохо...

— Да ты вся горишь! — испугался Дмитрий, подхватывая ее на руки.

— Что с Галой? Испуганно спросила Ирина, вернувшись из столовой.

— Галь, поешь немного, взмолилась Ирина и принялась было кормить ее едой, которую припасла для подруги в столовой. Но Галина почти не подавала признаков жизни. Голодный обморок, констатировала Ирина.

— Да нет, простыла она сильно, горит вся, отнесу ее в общежитие, не дай бог, что-то серьезное, запричитал Дмитрий.

— Дим, я сама, запротестовала внезапно пришедшая в себя Галина на руках Дмитрия.

— Ничего, ничего, уже пришли, скрывая одышку, успокоил Дмитрий и через некоторое время помог ей зайти в общежитие.

После нескольких часов сна на теплом полу ей немного полегчало. Вернувшаяся со смены Ирина насилу заставила ее все же поесть.

После ужина Галина молча лежала в постели. Из головы не

выходил неприятный разговор с начальником Ли, но делиться с подругой не стала.

Вдруг раздался тихий стук. Открыв дверь, Ирина позвала подругу. Удивившись, та наспех накинула халат и вышла в коридор. За дверью стоял Дмитрий. Он молча протянул ей пакетик с фруктами. Взгляд, полный сострадания, взволновал молодую женщину. Испугавшись нахлынувших эмоций, Галина торопливо поблагодарила за внимание и попрощалась с напарником.

— Говорю тебе, Димка — что надо, надежный, — задумчиво произнесла Ирина и смахнула слезу.

Во все последующие дни после выздоровления Галина не раз ловила на себе недобрый взгляд начальника Ли и понимала, что грозы не миновать. Недобрые опасения подтвердились уже к концу смены.

— Убирайся вон! — грозно рыкнул ей прямо в глаза цеховой босс. А затем во всеуслышание грубо заявил, что Галина не понимает работу. И с того дня он неустанно твердил ей это при каждом удобном случае.

В полном отчаянии Галина не на шутку испугалась, ведь поездка в Корею на заработки — это был ее единственный шанс устроить в одночасье незавидный быт и будущее сына.

Ничто человеческое...

Через несколько дней Дмитрий подозвал ее и стал учить работе на своем станке. Галина испуганно запротестовала, кивая на начальника Ли, мол, скажет еще, что занимаюсь не своим делом.

Но он успокоил, сказав, что обо всем уже договорился с бригадиром Кимом. Галина недоверчиво покосилась на начальника, но тот не обращал на них никакого внимания.

Дмитрий научил ее заводить станок, продевать мате-

риал, менять краску. Нарочито хвалил и подбадривал во время работы. А если у нее что-то не ладилось, и она от бессилия расстраивалась, он частенько подбадривал ее пословицей: «Если долго мучиться, что-нибудь получится» и она вновь принималась за работу. Работая в ночную смену, Дмитрий прятал землячку в подсобках цеха, чтобы она немного поспала. С каждым днем существование Галины наполнялось светлой радостью. Она постоянно чувствовала поддержку Дмитрия, невидимую защиту с его стороны.

Сутками находясь вместе, напарники еще больше сблизились и прикипели друг к другу...

Убежденный холостяк, Дмитрий был ровесником Сергея, но казался старше из-за спокойного и уравновешенного нрава. Галина была младше на пять лет, но ее горький жизненный опыт сравнивал разницу в возрасте, поэтому у них было много общего во взглядах на жизнь. Они в свободное время стали делиться друг с другом самым сокровенным, часто разговаривали о семье, близких, о мечтах.

Дмитрий проникся к ней чувствами еще в самолете на пути в Корею, когда она показалась ему такой беспомощной и беззащитной. И потом он непрестанно думал о Галине. Ее милая тихая улыбка постоянно стояла у него перед глазами.

Как-то в очередные выходные Дмитрий повез ее в горы. Здесь туристы, в основном из местных, в качестве зарядки поднимались медленно друг за другом по деревянным ступенькам до самой вершины. Подышав на головокружительной высоте свежим воздухом, они неспешно спустились вниз.

Галине показался утомительным медленный подъем вверх, и она предложила срезать путь и сойти с тропы. Дмитрий не мог устоять перед ее сияющей озорной улыбкой, которая просто сводила его с ума, и поддался ее уговорам. Они перелезли через предупредительные огражде-

ния и стали быстро вскарабкиваться по крутой каменистой поверхности.

Через несколько минут у Галины от напряжения онемели ноги, она присела на скалу, сняла ботинок и стала разминать стопу. Нечаянно ботинок покатился вниз и застрял в двух шагах от нее на отвесной глыбе. Галина осторожно потянулась за ботинком, но, не удержавшись, кубарем полетела вниз, чудом зацепившись за колючий кустарник дикой малины.

За считанные секунды вся жизнь пронеслась перед ее глазами. «Смешная смерть», — подумалось ей, как вдруг услышала голос Дмитрия, протягивающего ей руку. Судорожно схватив ее и отталкиваясь ногами от камня, по команде друга, Галина с трудом поднялась наверх и оказалась в объятиях Дмитрия.

— Ты меня опять спас, Дима! Я уже думала, что это конец,.. — прошептала Галина, едва переводя дух.

— Наверное, это судьба,.. — тихо ответил Дмитрий, и крепко обнял ее. Затем усадив на огромном камне, спустился вниз за ботинком. Через некоторое время Дмитрий вернул золушке ее «туфельку» и скомандовал идти дальше. Но Галина ссылаясь на занозы и страх начала отказываться, умоляюще предлагая спуститься вниз по лестнице.

— Слышал, что на самой вершине можно загадать желания и крикнуть — Яху¹! И тогда они обязательно исполнятся, — загадочно рассказывал Дмитрий, вытаскивая Галине занозы, нехотя соглашаясь на ее предложение.

Эта идея понравилась Галине, которая враз подняла ей настроение и прибавила сил. Взяв себя в руки, она уверенно направилась к вершине. Дружно, держась рядом, пара

1 Яху — корейское междометье. По традиции южные корейцы произносят на возвышенности, загадав желание.

поднялась наверх.

— Яху! Яху! — загадав желания, кричали во всю мощь Галина и Дмитрий с вершины горы.

Галина загадала и купить квартиру, и чтобы сын поступил в институт, и чтобы они с Дмитрием не расставались... Преданный товарищ, как выяснилось многим позже, тоже пожелал, чтобы они не разлучались.

После спустившись по лестнице, выпив рисового пива и поев блинчики — по местной традиции, немного захмелевший Дмитрий предложил посетить заведение «Норепан» — кафе, где поют под караоке, о котором слышал от ребят в общежитии.

В Норепане, к их немалому удивлению, им выдали каталог с русскими песнями, в котором они выбрали популярную в ту пору песню «Снег кружится».

Во время исполнения лирической мелодии Дмитрий пригласил Галину на танец.

Блики света от иллюминации кружили по комнате как снежинки в такт песни, унося их в прекрасный сон.

Внезапно, взяв Галину за руки и явно стесняясь, Дмитрий признался в своих чувствах. Молодая женщина растерялась и стала торопливо говорить, что они не пара, что у нее уже есть опыт неудачного замужества, что ему нужна молодая девушка без прошлого.

На что Дмитрий, крепко стиснув ее в объятиях, стал осыпать страстными поцелуями.

Несколько звонких пощечин остудили его пыл, и он выпустил из рук вырывающуюся Галину.

Домой пара возвращалась порознь: она — торопливыми мелкими шажками шла впереди, он — неловко семенил поодаль...

Последующие дни земляки работали молча, боясь посмотреть друг другу в глаза. Дмитрий виновато поглядывал на

напарницу, которая старательно делала вид, что не замечает его. Но когда им все же приходилось во время работы оказываться очень близко, обоим становилось так хорошо и тепло на душе, что этого было уже не скрыть от чужих взоров.

Как-то вечером после работы Дмитрий окликнул Галину, выходящую за ворота завода, и с волнением произнес:

— Галь, не понимаю, что на меня нашло в «Норепане», вел себя как последний дурак. Больше не буду, обещаю.

На что Галина, медленно приблизившись к нему и приподнявшись на цыпочки, чмокнула растерянного Дмитрия в щеку. Затем махнув рукой на прощание, весело выкрикнула: — До завтра!

А завтра... У них начался роман...

Дважды в одну и ту же реку

В один из дней всех оповестили о возвращении на завод Сергея. Галина с Дмитрием сразу бросились в общежитие.

Бывший товарищ сидел на пороге, не поднимая головы. К груди он крепко прижимал огромный баул с вещами. Выглядел мужчина плачевно. Одежда его была мятой, грязной, местами изорванной, под глазом красовался огромный синяк, кровоподтеки покрывали лицо, шею, руки.

— Ты где был? Что с тобой произошло? — спросили взволнованно земляки.

— На карго, — глухо ответил товарищ. И продолжил: — Я все испортил: уже получал отличную зарплату, скопил немало. А три дни назад покутил малость с ребятами. Напился и подрался в кафе. Полиция арестовала, три дня проторчал в обезьяннике, теперь — депорт...

— Сиди здесь, я поговорю с директором, — ответил Дмитрий и ушел.

Разговор с директором был длинным. Руководитель

нехотя выслушал Дмитрия, после чего связался с менеджером и вызвал переводчика.

К концу рабочего дня у офиса вплотную собрались рабочие-иностранцы.

— Есть какие-нибудь пожелания? Вопросы к руководству? Что-нибудь вам нужно? — спросил директор.

— Сергея не депортируют? — выкрикнула Ирина. Подойдя незаметно к толпе, она встала рядом с горемычным товарищем, возле которого уже были Галина с Дмитрием.

— Нет! Но это последнее предупреждение, — ответил директор через переводчика и многозначительно посмотрел на Сергея.

Затем, несколько ребят высказались по поводу очень горькой и постной пищи в столовой, и попросили разрешить им готовить в общежитии самим себе ужин, лишь получать продукты в столовой.

Директор, выслушав переводчика и посоветовавшись со своими заместителями, одобрительно кивнул головой. Обрадованные такой развязкой рабочие весело разошлись по общежитиям.

Дмитрий помог занести Сергею вещи в комнату, девчата заботливо принялись обрабатывать царапины на его лице и руках.

— Здорово, что вы у меня есть! Спасибо вам большое, друзья, - тихо промямлил растроганный от заботы Сергей.

— Здорово, что ты вернулся, — почти хором ответили земляки и принялись готовить нехитрый ужин.

Через час все весело хохотали за праздничным, по их меркам, столом.

— Не обожгись, сказала Ирина заботливо передавая кружку горячего чая Сергею и пригрозив с улыбкой добавила: — Придется заняться твоим воспитанием!

— А что, я только за! — весело ответил Сергей и покорно

стал с шумом отпивать по глотку чай, чем вызвал у Ирины задорный смех.

— Давно я тебя не видела такой веселой, — радостно заметила, в свою очередь, Галина и подумала, что все-таки чужое горе — лучшее лекарство от своих проблем...

В конце смены следующего дня Дмитрий с Галиной отключили было станок, как вдруг забежал взволнованный начальник Ли и приказал поработать дополнительные часы. Но они запланировали съездить в Сеул и торопились. Узнав, что материал отправят заказчикам лишь на следующей неделе, Дмитрий стал убеждать начальника, что успеет покрасить в срок.

Но начальник стоял на своем, временами косясь на Галину, тогда Дмитрий, желая избежать конфликта, согласился, и они с Галиной живо принялись за дело. Дмитрий, желая ускорить процесс, на большой скорости стал прогонять материал, краска ложилась ровно, без брака, Дмитрий с Галиной счастливо улыбались, представляя будущую поездку в столицу. Вдруг станок стал морщить материю, один из барабанов искривился и лопнул, сработала сигнализация на пульте управления. Дмитрий, не отключив станок, стал счищать материал от осколков барабана, об один из которых сильно порезался. Кровь стала заливать материю, скрываясь под черной краской. Галина, ахнув, схватила поблизости лежащий скотч (клеящаяся лента) и стала перевязывать ему руку.

Прибежавший на звук сирены начальник Ли набросился на них чуть ли не с кулаками, ругался, что те вновь нанесли заводу ущерб.

Ни слова не говоря, Галина, отключила станок и, подталкивая впереди идущего Дмитрия в спину, не слушая ругань начальника, увела того из цеха.

В общежитии она обработала ему рану и перевязала

бинтом. Дмитрий не чувствовал боли, он был впервые счастлив, так же, как и Галина, и невидимая крепкая нить связала их в эти минуты, казалось, навсегда...

С любимыми — не расставайтесь

Снова привычной чередой полетели рабочие будни. Всех земляков Галины уже перевели на должности повыше — многие из них работали техническими работниками, — а она оставалась на том же месте.

Но Галина не расстраивалась, она была счастлива работать вместе с Дмитрием, и ее больше не пугали злые взгляды, они с Дмитрием весело, воркуя как голуби, работали с упоением.

Галина уже немного могла изъясняться по-корейски. С Дмитрием они учили корейский язык, а главное, лучше узнали культуру и быт страны — побывали во многих достопримечательных местах Кореи, отдыхая в путешествиях по праздникам или в выходные дни.

И все же самым излюбленным местом для всех оставался Тондэмун, где можно было встретить земляков, пообщаться, узнать о родине. А также прикупить обновку, отправить посылки и деньги домой, и отведать в кафешках домашних блюд. Затем отдохнуть в сауне, где, к их удивлению, одновременно находились мужчины и женщины, и, расположившись почти бок о бок, дремали до утра.

Все уже обзавелись мобильными телефонами и связывались с близкими, с которыми не могли наговориться вдоволь. Так же, как и родня на другом конце провода на самом краю земли.

Размеренное существование прервал досадный случай. В один из дней не вышел на работу Дмитрий. Едва дождавшись перерыва, Галина ринулась в мужское общежитие. Ее друг спешно складывал вещи в чемодан.

— Что случилось, Дима? — волнуясь, спросила она.

— Домой еду. Мама сильно заболела, — печально сообщил напарник. Затем посмотрел на нее и грустно спросил:

— Галчона, ты меня будешь ждать?

— Конечно, — не раздумывая, ответила Галина и подошла к Дмитрию.

Тяжелое предчувствие, подобно зловещей змее из далекого сна, вдруг охватило Галину, и она сделав усилие над собой неслышно прошептала:

— Когда вернешься? — И, не дождавшись ответа, уткнулась ему в грудь.

— Скоро, очень скоро. Не смогу я без тебя жить, Галчона, люблю... — ответил Дмитрий и крепко прижал ее к себе.

У обоих навернулись слезы: то ли от расставания, то ли от жалости. С дрожью в голосе Галина шептала, что будет его ждать хоть всю жизнь...

Вдруг кто-то зашел в комнату. Обернувшись, они увидели Ирину с Сергеем.

— Ага, попались! — воскликнула игриво девушка, но тут же осеклась при виде их заплаканных лиц. Наскоро попрощавшись с товарищем, она тут же сбежала. Сергей же остался помогать собирать вещи в дорогу Дмитрию.

Галина тоже заторопилась, но ноги ее не слушались. Ей хотелось вот так простоять с любимым целую вечность...

Дмитрий проводил Галину до цеха. Впервые за все время повалил крупными хлопьями снег. Обнявшись, молодые замерли на несколько минут, наслаждаясь объятиями и словами из песни, которые звучали у них в душе:

*Снег кружится, летает и тает,
И позёмкою кружа,
Заметает зима, заметает,
Все что было до тебя.*

Надо было идти работать. Галина слегка оттолкнула Дмитрия, отвернулась и медленно вошла в цех. У нее все валилось из рук, слезы текли безостановочно, ей казалось, что она только что навсегда попрощалась с любимым человеком...

Невольно Галина стала вспоминать всю свою жизнь — ту, что была до встречи с любимым и казалась ей теперь полузабытым сном.

Замуж она вышла как-то неожиданно для самой себя: родители друга детства во время совместного обеда сосватали ее так буднично и без тени сомнения, что ей ничего не оставалось делать, как кивнуть в знак согласия улыбающимся родителям. Но крепкая дружба и привязанность между молодоженами для совместной жизни оказалась недостаточными. И вскоре они так же быстро развелись, как и сошлись.

Оставшись с маленьким ребенком на руках, Галина не расстраивалась, наоборот, даже обрадовалась такому повороту судьбы: обманывать мужа, кривить душой и притворяться было не в ее характере.

После отъезда Дмитрия новым напарником Галины назначили пожилого местного мужчину, который беспрестанно покрикивал: по случаю и без случая. Но Галина старалась не обращать на сварливого старика внимания, ее согревали мысли о предстоящей встрече с любимым...

Невосполнимая утрата

Прямо в аэропорту взяв первое попавшееся такси, Дмитрий, нетерпеливо подгоняя водителя, мчался в родной дом, где его ждали мать с сестренкой.

Подъехав к дому он увидел собравшихся людей. Сердце дрогнуло от нехорошего предчувствия. Даже не поздоровавшись, парень забежал в дом и... увидел за столом гостей.

Растерянно остановившись на пороге, он увидел сестренку Альбину в белой поминальной косынке.

Та ахнула, шагнув к нему навстречу, прижалась к груди.

— Димка! Ты приехал! — закричала сквозь слезы сестренка и запричитала:

— Нет больше мамы. Не дождалась она тебя.

— С корабля на бал! — пьяно перебил сестренку крепко подвыпивший дальний родственник по материнской линии.

Дмитрий даже не взглянул в его сторону. Расспросив сестру, где похоронили мать, бросился на кладбище.

Стоя на коленях, беззвучно плакал перед свежеврытой могилкой.

— Мама, мамочка! Прости, не успел, прости, что ты не дождалась меня... — шептал безутешно Дмитрий

С фотографии, закрепленной на кресте, на него беспомощно взирала мать. Только ни тени обиды не было в родных глазах: похоже, она не сердилась на опоздавшего сына.

Почему-то вспомнилось, как она гладила его шершавой рукой по голове в далеком детстве, прижимала к груди, как приговаривала: «Ты — моя опора, моя радость».

— Но я ведь только ради тебя, ради Альбинки уехал в Корею, — хотелось кричать ему, но он, глядя на фото матери, только тихо шептал эти слова...

Тяжелая, словно камень, боль утраты и чувство вины сдавили сердце.

Опустив голову, он продолжал сидеть на корточках у могилы. Опомился от чьего-то прикосновения: кто-то положил ему руку на плечо. Это была соседка — подруга сестренки Ольга.

— Не переживай так сильно, в жизни всегда так: рано или поздно родители от нас уходят.

— Как же так, Оля? Почему так быстро ушла мама? —

спросил парень и, не дожидаясь ответа, тяжело приподнялся, опираясь на протянутую руку.

— Пойдем домой, там Альбина с гостями, надо помочь, уговаривала девушка.

Они шли с деревенского погоста, и Оля рассказывала ему о матери.

О том, как дежурили с Альбиной у ее постели, как просила она их не говорить ему о своей болезни.

— Вот станет получше, тогда и скажете, — приговаривала она. Но лучше так и не стало.

И когда Альбина все же сообщила Диме, что мама тяжело больна, шансов на выздоровление уже не осталось...

В доме уже никого не было: соседи и родственники разошлись. Альбина сидела за столом и горько плакала. Брат подсел рядом, обнял ее за плечи, плеснул себе водки в граненый стакан.

Выпив до дна, закурил, молча сжимая и разжимая в бессилии руки.

Они не заметили, как ушла Ольга, перебив всю посуду.

Стало совсем тихо. И только оставшись наедине с сестрой, Дмитрий до конца осознал все то горе, что на них свалилось.

— Как же мы теперь без мамы? — спросила вдруг сестренка. — Я не смогу одна... Ты ведь не уедешь сразу обратно в Корею?

— Нет, конечно же, нет, — поспешил успокоить ее старший брат.

Всю ночь ему снилось, будто он бежит за мамой, зовет ее, но она, не оглядываясь, не идет, а словно летит куда-то вдаль...

Проснулся в слезах. Голова раскалывалась, горло пересохло, но встать не хотелось, и он продолжал лежать, разглядывая старенький, кое-где в трещинках потолок...

— Можно к вам? — услышал он вкрадчивый голос Ольги

и приподнялся с постели.

Соседка принесла парного молока и горячие лепешки. Только теперь Дмитрий понял, как проголодался: в последний раз он наспех перекусил в самолете.

Снова выпил водки и хотел было закурить, но Альбина спрятала сигареты и заставила брата немного поесть.

Втроем они пошли на могилку и по традиции помянули маму на второй день после похорон.

...Прошел месяц. Дмитрий установил памятник на могиле матери, хотя понимал, что поступает неправильно. По обычаю, его устанавливают строго в родительский день — пятого апреля. Но он торопился, ему хотелось, как можно раньше вернуться в Корею, к Галине, по которой уже очень скучал.

Да вот только улететь ему к любимой не довелось...

Несбывшиеся желания

Сначала не отпускала в Корею сестренка. Альбина никак не могла смириться со смертью матери. Потом резко подскочили цены на авиабилеты. У Дмитрия от заработанных денег почти ничего не осталось.

— Ладно, — решил он. — Подзаработаю немного и тогда...

Но в колхозе работы для себя он найти так и не сумел.

Подался к другу в районный центр, да, к его огромному сожалению, старый приятель ничем не смог помочь. Расстроенный, вернулся в родной колхоз.

Дом показался ему совершенно пустым и безжизненным. До боли не хватало родного голоса мамы, ее присутствия.

Дмитрию очень хотелось поговорить с ней, как прежде, сидя рядышком, рассказать обо всем, что было им пережито: о Корее, о Галине. Мама внимательно бы его слушала, улыбаясь и кивая седой головой, представлял Дмитрий.

Теперь никогда уже такого не будет...

Вздохнув, парень заглянул в холодильник, достал немного еды и оставшуюся после поминок бутылку водки.

— Помяну маму...

Он и сам не заметил, как скоро опустела бутылка. Будто сквозь сон услышал голос вернувшейся Альбины:

— Ты что это пьешь? Горе водкой не залить, — заволновалась сестренка. Затем присела рядом и, положив ему голову на плечо, разрыдалась.

— Не плачь. Это я от того, что немного устал. Работу не нашел...

— А идем к нам на завод! Там рабочие руки нужны! — предложила Альбина. — Зарплата хоть и не очень высокая, но выплачивают вовремя, без задержек.

Сама Альбина пришла на завод недавно, сразу после окончания колледжа: устроилась работать поваром в небольшой столовой. Улыбчивую девушку приняли хорошо, всегда нахваливали стряпню и уважали за помощь в свободное от работы время.

— Не-е, — перебил, не дослушав сестру, Дмитрий. — Это не мое. И денег на твоём заводе особо не заработаю. Другое поищу что-нибудь.

Он встал из-за стола и, пошатываясь, добрел до постели, махнув рукой, мол, отстань.

Утром проснулся с дикой головной болью.

— Вроде мужики похмеляются, чтобы голова не болела, — машинально пришло на ум, и он стал искать глазами бутылку со спиртным. Не найдя ничего, решил сходить в магазин.

У самого его входа вдруг столкнулся с Ольгой. Та, сделав покупки, возвращалась домой. Увидев Дмитрия, засияла. Пышные пряди длинных волос развивались от ветра, открывая ее милое личико.

— Привет, — улыбнулась девушка. — Чем занимаемся, какие планы на жизнь?

— Да никаких, — нехотя ответил Дмитрий. — Голова вот раскалывается...

— Ясно, я сейчас! — лукаво подмигнула красотка и попросила подержать пакеты с продуктами. Вернулась быстро — с большой баклажкой пива.

— Пошли, я сейчас рыбки пожарю под пивко! — веселилась Ольга.

После пива голову действительно отпустило.

— Ты прямо лекарь! — простодушно удивился парень, а Ольга, зардевшись от похвалы, рассмеялась.

На следующий день она пришла опять, и Дмитрий даже обрадовался ее присутствию: одному в доме было тоскливо и скучно. И он уже не удивился, когда Ольга стала навещать к ним чуть ли не ежедневно.

То обед приготовит, то в доме приберет. Вдобавок в огороде покопается и вместе с Дмитрием выпьет стопочку за компанию.

О поездке в Корею он думал все меньше и меньше, понимая, что решить этот вопрос становится все труднее.

— Нет денег на авиабилет, на визу, и нет работы, чтобы их заработать. Какой-то замкнутый круг, — иногда думал Дмитрий, но ничего не мог предпринять.

Получалось, что и кормит, и поит его младшая сестренка.

Временами становилось стыдно. Так стыдно, что хотелось напиться и забыться. И он проваливался в тяжелое забытье, снова и снова наливая себе водки.

Бесплатный сыр

За компанию с ним частенько выпивала и Ольга. Никогда не укоряла: ни тем, что стал пить, ни тем, что не может устроиться на постоянную работу. Наоборот, утешала, убеждая, что все это — временные трудности, и все будет хорошо.

— Я ведь понимаю, почему ты пить стал, — проговорила она как-то на одном из таких застолий. — Мужчины порой слабее нас, женщин: горе всегда переживают труднее. Им кажется, что водка им в этом поможет, вот и начинают пить...

— Да ты-то откуда знаешь про мужчин? — удивленно глянул на нее Дмитрий. — Да и про меня что ты понять можешь?

— Все могу и все понимаю, зря ты так, — тихо ответила девушка и вдруг призналась, — Люблю ведь тебя, Дима. Давно люблю, а ты и не замечал никогда.

Парень оторопело смотрел на Ольгу, не зная, как должен реагировать мужчина на признание в любви. Для него девушка всегда была подружкой сестренки: веселой и забавной соседкой, много моложе него, на которую он действительно никогда не смотрел как на возможную партию.

А теперь она не отрывает от него влюбленных глаз и призывно ждет ответа. Парень хотел было рассказать ей о Галине, о том, как скучает по любимой, как ждет встречи, но что-то заставило его промолчать.

То ли испугался, что Ольга заплачет, то ли тронуло сердце, как по-детски наивно и искренне призналась она в своих чувствах...

— Оль, и когда ты в меня успела влюбиться? У тебя, я слышал, был жених из соседнего колхоза, кстати, где он? — изумленно спросил Дмитрий.

— Веня в армии. Но у нас не сложилось, да и не было ничего: врут злые языки, — резко оборвала Ольга. — Я тебя давно люблю, просто не решалась сказать.

— А теперь решила? Не верю!

— Да я что угодно сделаю, лишь бы ты поверил, — тихо проговорила девушка. — Вот что мне для этого надо сделать?

— Что? — Дмитрий задумался, помолчал, потом вдруг засмеялся. — Если пострижешься наголо, тогда — поверю! А так — не приходи больше.

— Ну и ладно, не приду, — странным тоном произнесла Ольга и вышла из комнаты.

— Вот и хорошо, — подумал Дмитрий. — Пойду на речку, может, хоть рыбы наловлю.

В сарае он нашел старенькую удочку, припрятанную бутылку водки и направился к местной речушке.

Домой вернулся хотя с жалким уловом, зато изрядно навеселе. И остолбенел, увидев снова в их доме Ольгу. Она как-то суетливо накрывала вместе с сестренкой на стол.

— Посмотри, какой пирог испекла Оля! — кивнула сестренка на стол, где красовался румяный пирог, от которого весь дом будто согрелся и наполнился прежним уютом.

— Ты еще здесь? — буркнул Дмитрий, косясь на ее пышную прядь волос. — А ведь сказала, что больше не придешь...

Ольга вспыхнула и, смущенная, выскочила из дома.

— Зачем ты обидел Ольгу, она же нам во всем помогает, поддержала в трудную минуту, а ты...

Помолчав немного, добавила:

— Жениться тебе надо на ней, а то ведь запьешь совсем, — и уже совсем тихо: — Видела бы тебя таким мама! А Оля ведь вправду очень хорошая: хозяйственная, добрая. И любит тебя, дурака!

— Да не нравится она мне. И нечего ей больше здесь делать! — огрызнулся брат и завалился прямо одетым на чистую постель.

— Неблагодарный грубиян, — тихо ответила Альбина и с укором покачала головой.

Утром его разбудил осторожный стук в дверь.

Парень недовольно поднялся, нехотя открыл дверь и, оторопев, уставился на Ольгу. Та загадочно улыбалась, не сводя с него глаз.

— А, это ты? Я же сказал, чтобы больше не приходила! Ты мне не нравишься. Просто нафантазировала что-то

себе, — ворчливо буркнул Дмитрий и, прихлопнув дверь, прошел на кухню, зачерпнул целый ковш воды и стал жадно пить.

— Люблю я тебя, Димочка. Замуж за тебя хочу! — дрожащим от волнения голосом ответила Ольга и, развязав платок, показала ему лысую голову.

— Ты что? С ума сошла! — оторопело промычал Дмитрий и поперхнулся.

— Да, сошла с ума и уже давно, — горячо зашептала Ольга, не дав ему опомниться, крепко прижалась к нему и разрыдалась, причитая о том, что никто ее не любит, никому она не нужна, даже родителям, которые ее годовалую отдали на попечение тетки.

У Дмитрия сдавило сердце от жалости, он почувствовал себя виноватым и гадким.

— Есть будешь? — опомнившись, по-родственному спросил он девушку. Та кивнула головой и вытащила из сумки непечатую бутылку водки. Обрадованный Дмитрий раскупорил бутылку, разлил в стаканы, залпом осушил свой и закурил.

Охмелевший враз Дмитрий, посмеиваясь, стал разглядывать совершенно лысую голову Ольги.

— Ну ты и дурочка, — не переставал удивляться Дмитрий, а та, довольная, только кивала в ответ.

В тот день она осталась ночевать у Дмитрия...

Альбина, вернувшаяся после работы, укрыла молодых одеялом и ушла к соседке. Вдруг сложится что-то у брата с семейной жизнью, остепенится, радовалась в душе Альбина.

Уже через месяц Ольга сообщила, что ждет ребенка.

— Ну что ж, — обреченно вздохнул Дмитрий. Ребенок — это жизнь. О возвращении в Корею он уже и не мечтал. Стал находить подработки то в колхозе, то в городе, куда время от времени уезжал.

Но денег все равно ни на что не хватало, а Ольге то апельсинов хотелось, то шоколада, то соленьего. К рождению ребенка она составила такой огромный список, что Дмитрий аж присвистнул.

— А как ты думал? — капризно возмутилась Ольга. — Ребенок же не будет по полу голеньким ползать. И кроватку ему надо, и коляску, и пеленки-распашонки нужны.

Любовная лодка разбилась о быт

Дмитрий устроился на завод, где работала сестренка. Здесь его знания корейского языка и производственного процесса пришлись как нельзя кстати, и директор даже назначил его своим помощником.

А весной была свадьба. Но не Дмитрия, а его сестренки. Альбина познакомилась с Артуром на заводе, встречались совсем недолго и уже через полгода молодые подали заявления в загс. Торжество отметили в доме жениха, куда Альбина переехала сразу в день свадьбы.

Дмитрий не поскупился и отдал молодоженам в качестве подарка все заработанные деньги. Однако Ольга широкий жест раскритиковала.

— И так мало зарабатываешь, так и эти деньги сестре отдал, — упрекнула она его. И, обидевшись, даже не пошла на свадьбу, сославшись на недомогание.

— А где Оля? Когда же ваша очередь? — спросил пожилой сосед Дмитрия и, подмигнув, добавил. — Слышал, ты ее с «подолом» взял?

— Вы чего спяну несете? — возмутился Дмитрий.

— Это не я, это все соседи об этом толкуют, пытался обосновать свои доводы сосед. — Ольга-то с Венькой из соседнего колхоза жила! А как только тот уехал в армию, тут же к тебе переметнулась.

— Если это неправда, вы пожалеете об этом! — зашипел Дмитрий и ушел, не попрощавшись с сестренкой.

Ольга еще не спала, когда он вернулся домой.

— Что так рано пришел? Или уже выпить не наливают? — злобно поинтересовалась она, расстилая постель.

Дмитрий дернул ее за руку, притянув к себе, посмотрел в глаза и спросил:

— Скажи честно — от кого ребенок?

— От тебя, конечно, дурак. Что еще за шутки, — растерянно возмутилась Ольга. — Как тебе в голову подобное могло прийти?

Она притворно попыталась заплакать, с укором взглянув на Дмитрия, от чего тому стало стыдно за свои подозрения.

— Ну ладно, — успокоился он. — Давай спать!

Однако поспать не получилось. Его разбудил стон и громкий плач супруги:

— Ой, мамочка! Больно как! А-а-й!!!

Парень растерялся: не время было Ольге рожать, совсем еще рано... Может, мелькнула мысль, прав-таки был сосед.

Но Ольга стала кричать еще громче, и он опрометью кинулся к соседу-фельдшеру.

Девочка родилась под утро. В сельской больнице, куда Дмитрий отвез Ольгу, пожилая акушерка устало ему улыбнулась:

— Маленькая совсем девчужка, но совершенно здоровенькая. И на вас так похожа!

Дмитрий на радостях пил, не просыхая, три дня. И когда Ольгу выписали, встречал ее пьяным, еле стоя на ногах.

Попытался было взять малютку на руки, да чуть было не уронил.

— Ах ты, мой Галчонок! Моя девочка! — и сразу же вернулся сверток жене, которая буквально выхватила у него из рук дочь.

— Почему Гала? Некрасивое какое имя, — возмутилась новоиспеченная мамаша. Однако Дмитрий быстро нашелся, вспомнив, что так звали любимую тетку, и была она очень добрая и красивая.

— Ну, как скажешь, пусть будет Галкой, — недовольно буркнула Ольга.

Отметив дочкин день рождения по всем корейским канонам, Дмитрий наконец решился подать заявление в загс. По дороге купил большой букет цветов и направился домой.

Ольгу он увидел еще издали. Нарядная, с новой прической, она нежно льнула к груди молодого мужчины в военной форме. Увидев же подошедшего Дмитрия, отскочила как ошпаренная и стала испуганно оправдываться. Мол, приехал Веня из армии, вот и обнялись на радостях.

— Вениамин! — представился солдатик и протянул руку Дмитрию, но тот ему руки не подал. Швырнув на землю букет, прошел мимо них.

— Папа, папуля! — обрадовалась ему маленькая дочка и протянула ручки. Но Дмитрий, даже не обняв ее, молча прошел на кухню.

Жгучая ревность охватила его. Он плеснул в стакан водки, но пить не хотелось. Курил сигарету за сигаретой и ждал, когда же зайдет в дом Ольга.

— Ты что, ревнуешь? — спросила она с ходу. Зайдя на кухню с дочкой на руках, схватила его стакан с водкой и стала жадно пить.

Вырвав из ее рук стакан, он закричал:

— Ведешь себя как последняя!..

Затем хотел забрать дочь, но малышка испуганно прижалась к матери.

— Значит, это он отец Галочки? — посмотрел ей в глаза Дмитрий.

— Ну нне-еет, — неуверенно прозвучало в ответ.

— От него или от кого другого — мне плевать. Галчона — моя, но, если будешь бегать к Веньке, выгоню! — грубо сказал Дмитрий.

— С ним мы просто встречались до армии, весь колхоз знает, но расстались, вернее, бросил он меня еще до того, как ты вернулся из Кореи. А теперь замуж зовет...

— И что ты ответила? — спросил Дмитрий и опять посмотрел ей в глаза.

Ольга отвернулась, раздумывая над ответом.

— Сегодня хотел сделать тебе предложение и пойти в загс, а ты, видимо, хочешь совсем другого, — выдохнул Дмитрий и закурил.

— Долго же ты собирался, мне уже ничего от тебя не хочется! Надоело жить в подвешенном состоянии! Ждать, когда ты, наконец, решишься! Все, ухожу! — истерично закричала женщина и стала одевать плачущую малышку.

— Дочку я тебе не отдам! — притянул к себе ребенка Дмитрий и сухо отрезал: — Уходи!

Никогда еще Ольга не видела его таким. Столько ненависти было в его глазах, что она не на шутку испугалась.

Быстро похватав кое-какие свои вещи, опрометью выскочила из дома.

Наутро они с Венькой уехали. А куда — никто не знал...

Принцесса Галина

...Прошел еще один год. Дмитрий с семьей сестренки провели третьи церемониальные поминки маме.

Все свободное время он проводил с дочерью. Та росла веселой, болтала без умолку и все время заставляла отца рассказывать сказки. Про лисицу или Колобка девочка слушать не желала, требуя новых, интересных сюжетов.

И Дмитрий придумывал ей истории о чудесной стране, где каждую весну расцветают удивительной красоты цветы и живут необычные, очень добрые и благородные звери. А маленькая принцесса, любимица всей страны, кормит их из рук яствами с королевского стола и лечит раненых зверушек, потому что она очень умная и добрая будущая королева.

— А как зовут эту девочку-принцессу? — спросила как-то, засыпая, кроха.

— У нее очень красивое и редкое имя — Галина.

— Ой, — воскликнула девочка. — Значит, ее зовут так же, как и меня! Значит, я тоже — принцесса!

— Конечно, — сказал Дмитрий и поцеловал дочь в пухлую щечку. — Ты — моя маленькая принцесса Галина. Самый прекрасный ангел из сказки.

А сам про себя подумал:

— Как моя любимая, которую я потерял...

Все эти годы Дмитрий пытался забыть о ней, понимая, что слишком много времени прошло с момента их расставания, что теперь между ними целая вечность. Может, думал он, Галина тоже вышла замуж и счастлива. И, может, у нее уже тоже родились дети.

Однажды он вернулся с работы раньше обычного.

— У меня плохие новости. Завод закрывают, — сообщил он сестренке. — Что теперь нам с твоим мужем делать?

— Здесь больше нигде устроиться на работу, — расстроилась Альбина. — Может, вам с Артуром поехать на заработки в Корею? А я присмотрю за твоей дочкой: все равно ведь еще в декретном отпуске с сыном.

Другого выхода у них и не было, и Дмитрий с зятем поехали в столицу получать рабочие визы.

— Улечу в Корею, устроюсь на завод, подкоплю денег и заживем с Галчоной не хуже других, — размышлял возле посольства Республики Корея Дмитрий, ожидая с зятем

своей очереди в консульский отдел.

Рядом с ним стояли разного возраста люди. Кто-то угрюмо молчал, другие звонили по телефону, а кто-то весело шутил, но чувствовалось, что все напряжены. Каждый думал только о том, сможет ли получить визу.

— Сегодня обещали дождь, а им и не пахнет. Осень называется, — сказала кому-то девушка из очереди.

Незнакомец усмехнулся, мол, не стоит доверять синоптикам.

И тут вдруг небо потемнело, подул резкий ветер, взметая пыль и срывая листву с деревьев.

— Кажется, дождь начинается, — игриво подмигнул девушке, стоящий рядом седой мужчина.

Кто-то хихикнул в толпе, и всем вдруг стало весело: напряжение немного спало.

Девушка, нервно порывшись в сумочке, отыскала зонтик и, улыбнувшись очереди, смеясь объяснила:

— На всякий случай.

И вправду, случай не заставил себя долго ждать: после затихшего было ветра начал накрапывать прохладный дождь.

Дмитрий поднял воротник куртки и укрылся под деревом. Он невольно протянул руку вверх: кружа на ветру, на его ладонь опустился пожелтевший лист.

Он повертел резной листочек с бледно-зеленоватыми прожилками, в котором еще теплилась жизнь, и подумал, как тот похож на него: срывается с места, и, носимый не по своей воле, продолжает надеяться и верить.

Ему вдруг вспомнилась Галина, как они бежали в общежитие под летним дождем в Корею. Муссонный ливень, застигнувший их врасплох, лил как из ведра. Ее новые босоножки размякли от воды, платье, купленное в этот день, от дождя оттянулось вниз, и Галина, намотав его на руку, стояла босиком под крышей магазинчика, где они спрятались,

переживая ливень. Тогда она показалась ему такой красивой и беззащитной, что он невольно приобнял ее, стараясь согреть своим теплом, а она, будто не обращая внимания на его жест, продолжала молча стоять и вглядываться в небо.

— Димка, ты, что ли? — прервал внезапно нахлынувшие воспоминания один из молодых мужчин.

Взглянув на него, он не поверил своим глазам:

— Серега, ты?

— Не понял, так ты что, живой, что ли? — вопросом на вопрос ответил Сергей и смутился.

— Живой, как видишь, — заулыбался Дмитрий, и друзья радостно обнялись.

— Девчонки сказали, будто в Корею прошел слух, что ты насмерть сорвался с высоты на стройке, — несмело оповестил товарищ.

— На какой стройке, и что за девчонки? За те пять лет, как уехал, я так и не возвращался. Но теперь вот снова хочу податься на заработки с зятем, — представил он родственника.

— А-а-а, — многозначительно протянул Сергей, а потом объяснил, что Галина встретила знакомую в аэропорту, и та ей об этом рассказала.

— Кстати, мы теперь все в одной фирме работаем, — продолжал радостно делиться новостями товарищ. Галина с сыном открыла компанию, и пригласила нас с Ириной работать. Скоро у нас с ней свадьба, и еще ждем первенца, — обрадовано заключил Сергей.

И тут же пригласил его на бракосочетание, назвав дату регистрации.

— В загсе сможешь быть свидетелем, а то друг из Казахстана не может приехать? — вдруг попросил с мольбой Сергей.

Все это время Дмитрий слушал товарища и ушам своим не верил, что тот рассказывает о любимой. Опомившись,

пробубнил, мол, да, конечно, и добавив пытливо:

— А как Галина?

— Одна до сих пор. Все тебя оплакивает: с кем только мы с Ирой ее ни знакомили — все напрасно.

Оба замолчали.

Тут подошла очередь Дмитрия с Артуром. Обменявшись номерами телефонов, добрые друзья расстались.

По дороге домой Дмитрий все пытался представить себе жизнь Галины после своего отъезда из Кореи, но у него ничего не получалось. Так это было давно и уже казалось почти забытым...

Без Дмитрия

А Галине в ту пору жилось совсем непросто. Прошло более трех месяцев с отъезда напарника, но Галина так и оставалась разнорабочей. Она понимала, что все это — происки начальника Ли в ответ на ее отказ стать любовницей.

В один из дней, улучив свободную минуту, женщина зашла в офис завода и напомнила директору об условиях контракта — повышение в должности после ученических месяцев работы.

Руководитель просмотрев вакансии, тут же распорядился назначить Галину на другую должность: инспектора по проверке качества материала.

По злобному взгляду, которым тогда провожал ее начальник Ли, внезапно поняла, что подписала себе тем самым смертный приговор. Злорадство и уверенность, что она не справится с новыми обязанностями, которые явно прочитывались во враждебном взгляде, привели ее в отчаяние.

Что же это — конец всем ее надеждам и мечтам? Ведь новое назначение было очень ответственным, требовало глубоких знаний языка, и первая же ошибка могла обер-

нуться против нее.

— Все! Хватит! — решительно заявила она подругам. — Поеду домой! Там хоть много не заработаешь, зато чувствуешь себя человеком! И принялась вытаскивать свой чемодан из стопки сумок.

Ирина молча выхватила из рук подруги чемодан, который та принялась уже было открыть и взяв ее за обе руки, уверенно произнесла: — Гала, ты сможешь! У тебя получится! Ты же с высшим образованием, в конце концов, и обняла растроганную подругу.

— Я помогу! Подхватила уверенно Лили. — Я тоже начинала с нуля, но научилась же, и не хуже них работала.

Галина всхлипнув несколько раз, успокоилась.

— А мне выбрать особо не приходится, я — опора всей семье, — грустно заговорила, после немой паузы Лили. — У нас на Филиппинах вообще нет работы: сестры и братья работают где могут, но все равно денег не хватает даже на еду. Зато здесь я получаю много больше всех их вместе взятых и могу кормить семью. Да и ты, Гала, подумай, с чем вернешься домой? С тебя же вычтут неустойку за расторжение контракта, и ты останешься с копейками, — договорила Лили и напороочив Галине сногсшибательный успех в новой работе, убежала на завод.

Галину определили на ее рабочее место, так как у Лили истек трудовой договор, и она возвращалась на родину для продления визы.

С улыбочивой смуглянкой Лили Галина сдружилась сразу по приезду. Особенно, когда у них сравнился график работы. Находясь подолгу вместе в общежитии, девушки часами напролет беседовали о житье-бытье своих стран, делились традициями и обычаями родных мест. По иронии судьбы, ее — чистокровную кореянку, учила родному языку именно филиппинка Лили... Иногда, после ночной смены, немного

передохнув подруги ездили в центр за покупками, но больше их тянуло полакомиться фирменными ароматными булочками, запивая шипучими напитками. — Он не портит цвет лица, — деловито объясняла свое предпочтение к спрайту Лили, в ответ на вопрос своей подруги.

На заводе Лили незаметно стащила альбом с образцами брака. И полночи объясняла все тонкости работы инспектора ОТК, коей стала Галина. Подробно научила, как заправлять в станок материал, и как распознавать тот или иной брак.

В альбоме было более тридцати видов брака, но обычно встречались только пять. На них и акцентировала внимание подруги Лили.

В ту ночь Галина зубрила все виды негодных тканей, не сомкнув глаз. Зато к утру уже больше не волновалась и не боялась браться за новую работу. Основные виды брака — с десяток-другой — ей все же удалось запомнить, как свои пять пальцев.

Так что свой первый рабочий день на новом месте она начала уверенно и без ошибок, чем удивила сослуживцев, а через месяц она уже работала наравне со всеми, чем заслужила искреннее уважение рабочих цеха.

Галина никогда не забудет, как тепло, по-отечески приняли ее в этом цеху, назвав сестренкой, как заботливо помогала немного старше нее напарница Ко, которую она искренне называла — сестрой, как весело ужинали во время дополнительной работы в цеху, расположившись на бракованной ткани...

Однажды после смены Галина, вернувшись в общежитие, обнаружила в комнате пакет, в котором были «кола», ею любимые булочки и записка: «До свидания, подруга Галина, быть может, мы еще увидимся, ну, а если нет, то я всегда буду помнить тебя». Так Лили попрощалась со своей подругой...

Сердце Галины тоскливо жалось от мысли, что они уже никогда не встретятся. На душе стало грустно — вот и еще одна потеря в ее жизни...

Как-то Галина увидела собравшихся у окна сотрудниц, которые бойко что-то обсуждали. Оказалось, они смотрели на ее бывшего начальника Ли, уволенного за то, что он не справился с работой. Галина снова вернулась к мысли, что и вправду Бог есть, и принялась за работу.

Через какое-то время она почувствовала, что за спиной кто-то стоит. Обернувшись и с удивлением увидев бывшего начальника Ли, резко его спросила:

— Что вам надо?

— Галья, — медленно выговаривая ее имя по-русски, заговорил с ней обидчик, — меня уволили... Прости за все, если сможешь...

Женщине захотелось выплеснуть ему в лицо все свои обиды, сказать, как она его ненавидит, но, увидев виноватые глаза, моментально остыла и, кивнув головой, тихо ответила:

— Ничего, все — окей!

Наступила весна. На голых, без листьев, деревьях распустились белые крупные магнолии. Галина любовалась ими всякий раз, когда проходила мимо. Ей нестерпимо хотелось сорвать диковинный цветок и долго-долго вдыхать чудесный аромат. Но в то же время жаль было отрывать магнолию от родной ветки.

— Тогда и цветку, — думалось ей, — будет так же грустно и одиноко, как мне.

И она просто долго разглядывала цветы, высоко задрав голову.

Теперь ей уже не было так трудно, как вначале. Работа ладилась, в дружном коллективе она уже имела право своего голоса, с которым остальные с уважением считались. И все было бы просто отлично, если бы не одно недоразумение.

— Да сколько же можно терпеть? Ах ты, гад! Я тебе покажу, как на меня материться! — выкрикнула Галина в ответ на ругань новенького — бригадира Цоя, который в неистовстве швырял ей в лицо образцы брака, нарезанные ею за ночь.

Вне себя от обиды, женщина в ответ запустила в Цоя огромной линейкой. Увернувшись, тот снова выругался и ринулся к ней, схватив со стола ножницы.

Галина автоматически сняла с пояса бренок портативный магнитофон, спасавший ее в ночную смену от сна, и приготовилась к схватке.

Слезы обиды и ненависти застилали глаза, она уже не могла сдерживать свой гнев. Накопленная за все месяцы усталость, издевки бывшего начальника Ли, адский труд, унижительное отношение со стороны некоторых южан: все — словно вулканическая лава — выплеснулось наружу и обрушилось на бригадира.

Поднялся ужасный шум и гам, женщины оттаскивали от бригадира разъяренную Галину, а мужчины — Цоя, но спорщики снова и снова вырывались и вне себя от ярости кричали друг на друга, размахивая кулаками...

Остановил Галину внезапно раздавшийся окрик Ирины:

— Галка! Галочка! Успокойся! Что случилось? Я услышала твой голос и прибежала, — тараторила перепуганная подруга, враждебно вглядываясь в лица ее сослуживцев.

Внезапно все притихли. Бригадир Цой тоже остановился, увидев девушку. Галина вся в слезах кинулась в объятия землячки и в голос разрыдалась.

— Пойдем домой, — утирая подруге слезы, уговаривала Ирина, — там поговорим.

Толпа зевак разошлась, бригадир тоже испарился, а Галина поплелась с подругой в общежитие...

Там, немного успокоившись, поведала подруге о том, что в ночную смену как обычно проверяла материал, по всем

правилам срезала брак для образца в отчет, а утром бригадир закатил скандал.

— Мало того, что толком не объяснил, что от меня требуется, так еще и матом! Да кто он такой, чтобы на меня орать и материться? Не могу больше терпеть, пусть хоть выдворяют из страны!

Ирина молча выслушала подругу и тоже принялась жаловаться:

— Мне тоже не сладко! Меня уже вот так достал бригадир и провела тыльной стороной ладони по горлу. — Не понимаю, чего он ко мне цепляется? Я вроде все правильно делаю, как остальные работники, как будто ненавидит, а за что? За то, что я гастарбайтер, или считает тупой рабыней? Так и хочется плюнуть ему в морду! Уехала бы домой, но кроме меня некому помочь братишке...

Многое было непонятно подругам в этой чужой и одновременно родной стране их предков. Им казалось, что именно в Корее они найдут понимание, сочувствие и поддержку, что их примут, как родных... Но все оказалось не так, и привыкнуть к этому они никак не могли...

От души обругав разными словами бригадиров, девчата, наконец, притихли и успокоились. Даже посмеялись, вспомнив испуганное лицо Цоя от неумелой нецензурной брани Галины.

Ирина немного вздремнула, но Галина не сомкнула глаз, горькая обида не проходила, она вдруг вспомнила своего защитника: — Где же ты Димочка? Когда же ты приедешь? — шептала она вглядываясь в потемневшие окна...

Наступил вечер, подругам надо было идти на работу. Впервые за последние месяцы Галине не хотелось идти на завод, она грустно плелась в свой цех, как на казнь, и никакой, даже самой маленькой надежды на разрешение конфликта у нее не было.

К радости Галины, бригадира Цоя в цехе не было, как выяснилось, он взял отгул и ушел домой сразу после скандала с ней.

Но пожаловаться на дебош кто-то все же успел: ее вызвал начальник цеха Хан и, не разобравшись, довольно жестко пригрозил увольнением, если подобное повторится.

Все последующие дни при встрече с ней бригадир демонстративно отворачивался, а при разговоре с сотрудниками частенько бросал на Галину злобный взгляд.

Женщина тоже все больше ненавидела его, постепенно озлобляясь на всех местных южан.

Наступило дождливое лето. Муссонные дожди шумно заливали дороги, затапливая все вокруг. Разразившийся на заводе кризис тоже приносил одни неприятности. Рабочим перестали платить зарплату, на что те ответили забастовкой: молча сидели перед заводом под проливным дождем и отказывались работать.

Галина чувствовала себя в какой-то степени виноватой перед сослуживцами, но участвовать в протестной акции категорически отказалась: ей, как и остальным контрактникам, заработную плату перечисляли исправно.

Она вошла в пустой цех, проверила оставшийся материал и, убедившись, что брака в партии нет, снова вернулась к забастовщикам.

— Сестра, нужно идти работать, — принялась уговаривать она свою напарницу. В ответ та грустно посмотрела на нее и отрешенно мотнув головой, уставилась на окна офиса завода.

Присев с ней рядом, Галина укрылась с ней под зонтом и стала говорить о том, как ей и ее землякам тяжело жить вдали от родных, как трудно, а порой унижительно выполнять грязную работу, но что это их единственный шанс подкопить денег, и потому они терпят.

То ли ее слова, то ли пронизывающий дождь повлияли на решение забастовщиков, но все они потихоньку встали и — разошлись по цехам.

Мы — едины

Однажды начальник смены пригласил всех рабочих на собрание и сообщил хорошую новость: цеху выделили денежную премию за высокие показатели. Все единогласно решили после работы отметить это событие в ресторанчике.

Галина, решившая прежде всего выполнить свою норму, немного задержалась в цехе и потому позже других пришла в кафе. Не найдя свободного места среди женщин, собралась уже было выйти, как одна из работниц указала на свободное место среди мужчин. Галина неохотно села. Обернувшись, вдруг увидела рядом с собой бригадира Цоя. Не сговариваясь, как по команде, оба поднялись, чтобы покинуть кафе, но их остановили коллеги, жестами показывая, что начальник уже начал произносить речь.

Галина и бригадир Цой молча сели отвернувшись друг от друга с нескрываемым взаимным отвращением.

Вдруг к ним подошел начальник и налил соджу¹ бригадиру Цою. По традиции тот выпил ее до дна, затем налил чарку в ответ руководителю, который также ее осушил залпом. Попросив Цоя продолжить с рабочими церемонию, начальник поспешно ушел из ресторана. Цой так и сделал, но, когда дошла очередь до Галины, та демонстративно отвернулась. Рабочие не одобрили такой поступок: обычай надо уважать, и Галине ничего не оставалось, как подать рюмку для соджу бригадиру и затем выпить ее до дна. После чего, рядом сидящие сотрудники наперебой стали

1 Соджу — рисовая водка.

предлагать выпить соджу и с ними, подливая ей в рюмку.

Галина захмелела... Посмотрев на веселящегося бригадира, ей вдруг захотелось высказать ему все, что она о нем думает. Развернувшись в пол-оборота, их лица встретились, и она тут же сказала: — Разговор есть!

— Какой разговор? — сухо спросил тот и удивленно посмотрел ей в глаза.

Подступивший ком от обиды и былых воспоминаний сковал Галину, и она замолчала. Наступила пауза. Рядом сидящие сотрудники испуганно заморгали глядя на них: как бы не вышла опять ссора, и стали отвлекать их, подбивая на выпивку. Не обращая внимания на окружающих, справляясь с накатившими эмоциями, Галина как можно спокойно спросила: — Почему вы так плохо ко мне относитесь?

Пока растерявшийся бригадир подыскивал ответ, она продолжила: — Потому что я гастарбайтер? Чужая? Да только ведь я не чужая, а такая же корейка, как и вы все, — уже обращаясь ко всем и сдерживая слезы, продолжала Галина. Зал стих...

— И дед мой родом отсюда, и потому очень даже возможно, что мы с вами дальние родственники, поскольку фамилии у нас одинаковые — Цой.

В эту минуту сдержать слез у нее все — таки не получилось, они предательски брызнули из ее глаз. Сбиваясь и утирая слезы, она высказывала потупившемуся Цою, что он напрасно насмехается над ней, что приехала на заработки, как он выразился, из бедной страны. Что ее страна хоть и не такая богатая, как Корея, но все же она счастлива там, и что люди у них самые добрые и самые гостеприимные в мире.

Бригадир опустил глаза и тяжело вздохнув, тихо произнес: — Извини, я только вчера понял, почему произошел между нами конфликт,.. все из-за того, что ты плохо знаешь корейский язык. И ты ни в чем по сути не виновата, это

я не учел этого. Помнишь, я же тебе объяснял перед уходом с работы, чтобы ты не браковала в ту ночь материал, согласно договора с заказчиком, а ты видимо меня просто не поняла. Прости, ты ни в чем не виновата, это я виноват и посмотрел ей сочувственно в глаза. Увидев навернувшиеся слезы и извинения бригадира, Галина закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Успокойся, — умолял бригадир с остальными сотрудниками, тихонько похлопывая ее по плечу.

— Господи, какая же я дура, что не знаю свой родной язык! — сквозь рыдания вторила самой себе Галина. — Обязательно его выучу, даю самой себе слово в эту минуту, — и понемногу утихла.

Протянув Галине стакан холодной колы, бригадир с интересом спросил, не знает ли она своего пона¹ — родового имени. На что Галина тут же выпалила: — Чо Джун!

— Да это же твой пон! — воскликнул приятель и толкнул в плечо бригадира, который от изумления открыл рот и застыл.

Галина хотела еще что-то добавить, но бригадир резко поднялся с места и дрогнувшим голосом громко объявил во всеуслышание, что с этого дня Галина ему — младшая сестренка. От этих слов у Галины вновь навернулись слезы. Все захлопали и стали доброжелательно кивать в их сторону.

Затем по их просьбе Галина рассказала о своих родителях, родных, о том, почему приехала на чужбину. Слушая рассказ, бригадир нервно курил и украдкой утирал наворачивающиеся слезы.

Он сдержал свое слово и до самого окончания контракта действительно по-родственному помогал ей, даже заступался за нее перед начальством, частенько приносил сладости.

1 Пон — родовое имя корейской фамилии.

Галина тоже с тех пор относилась к Цою почтительно, как к старшему брату, его ум и трудолюбие вызывали в ней уважение. Внимательно прислушиваясь к советам старшего брата, она, в свою очередь, стремилась порадовать его успехами в работе.

Когда выдался очередной недельный летний отпуск, Цой радушно показал ей и ее землякам историческую достопримечательность страны: 38-ю параллель¹, разделяющую полуостров. Роковой рубеж — северную часть пограничной заставы — друзья с волнением рассматривали через огромный бинокль. Также Цой организовал для них поездку на море, которое Галина увидела впервые: послушать шум морской волны воочию, а не прижавшись к огромной ракушке, походить босиком по песчаному берегу и любоваться бескрайним синим морским простором было ее когда-то несбыточным желанием...

Стремительно пролетел год, наступила пора возвращаться на родину. Галина в последний раз переступила порог ставшего ей родным заводского цеха. Ее ждало сердечное прощание: обнявшись со всеми, она поблагодарила дорогих сотрудников, ставших ей почти родной семьей, за заботу.

Не увидев среди них брата Цоя, Галина с досадной грустью села в трогаящийся автобус. Когда автобус уже выехал за ворота, она заметила бригадира, который, сторбившись, курил неподалеку.

Уговорив водителя остановиться, Галина не чуя под собой ног ринулась к нему.

— Брат! Прощайте! Прижавшись к бригадиру, ставшему ей родным, она расплакалась.

1 38-я параллель — неофициальное название границы между КНДР и Южной Кореей, проходящей примерно по 38-й параллели северной широты.

Растроганный Цой, неловко похлопывал ее по спине, совсем как дедушка в раннем детстве, шептал:

— Приезжай, сестренка, домой, сюда в Корею! Я тебя буду ждать...

Нетерпеливый сигнал автобуса заставил оторваться друг от друга родственников. Галина заскочила в автобус и долго махала рукой, пока не исчезла из виду знакомая фигура брата. Всю дорогу, до самого аэропорта, ее снова переполняло волнение: теперь его причиной были горечь разлуки с новыми друзьями, ставшими ей дорогими и близкими, и — в то же время — ожидание долгожданной встречи с сыном и мамой, которых она так давно не видела...

В аэропорту неожиданно встретила землячку:

— Наташа, привет! Как, ты тоже в Корее? — обрадовалась Галина.

— О, привет! Уже как полгода здесь: работаю на стройке, — как-то невесело поздоровалась приятельница и поведала с грустью:

— Провожая родню сотрудника, который насмерть разбился. Димка... Работал высотником, сорвался с десятого этажа. Ни жены, ни детей — даже пожить не успел толком.

— Дима? Его фамилия случайно не Шин? — ахнула Галина.

— Знаю только имя, — скорбно ответила знакомая, и, глянув на часы, торопливо попрощалась, оставив Галину в полном шоке.

Ноги вдруг перестали слушаться, сердце, казалось, готово было выскочить из груди. Женщина обессилено присела на скамейку, стараясь взять себя в руки.

Неужели это о ее любимом только что рассказала землячка? Все может быть: видимо, Дима вернулся, но его отправили на другое предприятие.

Полное отчаяние охватило и окончательно сковало онемевшее тело. Она продолжала сидеть, тупо уставившись

в одну точку.

— Галка, вот ты где! — раздалась голоса Ирины и Сергея. — Что с тобой, ты опять грустишь? Или случилось что-то? — обеспокоенные ее внезапным отсутствием, расспрашивали друзья.

— Дима... Он — умер, — простонала побледневшая Галина.

— Откуда ты узнала?

— Только что встретила знакомую, она рассказала.

— Бедный, бедный Димка, — только и вымолвила Ирина и с жалостью посмотрела на подругу.

Галина не помнила, как летела домой. Панического страха, как в первый свой полет, она уже не испытывала. Остались лишь боль и невыносимая тоска.

Ирина: дома!..

Миновав последний пограничный досмотр, Галина с Ириной погрузили свои чемоданы на тележки и выкатили их из здания аэропорта. Здесь за специальной оградой пассажиров из Республики Кореи ждали встречающие.

Обнявшись перед расставанием, подружки напоследок договорились не терять друг друга из виду и стали выискивать в толпе родные лица.

Был пасмурный вечер, моросил холодный осенний дождь.

— Прямо как в день отлета в Сеул, — невольно подумалось Ирине.

Она не сразу заметила отца: съежившись на ветру, пожилой человек растерянно вглядывался в проходящие лица.

— Папа! — громко позвала девушка и кинулась ему на шею. — Я так сильно соскучилась!!!

Однако в ответ мужчина лишь слегка приобнял дочь и тихо пробормотал в ответ:

— Ну, здравствуй-здравствуй, милая. Наконец-то ты вернулась...

Суетливо приняв скромный дочкин багаж, стал договариваться с такси. В дороге же не проронил ни слова, только тяжело вздыхал.

Однако не помнящая себя от радости Ирина как-то не обратила внимания на состояние отца и за домашним столом только и щебетала безостановочно, рассказывая о своей работе в Корее, о друзьях.

Слушая дочь, родителям только и оставалось, что дивиться ее напору и самостоятельности. В свою очередь старики с грустью поведали о переживаниях за младшего сына: тому еще целых четыре года предстояло отбывать наказание в тюремной камере...

— До чего несправедлив мир, — сухо произнес отец. — Из-за глупой мальчишеской драки Санька сидит вот уже полтора года.

— Среди преступников! И только потому, что просто оказался рядом, — горестно подхватила, утирая слезы, мать.

— Завтра же пойдем к адвокату, — решительно хлопнув ладонью по столу, громко объявила Ирина.

Затем, резко вскочив с места, бросилась распаковывать чемоданы в поисках нехитрых подарков, чтобы хоть как-то отвлечь родителей от печальных мыслей.

— Доченька, ну зачем же ты так тратилась? — всплеснув руками, охнула мать. Прижимая к груди пушистый кардиган из ангорки и кроссовки для младшего сына, немолодая женщина снова заплакала при мысли, как долго будет дожидаться подарок своего хозяина...

Саньке, мне старику он ни к чему, грустно кивнул дочери отец и положил свой подарок поверх кроссовок.

Наступила неловкая пауза...

— Хотела каждого порадовать, ну да ладно, — оправды-

валась Ирина. — Вот завтра пойду в банк, получу деньги и тогда... Э-ээх, купим и продуктов, и какой хочешь одежды!

— Ничего нам не нужно... Только бы Сане помочь, вызволить его из тюрьмы, — запрочитала вновь мать.

Александр в семье был поздним и младшим ребенком: наследником, потому сызмальства его непрестанно баловали родители. Ирина же росла обойденной повышенной опеки и заботы, но обиды не таила. Наоборот, разделяя всеобщее семейное обожание, сама без памяти любила братика. Потому-то и решилась на невозможное: податься за рубеж на заработки. Причем, ни страха, ни волнения не чувствовала: ею двигало единственно желание помочь дорогому Санечке.

— Все сделаю, мамуль, вытащим его, — уверенно заявила Ирина, в сотый раз подбадривая родителей и отвлекая от невеселых дум. Будто невзначай поинтересовалась о сумме гонорара адвокату. Услышав, что она составляет тысячу долларов, Ирина успокоилась — заработанного ею в Корее вполне хватит на адвоката.

Многочасовой перелет, напряжение в дороге и уют, тепло родного дома вызвали у девушки внезапную слабость, и она заснула прямо в одежде на диване, рядом с накрытым столом. Укрывая дочь пледом, отец неловко погладил девушку по голове и шепнул жене:

— Вот и повзрослела наша Иринушка. Может, действительно получится у нее помочь брату...

Пожилая женщина только грустно покачала головой...

Близкие люди

Простояв полдня в банке, Ирина, наконец, получила свои деньги. Она не могла нарадоваться кругленькой сумме в четыре тысячи долларов и тут же созвонилась с адвока-

том братишки. Однако при встрече тот сразу заявил, что апелляция обойдется гораздо дороже: уже в три тысячи долларов. При этом непрерывно повторял девушке, что это по нынешним меркам самое малое, и за дело он взялся только потому, что хорошо знает ее родителей.

Ирину цена все же смутила: ранее с родителями они считывали на втрое меньшую сумму. В глубине души она мечтала о небольшом Sparke, планировала восстановиться на прежнем месте закройщицей в ателье и приезжать на работу на собственном автомобиле на зависть всем сотрудницам.

— Да уж, напрасно папа с мамой рассказали адвокату о моей работе в Корее и накопленных сбережениях, — подумалось ей в тот момент. — Ну да ладно, лишь бы братишка был на свободе, — постаралась успокоить себя Ирина.

А спустя полгода дружная семья отмечала за праздничным столом благополучное возвращение Александра.

— Санька, ты для меня самый родной и самый лучший братик, — растроганно произнесла тост Ирина. — Хочу тебе пожелать, чтобы все у тебя теперь было хорошо! Только... очень прошу, не попадай больше в истории, — Но, заметив, как тот опрокидывает стопку за стопкой, с ужасом отставила поднятый бокал и вопросительно посмотрела на родителей, которые будто не замечали, как изменился сын, и только счастливо улыбались, неустанно подкладывая что-нибудь вкусенькое в его тарелку.

— Нда... — подумала Ирина, — а братик-то — изменился...

— Не бойсь, сеструха! Все будет — торчком! — опомнившись, развязно ответил Александр, набивая рот вкусной едой, при этом смачно чавкая и непрерывно отрыгивая без стеснения.

Сразу же после обильной трапезы, созвонившись с друзьями, пулей вылетел из дома. Так и пропадал он целыми днями неизвестно где и с кем, при этом на работу устра-

иваться отнюдь не спешил, чем очень расстраивал сестру и родителей. На все их тревожные расспросы отвечал заносчиво и с вызовом, что, мол, и напыхался, и настрадался в клетке, и просто хочет немного отдохнуть.

Так прошло еще полгода, но ничего не изменилось в лучшую сторону: бывший узник продолжал упиваться свободной жизнью...

Однажды застав братишку дома одного, Ирина решила с ним поговорить без родителей.

— Сань, я понимаю, тебе пришлось нелегко, но ведь ты сам во всем виноват...

— Не напрягай, — грубо отрезал паренек и, хлопнув дверь, ушел в другую комнату, оставив сестру в полной растерянности.

Ирине вдруг вспомнились тяжелые заводские будни, то, с какими трудностями и унижениями она сталкивалась, зарабатывая деньги, про свои разбившиеся надежды и несчастную любовь вспомнила, и слезы сами по себе ручьем хлынули из ее глаз.

Не утирая их, она сорвалась с места и бросилась с криком на братишку:

— Ты что, так и будешь дальше жить? Неужели тебя жизнь ничему не научила: опять хочешь попасть туда, откуда вышел?! Но только запомни, я тебе больше помогать не буду! Я уезжаю в Корею и мне по барабану, что с тобой будет!!!

— Ты ч-ч-чэ, сс-совсем что ли, дд-дура? — открыв рот от удивления, даже стал заикаться братишка. — Я же просто отдыхаю, вот на днях пойду таксистом устраиваться! И хватит мне угрожать и попрекать, я тебя не просил об этом! — После чего, накрывшись одеялом с головой, отвернулся к стене.

У Ирины подкосились ноги. Она присела на край кушетки, где лежал братишка и, давась слезами, продолжила разговор.

— Сань, я боюсь за тебя. Я же не смогу жить, если ты будешь в беде. Ты не представляешь, как дались мне эти три тысячи долларов для адвоката!!! Я молила Бога, чтобы с тобой в тюрьме ничего не случилось, а ты... как ты так можешь?!! Я не узнаю тебя, Саня!

Братишка, шевельнувшись под одеялом, рывком сбросил его с себя и соскочил с кушетки. Немного подумав, с вызовом возразил:

— А ты думаешь, мне легко было?!! От одной только мысли, что опозорил семью, не хотелось жить. Даже из-за того, что несправедливо, по дурусти сел, так не переживал...

Ир, ну перестань плакать, ну прости меня, дурака! Я же так себя веду от безысходности, — продолжал он неуклюже успокаивать сестру. — Уже полгода не могу никуда устроиться: с таким клеймом теперь навряд ли и учиться смогу, а уж на работу так вообще не берут. Не могу так больше, не хочу расстраивать никого! Вот уеду скоро на заработки в Казахстан. Друзья там зовут дома строить. Спасибо тебе, Ир! Что бы я без тебя делал, но не везет мне... Судьба, видать, такая, хоть убей.

— Давай поедem вместе в Корею, я помогу тебе, лучше там заработаем! Откроем свое дело, родителям поможем: стареют ведь они. Хоть ремонт в квартире сделаем, в санаторий им путевки купим, — предложила в ответ Ирина. На что Саня только кивал поникшей от стыда головой.

...Сделав визу братишке, Ирина поняла, что денег на билеты им не хватит, а просить у родственников бесполезно. Решила позвонить подруге Галине — вдруг та сможет помочь?

— Галка, привет, — радостно затараторила девушка в трубку телефона, — как ты?

— Все нормально, купила, наконец, квартиру. Вот ремонт с Аркашкой сделали, скоро переедем. Только за маму пере-

живаю, она недавно переболела, — вдруг погрузневшим голосом ответила подруга.

— А на работу устроилась? — нетерпеливо продолжала расспрашивать Ирина.

— Нет, но пока пеку на дому. Приходи-ка ты к нам в гости, — предложила подруга и продиктовала адрес.

— Ух ты, здорово. Молодчина — твоя мечта сбылась, — завистливо вздохнула Ирина. — А я тоже довольна: помогла братишке. Он теперь снова на свободе! Но решила вот улететь снова в Корею. Не могу здесь найти нормальную работу, зарплата совсем маленькая, братишка тоже впустую полгода искал.

И, помолчав, тихо спросила:

— Гал, не сможешь занять на билеты? Я как прилечу, сразу тебе вышлю... С первой же зарплаты, а?

Хотя Галина и сама уже не раз подсчитывала оставшуюся мелочь, и даже не представляла, где найдет деньги для подруги, тотчас же пообещала помочь. Вечером поведала маме о новых планах касательно отъезда. В ответ, порывшись в чемодане среди старых вещей, женщина вытащила пакет, в котором хранила деньги после продажи дома, отложенные на черный день.

— Видимо, он настал, — иронично сказала мать Галины и развернула пакет, в котором было без малого полторы тысячи долларов.

— Мама, как же ты смогла столько сохранить? — удивлению Галины не было предела. — Зачем же ты их прячешь, нам ведь эти два месяца так пришлось нелегко!

— Ну, выжили же, — с улыбкой ответила мать, после чего ее лицо вдруг стало строгим. — Не хотела вам с Аркашкой обузой быть в день моего ухода. Но вот после болезни решила жить до ста лет! — И, улыбнувшись, протянула обеими руками деньги дочери.

Галина медленно взяла сверток и, глотая слезы, тихо сказала:

— Мам, я обязательно верну, но не на черный, а на светлый день, только не расстраивай меня больше, не болей, живи долго-долго, я вот только съезжу в Корею еще раз и никогда больше не будем расставаться, — и с этими словами обняла дорогого человека.

— Зачем же улетать, доченька? У нас же все нормально: денег хватает... Не шикаем, конечно, но вроде и не бедствуем, — недоуменно ответила мать и пристально взглянула в глаза дочери. Она уже давно замечала, с какой грустью рассматривает Галина фотографию Дмитрия, сделанную в Корее.

— Нет, мама, ты меня не так поняла. Просто очень скучаю по Корее, друзьям...

— Ну ладно, тогда поезжай, доча. Ни о чем не волнуйся: я присмотрю за Аркашкой. Да ему уже особенный догляд-то и не нужен: таким самостоятельным стал! А как картошку жарит, даже вкуснее нас, — смахнув незаметно набежавшую слезу, постаралась она ответить как можно убедительнее.

Однако на этот раз полететь вместе подругам не удалось: Галина задержалась почти на месяц. Узнав, что Ирина будет работать на том же заводе, пообещала сразу же приехать к ней.

Ирина: снова в Корее...

В Корее Ирина с братишкой прямиком направилась на завод, где год назад работала вместе с подругой. Но попасть туда им, к сожалению, не удалось: завод не смог выдержать жесткой конкуренции, обанкротился и закрылся...

— Говорил же не раз, невезучий я, — сделал горестные выводы Санька.

— Ничего, поедем на Тондик¹, там много наших: помогут, — твердо сказала Ирина. И уже через три часа они сидели в уютном узбекском кафе «Самарканд».

Когда Ирина уже рассчитывалась с официанткой, ее вдруг окликнул высокий мужчина за дальним столиком. Девушка не сразу поняла, кто это, но, присмотревшись, узнала давнего знакомого.

— Ой, Сережка, ты, что ли?

— Привет, Ира! А ты, наверное, уж и замуж вышла, — кивая на парнишку, несмело сказал Сергей и подошел к ней.

— А ты что думал, в девках засижусь? — задорно подмигнув братишке, с вызовом ответила Ирина. Затем добавила: «Знакомьтесь, Александр — мой братик!»

Сергей недоверчиво покосился на юношу.

— Мы только сегодня прилетели, — с волнением продолжала говорить Ирина. — Хотели на нашем заводе поработать, а он закрылся...

— А давайте-ка к нам на груши, — обрадовано предложил Сергей.

— Куда?! На какие-такие груши? — недоверчиво переспросила девушка.

— На сезонку, груши чеканить. В день — по столынику чистыми!

— Ух, ты, здорово, — только и выдохнула обрадовано девушка, даже не поняв, о какой именно работе идет речь, но вскоре вместе с братом и Сергеем они ехали к новому месту назначения.

По дороге приятель поделился, что когда вернулся домой, то застал-таки в квартире жену с новым мужем. Выгнал их, развелся с изменницей и вот теперь снова вернулся в Корею.

1 Тондик — сленговое выражение от названия крупного Сеульского рынка Тондэун.

— Работаю где придется: свобода дороже, — пояснил в ответ на вопросительные взгляды Сергей.

— Зато имею в месяц почти два «ляма»¹: две тысячи баксов! Снимаю комнату в общеаге, за сутки отдаю десятку. Общая кухня, душевая, но всегда есть паб², рамен³, хлеб, масло, яйца и кимчхи⁴, — нахваливал с явным удовольствием удачно складывающийся быт Сергей. — А если удастся устроиться там, где дают общеагу и кормят, то вообще супер — не трачусь вовсе! Вот недавно был на острове Чечжудо, собирал арбузы: проработал месяц, заработал, значит, пять лямов — пять миллион вон! Но туда я больше не ездук, чуть не надорвал поясницу, до сих пор ноет.

— Пьешь? — вдруг укоризненно покачала головой Ирина.

— Нет, как тогда бросил, с тех пор не тянет, видимо, свою цистерну водки я уже выпил, — рассмеялся в ответ Сергей. И, продолжая веселить девушку, стал без умолку рассказывать ей, как закадычному другу, о своих приключениях.

За год совместной работы на заводе он с Ириной будто сроднился. От его рассказов и перспективы хорошо зарабатывать девушка также заметно повеселела и прониклась к товарищу явным уважением...

Оставив вещи в общежитии Сергея, молодые люди пришли в сад. Ирине показалось, что она попала в рай, где, как на картинке, изумрудные деревья поблескивали на солнце. Словно на подбор, все они были одной высоты и росли на равном друг от друга расстоянии. Только границ у того сада не было: ровные ряды уходили к самому горизонту.

— Сейчас период чеканки, поэтому нас будут развозить

1 «Лям» — сленговое выражение числительного 1 000 000 вон (вон — денежная единица Кореи).

2 Паб — рисовая каша.

3 Рамен — лапша быстрого приготовления.

4 Кимчхи — квашеная корейская капуста.

на разные участки. Но делать будем одно и то же: прорезивать завязь на ветке, чтобы плоды были и размерами больше, и слаще. Для этого нужно удалять все маленькие грушки, кроме одной, желательнее в центре, самой красивой и кругленькой, — рассказывал Сергей с таким важным и серьезным выражением лица, что Ирина с Александром беспрестанно прыскали от смеха. Они никак не могли понять, когда он шутит, а когда говорит серьезно.

Но когда Сергей заботливо обмотал лейкопластырем пальцы рук Ирины, чтобы не было мозолей, ребята поняли, что работа им здесь предстоит отнюдь не легкая...

— Здесь главное — это скорость, — продолжал наставлять Сергей, — Так, если каждый обработает целый ряд до конца сада, а длина его примерно в километр, то только в этом случае нам заплатят обещанный столярник.

Брат и сестра слушали наставления старшего товарища с повышенным вниманием, только время от времени с недоверием заглядывая в его озорные глаза. Но было видно по всему, что Сергей уже не шутит и действительно знает толк в своем деле.

— В других местах я получаю лишь шестьдесят баксов за день, — многозначительно закончил Сергей и живо принялся за дело. Ирина тоже старалась работать быстро, как ей казалось. Увлечшись, она не сразу заметила, что товарищ ушел далеко вперед и уже заканчивал свой ряд.

У девушки с непривычки болела шея, ныли плечи, пальцы не слушались. К тому же ее одежда намочила от влажных после прошедшего накануне дождя листьев. И хотя посадки были низкими, все же ей было весьма нелегко работать с высоко поднятыми головой и руками.

Изрядно устав, Ирина присела отдохнуть, как вдруг неожиданно возле нее оказался хозяин сада и стал отчаянно ругать, что она медленно работает, грозился уволить.

Испугавшись, девушка снова принялась за чеканку. Саня, взмыленный от напряжения, усердно трудился на соседнем ряду, но все же шел почти одинаково с сестрой. Однако заработок за день в сто долларов его настолько стимулировал, что он, стиснув зубы и ни слова не говоря, только упорно работал, не останавливаясь, словно заведенный.

— Все нормально, — по-корейски заговорил с хозяином подоспевший откуда ни возьмись Сергей. Хлопнув Ирину ниже пояса, стал объяснять хозяину причину отставания.

— Это моя жена: она просто не привыкла к такой работе. В Корею приехала впервые, — врал, но очень правдоподобно, Сергей.

Ирина, недовольно фыркнула в ответ на его вольности. А после того, как хозяин удалился, с явным возмущением зашипела:

— Лгун! Какая еще я тебе жена?! Еще услышит кто-нибудь! Вон братишка еще что подумает, — с нарочитой злостью продолжала ворчать девушка, на что Сергей расхохотался и предложил пройти ей в конец сада, укрыться за кустарником и отдохнуть, а он поработает на ее ряду.

Ирину обрадовало его предложение, и она молча скрылась за деревьями. Присев за кустом, размышляла над странным поведением Сергея. При этом от воспоминания о слове «жена» почему-то радостно забилось сердце. Впервые за последние годы у нее было на душе тепло и спокойно.

Передохнув, она с конца грядки принялась за дело. Через некоторое время их руки встретились за работой. Молодые люди посмотрели друг другу в глаза. Внезапно им показалось, что все вокруг замерло...

В следующий миг, опомнившись первым, Сергей дурашливо высказал комплимент нежным женским ручкам и быстро удалился помогать Саше, оставив Ирину в полнейшей растерянности.

В этот день он обработал еще одну целую грядку, заработав за день двести долларов.

На следующее утро товарищ разбудил Ирину на рассвете. Было уже светло, пахло необыкновенной свежестью, травой и грушами.

Вечером Сергей вместо ужина попросил у хозяина килограмм свинины и пожарил шашлыки, которые Ирина с братишкой с удовольствием уплетали и наслаждались аппетитным дымком.

А тремя днями позже девушка с азартом уже и сама обрабатывала по полторы грядки деревьев. К концу же второй недели — по две грядки. Хозяин радостно обходил сад и только цокал от удовольствия. Даже стал частенько приносить сладости.

Радости же Ирины и братишки не было предела: всего за какие-то две недели они заработали почти три тысячи долларов! Раньше такую сумму она отработывала бы на заводе полтора года.

И только теперь она поняла, что Сергей вовсе не хохмач и баламут, а, наоборот, хозяйственный и практичный человек, с которым не пропадешь. К тому же Сане он тоже пришелся по душе: они поладили и сдружились. Всего за полмесяца Ирина с Сергеем узнали друг о друге гораздо больше, чем за целый год на заводе.

Когда сезонная работа в грушевом саду закончилась, Сергей позвал Саню поехать с ним на остров, омываемый восточным морем, чтобы подработать рыбаками на судне. Ирине же предложил просто подождать их в его комнате в общежитии. Инициативу доброго приятеля, хотя она и весьма пришлась девушке по душе, все же пришлось отклонить. Вспомнив о последних новостях об исчезновении рыболовецкого судна, которое, как позже выяснилось, затонуло, категорически отказалась от заманчивого пред-

ложения и не разрешила ему брать с собой Саню.

На прощание друзья обменялись номерами сотовых телефонов, на том и расстались.

Новая высота

После долгих поисков работы Ирина с братишкой устроились работать в кафе. Правда, находилось оно высоко в горах, в заповедной зоне отдыха. Здесь они проработали практически полгода. В основном готовили шашлыки из утки: этот деликатес был особо ароматным, к тому же казался гостям необыкновенным эксклюзивом именно в заповеднике, на фоне дикой природы в сосновом бору.

Саша мастерски разделявал птицу, после чего жарил на проволочной сетке под напором огня из шланга от газовых баллонов. Ирина же готовила горячие блюда и мыла посуду.

Гостей было немного, поэтому ребята особо не уставали. Вот только заработок был невысоким: всего по миллиону вон. Ирине и Саше все же иногда хотелось отдохнуть за пределами кафе, но тогда нужно было спускаться вниз с горы по серпантину. А поскольку таксистов почти не было, то водители, если они и встречались, запрашивали солидную сумму вне счетчика. Благо, деньги копились исправно. Ирина давно выплатила долг Галине, но встретиться у подруг не получалось.

После праздника Чусок¹, в начале осени, рассчитавшись с хозяевами, сестра и брат смогли уехать в Сеул, чтобы найти более подходящую работу.

Приехав на Тондэмун, Ирина с Сашей решили одеться в известном универмаге «Миллиоре». Переодевшись сразу во все новенькое, они выбросили в мусорное ведро преж-

1 Чусок — Праздник урожая.

нее старье и при полном параде направились в излюбленное узбекское кафе «Самарканд».

Обыкновенное чудо

Во время еды Ирина рассеянно смотрела через огромное окно кафетерия на прохожих. Наверное, такое чудо возможно только в сказке, но вдруг она увидела... Галину.

С огромными пакетами добрая подруга устало проходила мимо. Не веря своим глазам и не помня себя от радости, Ирина выскочила из кафе и окликнула подругу. Та от удивления сначала стояла пару минут как вкопанная, затем они бросились навстречу друг к другу.

К сожалению, поговорить обо всем не получилось, Галина спешила успеть на скорый поезд, чтобы вовремя приехать к себе в арт-компанию, где работала скульптором, а Ирине с Александром нужно было искать новую работу.

Не найдя подходящих вакансий, девушка созвонилась с Сергеем и тот снова предложил прежний вариант. За неимением лучшего пришлось согласиться с товарищем.

Братишка все оставшееся до конца года время работал с Сергеем. Ирина же трудилась на подхвате: в прачечной, мотеле, посудомойщицей в кафе... Только под Новый год все трое встретились. В тот год в Корею был издан закон об иммигрантах, открытии зеленого коридора, согласно которому всем, нарушившим порядок, разрешалось вернуться домой без депортации.

— Наверное, больше не вернусь в Корею: устал очень, да и накопил денег на старость, — сказал весело Сергей в самолете.

— Я тоже, наверное, не приеду. Сейчас квартиры подешевели, надеюсь купить отдельное жилье Саньке: ему жениться пора и начинать самостоятельную жизнь, а я буду помо-

гать родителям, — ответила Ирина, строго поглядывая на братика.

За год Александр возмужал, стал серьезным: перенял от старшего наставника деловую хватку и практичность. Сергей за те полгода работы тоже привязался к нему как к родному, и пообещал помогать и впредь.

В аэропорту мужчину никто не встречал, поэтому он с нескрываемой завистью наблюдал, как радуются встрече с родителями его друзья.

— Сережа, иди к нам, — окликнула его девушка. Познакомив с родителями, они с Саней поблагодарили доброго друга за помощь, после чего обнялись на прощание. — Ты не пропадай, Сережа, — неловко поправляя воротник куртки товарища, попросила девушка. На глаза вдрут навернулись слезы.

— Ну куда мне теперь без вас, — заулыбался он в ответ, и, помолчав с минуту, серьезно добавил:

— Ты ведь теперь моя жена!

И, увидев удивленные взгляды родителей и Ирины, весело рассмеялся. Девушка по достоинству оценила шутку, однако ответила вполне серьезно:

— А почему бы и нет, — и загадочно улыбнулась.

Время разбрасывать камни, и время их собирать...

Заработав достаточно денег, в третий раз в Корею Ирина уже не рискнула возвращаться, да в этом и не было необходимости. Ей посчастливилось купить недорого двухкомнатную квартиру для братишки. Однако Саня наотрез отказывался жить самостоятельно, купил себе новенькую Nexia и стал работать таксистом.

Девушка переехала в новый дом и занялась его благоустройством. Одновременно они с братишкой делали капи-

тальный ремонт родителям.

— Деньги не только как вода, оказывается, они как воздух: улетучиваются быстро и незаметно, — как-то грустно поделилась она с Галиной по телефону.

Все попытки Ирины устроиться на работу заканчивались неудачами. Ателье, где она до отъезда в Корею работала закройщицей и куда планировала восстановиться, закрылось. В других и своих портних хватало, да и те частенько просиживали без дела. Тогда она стала принимать частные заказы и шить на дому. Но ей не нравилось работать в одиночестве, тем более, что клиентки платили немного. Обращаться за помощью к знакомым Ирине не позволяла гордость, наоборот, она всем сообщала, что все у нее хорошо.

Как-то рассказала о своих попытках найти работу Галине. Выслушав подругу, Галина неожиданно предложила:

— Иринушка, мы с сыном открыли художественную мастерскую. Планируем расширяться, и ты очень нужна! Поработаем вместе, как в Корею?

И, не дав опомниться опешившей подруге, продиктовала адрес офиса и повесила трубку.

Ирину предложение огорошило. Она стала серьезно размышлять о совместной работе, взвешивая все за и против, как снова зазвонил телефон.

— Наверное, Галка уже хочет узнать ответ, — промелькнуло в мыслях, и девушка быстро схватила трубку:

— Алло, Галя, это ты?

— Нет, — ответил мужской голос на другом конце провода. — Это твой муженек.

— Кто-кто, вы куда звоните? — возмутилась Ирина, не узнав знакомый голос.

— Да это я, Сергей! Что с тобой: не узнаешь старых друзей, — в трубке раздался смех.

— А, это ты, извини, не узнала. Что-нибудь случилось?

— Да, случилось. Вот купил автомобиль. Хочу покатать вас с Александром. Как насчет вечера? Ты свободна?

— Конечно, сейчас только с Санькой свяжусь, — радостно ответила Ирина.

Вечером они раскатывали по центральным улицам, весело смеялись, вспоминая произошедшие с ними в Корее курьезы.

Погода была теплая, город будто впитал в себя тонкий аромат сирени.

Прогуливаясь по аллеям парка, Сергей неожиданно сорвал цветущую ветку и важно преподнес девушке.

Прыснув, она с ухмылкой одернула протянутую руку, мол, ворованное не возьму.

Приятель парировал народной приметой, что сирень именно так и дарят, а Саня одобрительно подтвердил. Тогда девушка взяла благоухающую ветку и стала вдыхать сладковатый аромат. В этот момент Сергей подошел совсем близко и, заглянув ей в глаза, попытался что-то сказать. Недоуменно посмотрев на него, девушка неожиданно вспомнила недавний разговор с подругой про то, что та очень любит сирень.

— Сережка, нарви побольше сирени и поедем к Галке! Вот она обрадуется, — закричала девушка.

Сергей с явным неудовольствием стал медленно рвать ветки, но Ирина торопливо командовала по-корейски:

— Палли, палли!

С охапкой цветов друзья через час уже входили в дом к Галине. Наговорившись вдоволь о жизни, вернулись к предложению поработать вместе. Сергею тоже было предложено войти в их союз: вместе поднимать бизнес художественной компании.

Галина в Корее-2, или подарок родине деда

Идея создания своей арткомпании давно не давала Галине покоя. Но решилась она на такой серьезный шаг только после своей второй поездки в Корею.

Тогда тоже была весна, и как-то враз расцвели кругом фруктовые деревья. А в аэропорту теплый воздух насквозь был пропитан ароматом сирени. Галина оглянулась, посмотрела по сторонам, но кустов с пышно распустившимися весенними цветами нигде поблизости не увидела.

— Надо же, какой упрямый этот ветер, — усмехнулась она. — Так и дурманит голову, будто уговаривает остаться.

— Мама, ты о чем? — спросил сын. — Кто тебя дурманит и зачем тебе действительно куда-то лететь? Хватит, налеталась, наработалась, может, и вправду никуда не поедешь?

— Во-первых, не кто дурманит, а что, — засмеялась Галина. — Я ветер имею в виду. Вот погляди — нигде сирени не видно, а запах-то какой, будто совсем рядом сиреневый сад. Ты же знаешь, как я люблю эти цветы, как скучаю по ним вдаль от дома. Такое впечатление, что и ветер знает и не хочет отпускать.

А во-вторых, я не могу не лететь. И сказать тебе, почему, тоже пока не могу. Вот вернусь — и все-все расскажу. Знаешь, бывает так в жизни: обязательно нужно сделать то, чего просит душа. Это как мечта, к которой стремишься, которую нужно непременно воплотить.

— Ладно, мам, я понимаю. Надо — значит, надо, — застенялся сын. — Приедешь — послушаю про то, как ты к мечте своей торопилась.

— А я посмотрю на твое новое художество! Весело пошутила Галина и потрепала ему волосы. Затем, махнув на прощание рукой, она зашла в здание аэропорта.

Аэропорт жил своей привычной жизнью, полной суеты,

деловитости, встреч, расставаний.

— Он — как место, где будто бы на мгновение все останавливается, — подумалось Галине. Здесь острее чувствуешь и боль разлуки, и радость встречи. И прошлое, и настоящее...

Её непреодолимо тянуло в страну Утренней свежести, на родину любимого дедушки, где за год она так много пережила, встретила любовь, обрела старшего брата. Здесь радовалась и печалилась, разочаровывалась и обретала надежду, училась прощать, падать и подниматься. Все это было в ней, билось в унисон с ее сердцем, и она уже не могла без этого жить...

Мечты сбываются

— Мистер Ча! Разверните, пожалуйста, Марию немного правее! Еще чуть-чуть. Да, вот так. О, кей! Можно укреплять!

Тоненькая Галина казалась еще миниатюрнее рядом с двухметровой статуей, которую под ее руководством устанавливали на одной из аллей парка рабочие.

— Ничего, и так сойдет, — занервничал Ча, нехотя поворачивая скульптуру. Ему были совсем не по нраву указания какой-то иностранки. Галину он невзлюбил уже с первого дня, хотя если бы кто-нибудь попросил его обосновать неприязнь, он бы и сам толком не смог ничего объяснить.

Наверное, просто за то, что женщина, а еще деловая: знает, чего, когда и что делать. Только каково ему, мужчине, чувствовать над собой такое давление? Куда это годится?

Вот и злился он на нее, да еще рабочих против нее настраивал: подговаривал не торопиться команды иностранки выполнять, в придачу директору почаще жаловаться на ее некомпетентность.

Правда, с последним не очень получалось: мужики

жаловаться начальству не торопились. Опасались, что им опять не выдадут зарплату, как уже не раз бывало.

Хотя Галина была, как и они, корейкой, работягам это ни о чем не говорило, они упрямо считали ее иностранкой из отсталой страны, к тому же без специального образования.

Но женщина будто не замечала их угрюмого настроения и нежелания подчиняться. Чего ей сейчас больше всего не хотелось, так это конфликтовать, выяснять отношения. А чтобы поторопить рабочих, посулила каждому по две бутылки соджу. Увидев, как резво они заработали, заливая в короб-фундамент цемент, невольно улыбнулась.

Солнце палило нещадно. Парк был новый, укрыться в тени было негде. Тоненькие молодые деревца, посаженные год или два назад, не успели еще высоко подняться и не давали тени. Можно было спрятаться от палящих лучей за установленными неподалеку огромными скульптурами пророков, но из солидарности с теми, кто сейчас на самом пекле устанавливал ее изваяние, Галина держалась вместе со всеми и изнемогала от жары.

Поторапливала же рабочих не потому, что ей не терпелось увидеть свою первую работу на пьедестале во всей красе. Нужно было успеть совершить еще одну важную церемонию, к которой она тщательно подготовилась.

И когда к полудню рабочие, наконец, водрузили в положенное место «ее» Марию — потупившую взгляд, с поднятыми к лицу ладонями и чуть припухлыми губами, Галина отошла немного, затем, разложив на расстеленной на земле газете еду, сделала низкий поклон.

За этим действием и застал ее директор арт-мастерской, когда тоже подошел проверить установку скульптуры. С интересом наблюдал он, как Галина осторожно плеснула в рюмку соджу и вылила на землю, затем, воткнула вилку в отваренную целиком курицу, после чего, меняя блюда,

совершила те же действия с рыбой и рисовыми блинчиками.

На самом деле к поминальной церемонии Галина шла несколько лет: с того самого момента, когда она нашла на карте страны город, в который когда-то так горячо мечтал вернуться дедушка.

Побывать здесь, поклониться предкам, провести на родной земле священный ритуал — вот к чему стремилась она все эти годы. Но посетить далекий город никак не удавалось. То препятствовало незнание корейского языка, позже — нехватка то времени, то денег.

И вот наступил самый ответственный в ее жизни момент, когда она оказалась на родной земле дедушки.

— Не зря деда всю свою жизнь желал сюда вернуться, — подумала Галина, любуясь живописной картиной высоких гор на фоне деревьев и пронзительно-синего распахнутого неба с белоснежными облаками. — Здесь так хорошо, так легко дышится, так спокойно бьется сердце.

Вдруг отчетливо припомнился дедушкин голос: низкий, негромкий. И то, как он рассказывал маленькой внучке с прямой челочкой и тоненькими, туго затянутыми хвостиками, об этом небольшом городке, где бегал босоногим мальчишкой и впервые уяснил, что такое свобода, честь, преданность родине и своему народу.

Они тогда сидели вот так же на земле, согретой солнцем. Дед легонько поглаживал шершавой ладонью голову внучки, рассказывая о происхождении их фамилии и родового корейского имени — пона. Не сдержавшись, поделился, как плачет его сердце от любви к местам детства, где ему самому дали когда-то имя и впервые благословили шагать по земле...

От далеких воспоминаний сжалось сердце, глаза наполнились слезами.

Подняв голову, она увидела стоящего неподалеку дирек-

тора. При виде ее слез мужчина подошел ближе, молча присел рядом на корточки.

Ни о чем расспрашивать не стал, но Галина сама объяснила, что поминает усопших предков деда.

— О-хо! Да ты же настоящая южная корейка, — подивился директор. И восхищенно посмотрел на нее. Он больше и больше проникался симпатией к молодой женщине с сильным характером и целеустремленностью.

Вспомнил, как впервые она пришла в мастерскую скульпторов: простой уборщицей, подметавшей за мастерами пол, усыпанный кусочками гипса, глины, кусками проволоки.

Вскоре ее перевели в подмастерья, и она часами шлифовала своими маленькими руками готовые изделия. Не забывала заботливо, но без тени подобострастия, подносить горячий кофе скульпторам в редкие моменты отдыха. И всегда с повышенным интересом наблюдала за их работой, не переставая искренне восхищаться талантами.

И никто из них не слышал от нее жалоб на трудную работу или маленькую зарплату: казалось, эта женщина именно здесь, в мастерской, чувствует себя по-настоящему счастливой.

А Галина действительно была безмерна счастлива, ведь еще девочкой мечтала ваять нечто такое, что радовало бы глаз и удивляло любого, кто бы глянул на творение ее рук.

И вот судьба вдруг проявила к ней неожиданную благосклонность, предоставив возможность соприкоснуться с художественным процессом. В этот ее второй по счету приезд в Корею Галину направили на работу в небольшую художественную мастерскую.

То ли людей здесь не хватало, то ли потому, что она, не раздумывая, согласилась работать за невысокую зарплату, ее охотно оформили сначала уборщицей, а потом перевели в подмастерья.

Так началась для нее школа скульптора. И пусть не она сама создавала чудесные образцы, а только помогала творить мастерам — это уже само по себе было настоящим чудом.

Директор Пак был человеком сдержанным, со спокойным нравом, преданным только его Величеству Искусству. Все свободное от работы время он проводил в мастерской, его домочадцы, привыкшие к его жизненному ритму, не обижались на него за его длительное отсутствие. Ежедневно наравне с рабочими, облачившись в спецовку, директор варил каркасы, разводил глину или цемент, и в такие минуты больше походил на увлеченного творчеством маэстро, нежели на руководителя. Организатором он был не очень хорошим. Не мог договариваться с заказчиками, чтобы те следовали точно договору и исправно платили, не умел поторапливать скульпторов делать свою работу быстрее... Ему проще было самому встать рядом и что-то делать, чтобы работа продвигалась побыстрее.

Хотя шел последний месяц весны, в мастерской было еще очень холодно. У Галины сильно мерзли руки и ноги, от разъедающей глаза пыли стала мучить аллергия, но она не обращала на это внимания. Разве можно думать о таких мелочах, когда есть возможность соприкоснуться с творчеством, более того — учиться творить?

А однажды случилось то, чего даже сама Галина не ожидала. В один из обычных дней к ней подошел директор и коротко распорядился:

— Завтра приступаешь к самостоятельной работе. — И, не дав ей даже опомниться, прокомментировал свое решение, — у нас аврал, работы много, а два работника уволились, обиделись на меня из-за задержки зарплаты. В общем, будешь работать сама, вот эскизы. Причем, все надо успеть за месяц.

Галина развернула чертежи и ахнула при виде красивой бронзовой скульптуры Девы Марии. На первый взгляд,

изваяние было не очень сложным. Богоматерь, сложив руки на груди, покорно молилась. Ее ноги были обвиты змеей, держащей в пасти яблоко, высота композиции — два метра.

Такое же изображение Галина ранее видела на страницах глянцевого журнала, но даже представить не могла, что кто-то сможет заказать ее для себя. И уж тем более она не могла поверить, что Деву Марию будет ваять она сама!

Сердце колотилось как сумасшедшее, улыбка не сходила с лица. Наконец-то она сможет проявить себя как настоящий скульптор и самостоятельно выполнить свою первую авторскую работу!

Почему-то она совсем не волновалась. Наоборот, была абсолютно уверена в том, что у нее все получится:

— Я ведь уже все умею. Знаю, как и что надо делать!

Она и раньше всегда первой спешила попасть в мастерскую, а теперь и подавно прибегала сюда с рассветом. Не шла — будто летела на крыльях.

И вроде работа пошла. Медленно, не всегда уверенно, но стала двигаться. Вот поднялся двухметровый каркас, глина почти скрыла его, потом появилось вырезанное бамбуковым стеклом лицо, сложенные в молитве руки, складки свободного платья...

Мокрыми руками Галина сглаживала на глине складочки, выравнивала контуры.

Через пару недель директор напомнил о сроках. Она было заспешила, однако после обсушки скульптура стала вовсе не похожа на ту, которую заказывали. Галина даже растерялась: как, почему?!

— Что, не получается? — подлил масла в огонь коллега Ча, с которым у нее как-то не складывались отношения. — И это — работа?

Рассмеявшись, он похлопал ладонью по готовой работе, и — к ужасу Галины, — от нее отвалился кусок глины.

Теперь захохотали и другие мастера, а Галина, едва сдерживая гнев, принялась поправлять поврежденную композицию. Однако, как ни старалась, получилось только еще хуже. Старший по цеху, неодобрительно покачав головой, махнул рукой.

Как подраненный зверек Галина выскочила на улицу и, спрятавшись за кустарником, присела на облюбованную ранее глыбу бракованной скульптуры.

— Нет, ничего у меня не получится, — с отчаянием подумала она, как вдруг заприметила крохотную пчелку, что упорно пыталась найти пыльцу в полусохших цветах.

Поднявшийся ветер мешал подлетать к ним вплотную, пчелку словно откидывало то в одну сторону, то в другую, но она снова и снова возвращалась к душистым гроздьям тычинок, чтобы набрать цветочный нектар.

— Да что это я? — внезапно взяв себя в руки, очнулась Галина. — Вон какое крохотное существо усердно работает вопреки всему, а у меня что же — не выйдет? Нет, я тоже смогу, все равно — смогу!

Соскочив с глыбы, уверенными шагами направилась в мастерскую. Все давно разошлись по домам, остался лишь один рабочий, да и тот спешил домой.

Попросив ее закрыть ворота и бросив ключи на столик, предупредил:

— Смотри, не задерживайся! Сильный дождь обещали, попадешь еще в самый ливень.

— Ну что же, Мария, давай-ка я тебя посмотрю, — тихо проговорила она и начала заботливо замазывать образовавшиеся трещинки.

На часы она не смотрела, и спохватилась лишь тогда, когда услышала раскатистый гром, вслед которому последовал сильный шум проливного дождя.

— Ничего, — успокоила она сама себя. — Добегу, главное,

что Мария моя готова.

Зонта у нее с собой не было, пришлось накрыть голову целлофановым пакетом и шлепать по глубоким лужам.

— Ничего, ничего, — повторяла она, — я все же сделала это. Все сделала.

Но на следующее утро ее снова ждала неприятность. Выполненная с великим старанием композиция дала крен и даже растрескалась у основания.

Увидев это, даже неприятель Ча не стал смеяться, только задал тот же вопрос, которым она и сама себя непрерывно мучала, увидев трещину:

— Почему?

Она попробовала снова замазать основание, но выглядеть лучше от этого композиция не стала.

— Нет, что-то не то, — выдохнула она и, схватив молоток, несколькими точными ударами развалила хрупкую статую.

— Не переживай, Мария, — причитала женщина. — Я слеплю тебя новой, красивой и крепкой. И ты, как и я, вынесешь все в этой жизни. И ни дожди, ни жаркое солнце, ни ветра, никакие беды не согнут тебя и не сломают. Я не могу подвести, не смогу! За маму, за сына, за всех, кто смотрит на меня с Небес: я должна, обязана, сделаю!

Затем подвезла на тележке гору пакетов свежей глины и замочила их в воде. Пока глина размокала, Галина почистила площадку от кусков разбитой Марии и разложив чертежи возле себя принялась заново за работу.

— Галина! Услышала она строгий голос директора и вздрогнула, она и не заметила, что рабочий день кончился и все работники разошлись по домам.

Указав ей на циферблат огромных настенных часов, мол, рабочее время давно закончилось, с недовольным видом принялся укорять.

И за то, что неэкономно тратит электроэнергию, и что

понапрасну переводит дорогую красную глину.

— Иди-иди! Ничего ты уже не сделаешь. Да и время на выполнение работы подходит к концу, — сердито ворчал Пак, подталкивая ее к выходу.

— Мне же совсем немного осталось, — упиралась изо всех сил Галина, — сделаю все, все смогу. Я ведь только учусь, в конце концов.

Но директор ничего не хотел слушать и решительно схватил рубильник, чтобы выключить свет, как услышал, что Галина, не выдержав, искренне расплакалась.

— Вот истерики не нужно, — строго сказал Пак, — слезами горю не поможешь. Зря я только на тебя понадеялся...

— Нет, смогу! — упрямо твердила женщина, шмыгая при этом носом и растирая рукавом слезы на лице. — Уверена, что смогу. Точно знаю, просто нужно еще немного времени. Вот сегодня же ночью все и доделаю!

— Красота! Ты только взгляни на себя, — произнес директор вдруг потеплевшим голосом и подтолкнул ее к зеркалу у дверей.

Взглянув на свое отражения, та только охнула: все лицо было в черных разводах, нос покраснел как помидор, распухших от слез глаз и вовсе было не видно.

— Умойся, — скомандовал Пак. — Ужин ждет, небось, не ела ничего.

Только в эту минуту Галина вспомнила, что действительно забыла про обед и ужин, и внезапно остро почувствовала, как сильно она голодна.

Уже за столом, за обе щеки уплетая любимый чикен — жареную в кляре курицу — и запивая лакомство ледяной колой, наконец немного успокоилась.

— А знаешь, что самое главное в работе? — спросил неожиданно подобревший Пак. — Настойчивость! А у тебя она есть?

— Да это моя самая заветная мечта с детства! — воскликнула Галина.

— Ты мне сейчас напомнила меня в молодости. Те же амбиции, тот же огонь, то же упрямство. Я точно так же, как и ты сейчас, не отступал, лепил по ночам и по сто раз переделывал свои работы, — впервые улыбнулся Пак, незаметно подкладывая ей вкусные кусочки курятины. — Ладно, не переживай. Помогу тебе завтра! Может, сообща, быстрее все получится.

Наутро Галина понуро, с припухшим от вчерашних слез лицом явилась на рабочее место.

— А знаешь, почему у тебя скульптура дает трещинки? — не обращая внимания на ее поникший вид, деловито спросил Пак.

— Надо сильнее кидать глину, а еще смачивать водой, чтобы крепче прикреплялась к каркасу, — продолжал как ни в чем не бывало Пак.

Затем, подмигнув ей одним глазом, взял кусок глиняной массы и, будто играя в бейсбол, согнул слегка колено, ловко развернулся и — резко метнул им в каркас, рассмешив этим жестом Галину.

Она все в точности повторила за ним. Так же согнула одно колено, так же развернулась и... Глина плотно, будто прикипев, села на каркас.

Оба громко рассмеялись. У нее поднялось настроение, и застенчивая улыбка озарила миловидное лицо.

— Продолжай, теперь все получится, подбодрил директор Галину и ушел.

К концу рабочего дня Галина закончила работу. Последним штрихом оказалось вылепленное яблоко, которое она вонзила в открытую пасть змее, обвивающую ноги Марии. В ту минуту на память ей пришелся сон, который она видела в самолете улетаая впервые в Корею: — Ах вот чего ты

ждала, — сказала она вслух зловещей змее и улыбнулась...

Тут подошел директор, осматривая скульптуру он неожиданно попросил ее принять позу Девы Марии.

Галина покорно повиновалась. Молитвенно сложила ладони под подбородком и, опустив глаза, застыла с наклоненной головой.

Директор несколько раз поправил готовую работу стеклой, после чего затер глину смоченными в воде руками и произнес:

— Ну, теперь эта статуя будет с твоими прекрасными руками и губами!

Улыбка директора окончательно смутила и вогнала в краску молодую женщину. Но все же ей понравилось, что в Деве Марии будет теперь что-то и от нее самой.

Однако все это было лишь началом большой и кропотливой работы. Вскоре последовала сложнейшая по своей технологии процедура с использованием особого клея, потом — колющегося материала из стекловаты и длительного шлифования: как электроприборами, так и вручную.

В этом ей помогали — хотя и без особого желания — остальные коллеги, поскольку этот этап работы был сложным даже для мужчины.

На шлифовку у Галины ушло несколько дней. Поверхность скульптуры стала нежной и гладкой, как мрамор. Осмотрев внимательно изваяние, директор похвалил автора.

— Ну, теперь осталось только покрасить. Этим займусь я сам, — твердо произнес Пак возмущенной Галине и попросил ее принести пульверизатор с бронзовой краской.

Однако ей все же удалось украдкой немного покрасить свое творения, когда директор отвлекся на телефонный звонок мобильного телефона. К ее радости, Пак не стал ее ругать, а даже одобрил, что она выполнила покраску ничуть не хуже его самого.

Напыление быстро высохло, и уже через какие-то минуты статуя стала выглядеть будто изваянная из литой бронзы, хотя на самом деле изнутри была полый.

Как объяснили мастера, именно эту современную итальянскую технологию они используют в работе.

— Мо-ло-дец! — похвалил директор.

— Признаться, неплохо все выполнено, но лучше всего получились твои красивые руки и губы, — прищурившись, признался и мастер Ча.

— Надо же, заметил, — тут пришла очередь удивляться Галине. Она еще раз внимательно оглядела скульптуру, смахнула пушистое семечко одуванчика, опустившееся статуе на плечо и тяжело вздохнув повторила слова Дмитрия: — Если долго мучиться, что-нибудь получится...

— Как жаль с тобой расставаться, Мария! — выдохнула Галина, отвлекаясь на свое детище.

Ей действительно было грустно с ней расставаться, настолько она привыкла видеть композицию в мастерской каждый день.

— Интересно, кто же заказчик, для кого я ее ваяла? — как-то спросила она у Пака. — Кому мы отдаем нашу Марию?

— Церковь заказала: они открыли Парк Святых, — ответил директор.

— Ух, ты! — искренне удивилась Галина, — а где этот парк, в Сеуле? Тогда я смогу ее изредка навещать.

— Нет, это в области Нам Тёлладо: на юге страны, — и протянул заказ с указанным на бланке адресом.

— Ой, да это же родной город моего дедушки, — изумленно вскрикнула Галина и вкрадчиво переспросила. — А можно мне туда на установку тоже?

— Конечно, завтра на рассвете уезжаем, проконтролируешь установку скульптуры, — строго сказал Пак, с трудом

отрываясь от телефонного разговора.

Открыв рот от удивления, Галина радостно замотала головой и выскочила из офиса, набирая скорость и прибавляя шаг в сторону общежития. — Неужели я все — таки попаду в Чоджу: увижу родину дедушки? — мыслила она.

Небеса обетованные

Галина твердо знала, что обязательно сделает, когда попадет в родной город дедушки: проведет по всем правилам поминальный обряд и возьмет с собой горсть земли. Если посыплет ею могилку деда, как знать, может, он почувствует запах далекой родины предков, и тогда утихнет у него острая боль от вечной с ней разлуки...

Взглянув на часы, она кинулась в магазин за провизией. Купила курицу, пару бутылок водки, муку из сорта клейкого риса, а еще рыбу и фрукты. Вскоре все необходимые для поминовения продукты и блюда были готовы.

Спать совсем не хотелось. Она так и не прилегла, а часа в три утра с огромной сумкой, в которой позвякивали банки и чашки, вошла в мастерскую.

Рассвет озарил все вокруг нежным розово-голубым цветом, волосы и лицо обвевал свежий ветер. Галина до конца так и не могла поверить, что, наконец, ступит на родину предков.

— Мечты все-таки сбываются, — с волнением подумала Галина, внимательно разглядывая уходящую вдаль дорогу, по которой когда-то уезжал ее дед.

Директор Пак подозвал рабочих и кивнул в сторону женщины, что-то негромко сказав. Те удивленно подошли к ней.

— Откуда ты знаешь этот обряд? — вырвалось у них. Та грустно объяснила, что запомнила на похоронах сначала дедушки, потом отца... Поэтому так же теперь она покло-

нилась и своим далеким предкам.

— Да ты наша южная корейка, — восхищенно зацокали они и, присев возле трапезы, попросили: — Налей-ка и нам, помянем твоих родственников.

Сделав прощальный поклон, они вместе пошли в кафе, где их ждал обед на маленьком столике.

— Адима¹! — Подозвал пожилую официантку кафе директор Пак и попросил накрыть им за большим круглым столом.

За сытным обедом Пак первым нарушил всеобщее молчание. Поинтересовавшись фамилией и поном Галины, попросил подробнее рассказать, что ей о них известно.

Галина грустно поведала о мечте дедушки ступить на землю, где он родился, о его наставлениях, и о том, что она знала о родовом имени.

Рабочие, слушавшие ее рассказ очень внимательно, прониклись особенной теплотой к Галине, которую с этого момента стали считать родной, назвав младшей сестренкой. В эту минуту, Галина вспомнила нареченного здесь в Корее Брата Цоя: — Надо обязательно к нему съездить, — мелькнула у нее мысль.

Закончив с трапезой, Пак отправил машину с рабочими обратно, а на второй сам решил показать сотруднице город и его достопримечательности. Затем, указав на гору, что-то загадочно произнес, из чего ей стало ясно, что сейчас последует восхождение на вершину.

Ехали по крутому серпантину, дорога была извилистой, и женщина испуганно смотрела на директора, прикрывая глаза, чтобы не видеть отвесных скал, а на поворотах и вовсе замирала от страха.

Когда от высоты стало закладывать уши, и вовсе замол-

1 Адима — тетя (кор).

чала. Ей казалось, что от одного только ее голоса машина свалится в пропасть.

И вот, наконец, они достигли самой вершины. Здесь базировалась туристическая зона отдыха с типовыми коттеджами.

— Что это он надумал? — пронеслось в голове у женщины, и она искоса посмотрела на Пака.

Выйдя из машины, директор поинтересовался, сможет ли она подняться еще вверх? От неожиданности она ответила согласием. Взяв ее за руку, Пак стал с ней подниматься по практически отвесной каменистой тропе все выше и выше.

Галина уже не смотрела по сторонам, только молча взбиралась маленькими шажочками, тяжело дыша. Когда они наконец остановились, Пак громко объявил:

— Пришли!

Они оказались на небольшой площадке, на краю которой был водружен корейский флаг, шумно хлопающий на ветру.

— Посмотри туда! — и указал куда-то далеко вниз.

Галина осторожно взглянула по направлению его руки и — ахнула. Они взобрались на самый верх горы, которой она еще недавно любовалась снизу.

— Отсюда виден весь город ЧоДжу, родина твоего деда. Можно сказать — как на ладони. Нет, с высоты птичьего полета!

И хотя она боялась высоты, сейчас об этом даже не думала. Галина внимательно стала рассматривать город.

— Какой маленький, — воскликнула она, — и вправду, как на ладони.

И опять образ деда унес ее в далекое детство.

— Как жаль, что вы, дедушка, не стоите сейчас рядом со мной, не смотрите на свой родной город, даже не знаете, что исполнилась моя заветная мечта — побывать на земле

своих предков... — обращаясь мысленно к деду, прошептала Галина и расплакалась.

Постояв еще немного, почувствовала ужасную усталость, но одновременно — необыкновенную легкость в душе и на сердце.

— Спасибо вам, директор, — прошептала признательно Галина, — спасибо огромное от всех нас, от всех моих предков!

И посмотрела на Пака, который почему-то тоже смахнул набежавшую слезу сострадания и радости за Галину. Неожиданно директор с улыбкой рассказал, что можно загадать желание и крикнуть громко Яху, после чего оно обязательно исполниться. У Галины заныло сердце от внезапных воспоминаний о Дмитрие. Она выдавила улыбку в ответ, подняла к небу лицо и, будто смотря всевышнему прямо в глаза, прокричала:

— Почему?

Горячие слезы, обжигая щеки, брызнули у нее из распахнутых глаз. Ноги подкашивались, она обессилено прошептала: — Ну почему ты так ко мне несправедлив? Дима, Димочка, родной мой, если ты меня видишь, знай, я люблю тебя, люблю так сильно, что нет сил тебя забыть...

У директора улыбка сменилась скорбью, он обнял Галину и стал успокаивать, похлопывая ее по спине. Галина обмякла и затихла. Затем он повлек ее вниз за собой, спускаясь осторожно вниз.

Опомнившись почти перед концом спуска, Галина торопливо насыпала горсть земли в мешочек: для могилы деда...

Мысли о том, что она оставила здесь, как подарок предкам, свой след — статую пресвятой Девы Марии, изваянную своими руками, в которую вложила всю себя без остатка, — успокоили ее, сердце наполнилось счастьем и светлой радостью...

Расставание...

Деятельность арт-компании, которой руководил Пак, шла не ахти, заказчики не платили вовремя за выполненную работу, к тому же подорожал материал, одним словом, все предвещало скорое банкротство.

Генеральный директор арт-компании приходился зятем директору Паку, жил с его дочерью и внуками в Италии, и его компания в отличии от компании тестя процветала. Но южнокорейский тесть, видимо, был не силен в арт-бизнесе, разве что был хорошим скульптором, как сам иногда оправдывался перед своими сотрудниками из-за очередной задержки зарплаты.

Но он всегда обещал, что всем все выплатит до цента в следующем месяце. И так — каждый раз...

Подходило время возвращаться Галине домой. Мысль, что ей придется возвращаться с пустыми руками, с каждым днем все больше и больше печалила ее сердце.

Однажды вечером к ней постучался директор и вызвал на разговор в кафе. Удивившись такому таинственному поведению шефа, она, тем не менее, подчинилась.

После их поездки в родной город бабушки Галина почитала Пака едва ли не как родственника, а потому не стала ничего говорить о зарплате.

В кафе Пак заказал ее любимый чикен и поинтересовался датой возвращения домой. Затем вдруг вздохнул и грустно признался, что компания терпит убытки, нечем расплатиться с работниками и поэтому он вынужден временно ее закрыть.

— Значит, мы все не получим выплаты, господин директор, — заикнулась было Галина, как вдруг Пак протянул ей увесистый сверток с деньгами.

— Это тебе за все месяцы твоей работы и за последний

тоже, — произнес начальник.

Торжествующе глянул на нее, улыбнулся и попросил не говорить о полученном расчете коллегам:

— Завтра утром улетаю в Италию к дочери. Может, на месяц. И, наверное, уже не увидимся, к сожалению, никогда!

— Спасибо, директор Пак, — только и прошептала Галина.

— А зарплату тебе даю, потому что, — шумно вздохнув, продолжал Пак, отвечая на ее немой вопрос, — деньги тебе нужнее. Ты же за этим приехала в чужую и родную одновременно Корею. А остальным я тоже обязательно выплачу. Но позже.

— А тебе желаю счастливо добраться до дома, — продолжал Пак. — Если сможешь, возвращайся. Надеюсь, дела наладятся, и я смогу возобновить работу. Смотри, не бросай свое занятие, учись, — добродушно напутствовал теперь уже бывший начальник. — Ты очень талантливая, — и, немного помолчав, добавил:

— Спасибо, Галина. Благодаря тебе я снова загорелся любимым делом. Вот только заеду к зятю, а потом обязательно подниму компанию.

Позже она часто будет вспоминать и директора Пака, и коллег, и свою скульптуру, а город предков и вовсе не забудет до конца своих дней. И обо всем, что узнала, обязательно расскажет сыну...

Прошлые миражи

Вернувшись из посольства, Сергей радостно известил Ирину, что продлил визу. Но о встрече с Дмитрием решил умолчать, так, на всякий случай, если вдруг тот передумает и уедет в Корею. Ну, а если нет, то это будет настоящий сюрприз для девчат, присвистнул Сергей, размышляя над своим решением.

— Не свисти! Денег не будет, — пошутила девушка.

— Ах ты, моя суеверная невестушка, — с улыбкой, отвлекаясь от противоречивых дум, проговорил он, обнимая любимую. Поглаживая ее чуть заметно округлившийся животик, вдруг сказал строго:

— Ау, сынок! Ну-ка, повлияй на свою мамочку, — после чего они довольно рассмеялись. Ирина была на втором месяце беременности, когда узнала, что ждет ребенка. А ведь она уже и не надеялась...

— Галина-то приедет в загс засвидетельствовать наши подписи в священной книге браков? — шутливо спросил Сергей, но Ирина вдруг нахмурилась.

— Будто виновата перед ней в том, что выхожу замуж. Мне жаль, что у них с Димкой все так вышло...

— Ничего-ничего, дело житейское, — произнес Сергей и крепче обнял невесту. Прижавшись к нему, Ирине подумалось, что какое же это все-таки счастье — быть рядом с любимым.

Наступил долгожданный день бракосочетания.

Ирина вдруг разволновалась: ей всерьез не верилось, что для нее этот день, хоть запоздало, но — настал.

Ей было без малого почти сорок, но она впервые выходила замуж. Оглядывая себя в зеркале, занервничала из-за испорченной платьем прически, когда одевала и теперь никак не могла уложить должным образом длинные волосы под фату.

Схватив телефон, быстро набрала номер близкой подруги. Та в этот момент волновалась не меньше ее. Сначала долго выбирала наряд, но, перемерив обновы, так и не рискнула выбрать шикарное новое платье темно-розового цвета с белыми лилиями. По утверждению всезнающей знакомой, наряд свидетельницы должен быть много скромнее, чем у невесты.

Потому-то остановилась на стареньком платьице, купленном вместе с Дмитрием на Тондэмуне. Из украшений ограничилась простеньким серебряным колечком,

подаренным любимым в тот же день.

«Опаздываем, мама!» — заторопил сын, и они поспешно выехали к друзьям. «Бабье лето» было в разгаре, наполняя свежестью теплый воздух, перемешиваясь временами с легким дымком, первым признаком начинающейся осени, — горожане уже всюю жгли опавшую листву.

Галина была очень рада за Ирину, но все же ей было грустно — казалось, она теряет подругу, которая, к тому же скоро уйдет в декретный отпуск. Невеселые мысли прервал громкий телефонный звонок.

— Галь, ты едешь? Я не могу волосы подобрать, прическа вся разлетелась, пока надевала платье! Приезжай скорее, — расстроено просила подружка.

— Да уже едем, вот-вот будем, — успокоила Ирину Галина. И действительно через пару минут она уже звонила в квартиру подруги, которая встретила ее словно родную сестру.

— Какая ты красавица, как же я за тебя рада, Ирочка! — восхищалась Галина и поправляла на Ирине свадебный наряд.

— Я тоже очень хочу, чтобы ты была счастлива и встретила своего принца, Галочка, — обняв подругу, растроганно прошептала Ирина.

Не успели они обменяться впечатлениями, как вдруг раздался нетерпеливый звонок в дверь, — это приехал новоиспеченный жених.

— Здесь ли живет красавица, умница и самая прекрасная невеста Ирочка? — нараспев спрашивал на пороге Сергей, с кем-то непрестанно перешептываясь.

— А здесь точно живет принцесса? — раздался детский голос.

— Да, — смеясь, одновременно ответили подруги и попросили жениха немного подождать.

— Ты что ли с Женькой? — спросила громко Ирина, не выходя к будущему мужу.

— Ага, — только и загадочно ответил Сергей.

Поправляя фату Ирине, Галина не заметила входящих.

— Здравствуйте, — раздался знакомый до боли голос из темной прихожей.

— Здравствуйте, — вторил детский голосок. Галина невольно обернулась и увидела пышные бантики и их «хозяйку» — премилую девчушку.

— Здравствуйте, — словно эхо, повторили подруги. Увидев незнакомца с девочкой, застыли от удивления.

Их изумлению не было предела: переминаясь с ноги на ногу, перед ними стоял Дмитрий.

— Дима... — только и прошептала Галина, чувствуя, как земля уходит из-под ее ног. — Ты — жив?!!

Ирина тоже на всякий случай щипнула себя за руку. Сморщившись от боли, громко объявила:

— Димка жив!!! — и с этими словами бросилась на шею оторопевшему товарищу.

— Дорогая, ты, случаем, ничего не перепутала? — с притворной ревностью возмутился Сергей и увлек за собой невесту.

— Да ну тебя, — отмахнулась Ирина и обняла его тоже.

Галина продолжала стоять как вкопанная, не веря своим глазам.

— Галочка! — прошептал Дмитрий и неуверенно подошел к Галине. Они бы так и простояли, если бы не его дочь, которая стала теревить его за руку и спросила:

— Это та самая принцесса, о которой ты мне рассказывал?

— Да-а, да-а, доча, это она!

— Здравствуйте, принцесса Галина! — радостно сказала с улыбкой его дочь и подошла поближе, разглядывая ее во все глаза.

— Здравствуй! — растерянно ответила Галина и протянула ей руку. Девочка будто ждала этого и крепко прижалась к ней.

— Это моя дочь, Галчона, — с волнением, неловко улыбаясь, сказал Дмитрий.

— Галчона? В недоумении переспросила Галина и стала смотреть то на него, то на девочку. Затем опомнившись, обратилась к девочке: — Какая же ты хорошенькая!

— Настоящая принцесса вторила ей Ирина, беря ту за руку и уводя за собой.

— Поспешите, — сказал, уходя, Сергей и плотно закрыл за собой дверь.

Оставшись наедине, Дмитрий обнял Галину. Их сердца будто вновь соединились, громка стуча в унисон...

— Боже мой, ты жив, я же тебя уже похоронила, — запричитала Галина, опустившись обессилено в кресло и, закрыв руками лицо, заплакала.

— Значит буду жить долго! — тихо в ответ произнес Дмитрий и уткнулся ей в колени.

— Надо идти, — наконец прошептала Галина после долгого молчания.

Всю дорогу они неотрывно смотрели друг на друга, изредка отвлекаясь на детский смех, и невпопад что-то отвечали друзьям.

Им казалось, что все будто замерло, стихло, лишь они кружат в медленном танце, как тогда... под мелодию их песни...

Последнее испытание

Свадебное гулянье оказалось на редкость веселым, но незаметно подошло к концу. Почувствовав усталость, Галина предложила любимому вернуться домой вместе: расставаться с ним было уже не в ее силах.

Дмитрий радостно согласился и, взяв за руку девочку, они стали пробираться к выходу. Вдруг девочка, высвободив руку, закричала, указывая на молодую женщину:

— Мама! Это моя мама! — забилась она уже в истерике и, вырвавшись, устремилась в дальний угол ресторана к совершенно пьяной молодой девушке.

Галина удивленно посмотрела на растерянно метавшегося от дочери к ней Дмитрия:

— Это — твоя жена? — встревожено поинтересовалась Галина у Дмитрия, лихорадочно пытаюсь разобраться в ситуации.

— Бывшая! Вернее, мы даже не успели с ней расписаться. Она ушла от нас, когда Галчона была совсем маленькой. Не знаю, откуда она взялась, — перекрикивая громкую музыку, нервно отвечал мужчина, то и дело отвлекаясь на дочь.

Но Галина почти ничего не расслышала. Она посмотрела вслед маленькой девочке, несущейся к незнакомой женщине, и вдруг бросилась к выходу.

— Гала! Галчона! Постой, — кричал сквозь шум Дмитрий, — ты не так поняла, я сейчас все объясню.

Но она исчезла, растворившись в толпе выходящих из ресторана людей...

Подбежав к дочери и пытаюсь оторвать ребенка от пьяной матери, он стал уговаривать ее уйти вместе с ним. На что малышка, прижавшись к матери, капризно заявила:

— Не пойду, останусь с мамой, — и спряталась за ее спину.

— Беги за своей Галочкой, урод! Вот почему ты назвал дочь Галкой, а еще врал, что в честь тетки, — грубо оттолкнула от себя дочь Ольга.

— Мама, мамочка, — зарыдала девочка, пытаюсь ухватить ее руку. Но, схватив малышку за плечи, Ольга резко развернула ее к отцу:

— Живи со своим папашей. Мне ты не нужна!

И, встав из-за стола, покачиваясь из стороны в сторону, ушла восвояси.

Дмитрий как мог успокаивал дочурку. Однако та билась

в истерике и рвалась из отцовских рук.

Сергей с Ириной с ужасом наблюдали за сценой.

Затем Ирина, вскинув удивленно брови, с негодованием спросила супруга:

— Так ты что, знал? Тогда почему не сказал, что Димка женат? А теперь представляешь, что будет с Галочкой? Бедная, бедная моя подружка.

— Да откуда, — также удивленно оправдывался Сергей. — Мне он сказал, что давно с женой не живет, а ведь вроде не врун был.

— Врун не врун, а еще тот ловелас оказался! Видеть его не хочу больше, — сердито заключила Ирина и засобиралась домой.

Свадебное веселье закончилось.

Выбежав из ресторана, Галина спешно стала искать сына, который в этот момент уже разворачивался на стоянке.

— Быстро домой, — скомандовала она и без сил рухнула на заднее сиденье.

Аркадий же никак не мог взять в толк, что случилось за время его отсутствия, пока он заводил машину. Но спросить не решался, только искоса поглядывал в зеркало на бледную мать, которая неподвижно уставилась на дорогу.

— Ну, вот и всё, — тяжело заключила Галина, придя домой. Перед глазами все еще стоял растерянный Дмитрий, симпатичная молодая девица и счастливая от встречи с матерью их дочурка.

— Прощай, мой Димочка! Вот теперь — прощай навсегда, — сказала сама себе Галина, затем решительно отключила телефон.

На следующий день Сергей позвонил другу.

— Алло, вам кого? — раздался потерянный голос.

— Это я, Сергей, — оторопел товарищ и тут же уточнил: — Ты что, пьяный что ли?

— Нет, устал, не спал всю ночь, — ответил Дмитрий. — Дочь только к утру успокоилась. Всю ночь звонил Галине, но она даже не подошла к телефону. — Затем, вздохнув, добавил: — Сегодня ночью улетаю в Корею, — и положил трубку. Сами супруги тоже не стали более тревожить Галину, предоставив ей возможность оправиться от удара.

Эпилог

Минул год после отъезда Дмитрия. Из Кореи он возвращался, проработав мастером на автомобильном заводе.

Вместе с ним вернулся домой и муж сестренки Артур. В аэропорту давно ждали их возвращения маленькая Галчона и сестренка с сынишкой.

— Папа, папа приехал! — выкрикнула девочка и бросилась к нему на шею.

— Ах ты, моя роднуля! — Подняв дочь над головой, закружил ее Дмитрий. Альбина с сыном обнимали то Артура, то Дмитрия с его дочкой.

— Дима, с приездом, — раздался негромкий голос. Присмотревшись, он увидел свою Галину, стоявшую немного поодаль.

— Ты? Ты кого-то ждешь? — неуверенно спросил Дмитрий и подошел поздороваться.

— Это — моя королева Галина, а я — принцесса Галчона, — дочь важно представила отцу женщину.

— Ух ты! А я тогда кто? — искренне недоумевая, поинтересовался он у малышки.

— А, ты наш король! — засмеялась радостно девочка.

— Поедем домой, дети устали, — вмешалась Альбина, — по дороге поговорим.

Ничего не понимая, Дмитрий повиновался сестренке, и они все проследовали на автостоянку к машине. Сидев-

ший за ее рулем Аркадий вежливо поздоровался с Дмитрием, затем вдруг с улыбкой произнес:

— Как здорово, что мы все встретились!

По дороге сестренка призналась, что как только он и муж уехали в Корею, тяжело заболел ее сынишка, ей пришлось вместе с ним лечь в больницу. А Галчону поручила забирать из садика и оставлять на ночь у себя соседке.

Но та через пару дней сообщила, что девочку забрала невесть откуда вернувшаяся Ольга. Обрадовалась поначалу Альбина — хоть и непутевая, все же ведь мать. Но и недели не прошло, как та же соседка рассказала, что поздно вечером услышала детский плач под дверями.

— А, соседка то уже на работу устроилась, и смотреть за Галчоной, да еще больной, она не могла, — продолжала рассказывать Альбина. — Стала звонить нашей тетке Глории, и нечаянно набрала другой номер, оказался телефон Галочки, теперь — нашей Галочки! Рассказала я ей все, и она тут же приехала и забрала нас в город. Все это время заботилась как родная. Аж мамой чуть не назвала ее по ошибке, — засмеялась Альбина. — Но она просила только тебе о ней ничего не рассказывать, вот я и молчала, — виновато потупив взор, закончила свой монолог Альбина.

Слушая сестренку, Дмитрий и Галина не сводили глаз друг с друга, полные тепла и бесконечной любви, которая уносила их в неведомую страну, где живет мечта, их любимая мелодия, и — плавно кружится снег...

КИРА

СКЛЕИТЬ ЧАШУ

Трясущимися от усталости руками Кира распахнула настежь окно, но вместо ожидаемой свежести ощутила душный воздух, наполненный едким запахом технического мазута, что шел от завода, находящегося недалеко от мотеля.

— Фу, какая гадость, — брезгливо передернула плечами Кира, не выпуская изо рта дымящуюся сигарету.

Тем не менее она высунулась из окна по пояс, чтобы выкурить сигарету до конца. Вдруг послышались голоса, она боязливо покосилась на дверь. Наверное, хозяин, подумала она и, быстро выбросив окуроч, сделала вид, что занята уборкой комнаты.

В мотеле запрещалось курить, что не очень нравилось проживающим здесь клиентам и уж тем более Кире, которая не могла и не хотела лишать себя единственного удовольствия в жизни. И, несмотря на угрозы директора уволить ее, продолжала нарушать все запреты: устраивала в номерах, где делала уборку, перекуры, при каждом удобном случае просматривала там же телепередачи и даже болтала по телефону.

— А, это ты, — томно протянула Кира парню, с которым была знакома лишь по скайпу.

Таких приятелей у нее было немало, ее забавлял флирт, который ни к чему не обязывал. А находила она их в Интернете, на сайте знакомств. Но почему-то именно этот незнакомец не то, чтобы серьезно заинтересовал ее, но с ним она чувствовала себя раскомплексованной, легко находила темы для разговора, и порой их телефонные диалоги длились часами.

Именно подобные нарушения заведенных в мотеле правил помогали ей хотя бы ненадолго переключаться и забывать о прежней жизни, о том, что привело ее в Корею и что, в сущности, стало главной причиной сегодняшнего ее гастарбайтерского существования на чужбине.

Завтра было — вчера

У себя на родине Кира после развода с мужем осталась одна с двумя детьми на руках. Ради того только, чтобы отец не имел возможности хоть как-то влиять на детей и тем более причинять сыну и дочери боль и душевную травму, она решительно отказалась от алиментов. А позже и вовсе переехала в столицу, чтобы хоть как-то изменить свою жизнь и заполнить образовавшуюся в ней пустоту.

А ведь как красиво все начиналось... Первая любовь, цветы, ее волнение до дрожи во время сватовства и — сама свадьба, красивая, веселая их свадьба, на которой Кира чувствовала себя самой красивой и желанной.

Как же счастливы были они в первые годы супружества, особенно после рождения первенца! Наверное, она никогда не сумеет забыть той нежности и заботы, с которыми муж встречал их с Мишенькой из роддома, того, как гордился он своим первенцем... И той любви, согласия, что сопутствовали молодой семье, ей тоже не забыть... Это было время покоя и нежности, желания любить и отдавать эту любовь без остатка сначала любимому мужу, потом сыну...

Как могла, как умела поддерживала тогда Кира во всем мужа, заботилась об уюте и тепле домашнего очага. А вскоре дружная семья отметила пополнение, — родился второй ребенок, — и снова не было предела семейному счастью. Все у них ладилось, все получалось. Бизнес мужа, связанный со строительством, процветал, и это позволяло без проблем решать многие бытовые проблемы. Сначала появился автомобиль, затем — собственное жилье, которое Кира с удовольствием обустроивала.

Отлаженный быт и безоблачная нирвана оборвались совсем внезапно — муж как-то буднично и просто сообщил Кире, что полюбил другую женщину и уходит от нее...

До сих пор Кира испытывала стыд за то, что долго еще после этого пыталась сохранить семью, унижаясь перед мужем, заклиная того одуматься ради детей и ради их большой любви. Долго еще, очень долго мучительно длившимися бессонными ночами она ждала, что вот-вот звякнет ключ в замочной скважине, раздастся негромкий голос мужа в прихожей, а потом он неслышно зайдет в спальню, опустится к ее ногам и попросит у нее прощения...

Однако ничего подобного она так и не дождалась, хеппи-энда не произошло. Единственная опора и надежда их семьи, муж, и не думал возвращаться. Эффектная секретарша-блондинка так вскружила голову скромному дотеле трудяге, что легко увела владельца прибыльной компании в империю лихой гульбы и светского шика.

Кира вот уже несколько лет работала парикмахером-стилистом в модном женском салоне. Мастером она была превосходным и не просто умела сделать каждой клиентке особенную, ни с чем не сравнимую прическу или стрижку — исходившая от нее позитивная энергетика всегда наполняла какой-то легкой радостью и коллег, и многочисленных ее клиентов.

— Кирочка, прихожу только к одной тебе, и все потому, что твоя стрижка не украшает, она буквально окрыляет, — уже привыкла она слышать подобные комплименты в свой адрес.

Однако и на работе стали сказываться непрекращающиеся семейные неурядицы, которые надломили молодую женщину. В ней словно потух прежний свет. Все чаще и чаще стали раздаваться жалобы от наиболее привередливых женщин, а вскоре и заведующая салона стала выражать свое недовольство тем, как плохо теперь работает Кира.

— Ты нам скоро всех клиентов разгонишь, — ворчала та на Киру, пытаясь образумить сотрудницу, и увольнением грозила, и стыдила прилюдно, но на Киру это не действо-

вала. Задумчиво качая головой, Кира лишь слабо отмахивалась в ответ либо неуверенно оправдывалась, называя новым модным трендом неровно постриженную челку или передержанную химическую завивку.

Казалось, все свои силы эта обиженная женщина сейчас тратит на то, чтобы доказать окружающим, а главным образом — мужу, что сумеет справиться со всеми невзгодами в одиночку.

Она внимательно следила за тем, как учится сын, одевала дочь словно куклу, да и сама, нарядная и красиво причесанная, нередко появлялась с детьми в публичных местах: магазинах, кафе-мороженом. При этом всегда была весела, беззаботна, постоянно шутила и сама же первая начинала смеяться над собственными шутками. Но никаким, даже самым искусным притворством ей было не скрыть от самой себя, что жить с каждым днем становится только все тяжелее.

Обиднее всего было видеть, что собственного отца не тронула семейная драма дочери. Престарелый родитель все чаще тяжело вздыхал, и видеть это было ничуть не легче, чем слышать его горькие упреки в том, что Кира кругом сама виновата, сама упустила свое женское счастье — сначала донельзя муж разбаловал, затем сама не очень-то о нем заботилась, коли вот так ушел...

В ответ на отцовские нравоучения Кира вежливо молчала, а по ночам давала волю слезам, беззвучно рыдая зарывшись с головой в подушку.

Но однажды бывший супруг все же заявился к ним домой. У Киры бешено заколотилось сердце, она уже готова была сделать шаг ему навстречу, но, встретив угрюмый взгляд мужа, сразу поняла, что не мириться пришел он, и приготовилась к дурным вестям.

— Чего-то забыл? — взяв себя в руки, как можно спокойнее спросила Кира.

Но тот ответил не сразу — рассеянно прижимая к груди ликующих детей, бывший муж внимательно, будто видел в первый раз, оглядывал их жилище, а потом вдруг забормотал, не глядя ей в глаза:

— Понимаешь, проблемы у меня с бизнесом. Фирму закрыли... Все продал, чтобы расплатиться с долгами. Сейчас вот живем на съемной квартире...

И, не давая прийти в себя изумленной Кире, зло выпалил:

— Поэтому, давай разберемся по-человечески. Поделим поровну все нажитое...

— Что?! Да как ты посмел?! От алиментов отказалась, позор переживаю одна, дети будто сироты, родня издевается, и ты еще осмелился делить имущество?! Какая же ты сволочь после этого!

— Если не хочешь по-хорошему, подам в суд, пусть там нас рассудят, — бросил со злостью муж и, уходя, громко хлопнул дверью.

— Ты еще пожалеешь, — только и крикнула вдогонку несчастная женщина и, подавляя рыдания, опустилась на пол.

А через несколько дней пришла повестка в суд. Вопрос о разделе имущества был решен не в ее пользу. Четырехкомнатную квартиру было предписано либо разменять, либо выплатить часть ее стоимости бывшему мужу.

— Что же вы делаете, — хотела было возмутиться Кира, но, увидев довольные лица бывшего мужа и его новой пассии, наспех набросила пальто и выбежала из зала суда — боялась, что не выдержит и разрыдается прямо у них на глазах.

Зеркало: ниточка из прошлого

Покупателей на квартиру муж нашел быстро. Сообщив об этом Кире, он, глядя почему-то не на нее, а на сопровождавшую его подругу, заикаясь добавил:

— Теперь, давай поделим пополам еще имущество. Согласись — совместно все наживали...

— Что?! Что ты сказал? Прохрипела от возмущения Кира и опрометью кинулась в подсобку за топором.

— Вот тебе половина телевизора! Вот тебе половина мебели! Вот тебе половина кресла! Крича неистово Кира рубила их пополам наотмашь. Не помня себя от злости, отчаяния и обиды, Кира стала крушить все, что попадет под руку.

От неожиданности муж с подругой сначала застыли, затем испуганно попятнулись к двери и высочили из квартиры.

А Кира продолжала махать топором даже после их ухода. Она слышала, как испуганно плачут сын и дочь, как прибежавшая на шум соседка что-то кричит ей, но не могла остановиться и продолжала ломать все подряд. И только когда топор уже завис над небольшим зеркалом, которое было частью ее приданого, Кира внезапно застыла.

Увидев в отражении обезображенное болью и гневом свое лицо, она бессильно опустила топор, прижалась к холодному зеркалу лбом и тихо заплакала. Почему-то внезапно припомнились ей далекие минуты счастья. И как улыбалась ее покойная свекровь, взяв по традиции зеркало, и как, по-матерински расцеловав Киру, объявила ее хозяйкой дома. Вспомнила сваренный свекровью вместо нее, молодой жены, утром после свадьбы традиционный паб — кашу из риса. Как нарочито нахваливала на все ладыстряпню и саму невестку перед родней. Будто знала тогда, что надо успеть порадоваться счастьемолодых, что совсем немного осталось ей жить на этом свете...

— Мама, мамочка, простите меня, — уже в голос разревелась Кира и опустилась на чудом уцелевший стул. Взяв дрожащими руками нехитрую семейную реликвию, бережно протерла ее тусклую поверхность рукавом свитера. — Это не я виновата, — глотая слезы, оправдывалась будто перед

живой свекровью Кира, взглядываясь в свое отражение. — Это Гера, ваш сын. А я — любила его, и не виновата ни в чем.

Слезы капали на зеркало, мутные крохотные лужицы растекались на матовой поверхности, искажая заплаканное лицо глядевшей в него молодой женщины.

К свекрови она сразу прикипела всем сердцем, полюбив как родную. Свою маму Кира помнила плохо, та умерла сразу после рождения сестренки.

— А может, и не он виноват, а я? — вдруг засомневалась Кира. — Может, и прав был отец, что сама я во всем виновата. Может, не надо было мне ворчать на него, когда поздно с работы приходил, укорять, что по хозяйству мало помогает, загружать его домашними делами... Хотя что теперь говорить...

Помолчав немного, Кира мотнула головой и решительно подняла зеркало над головой:

— Прощай, прошлое, прощай навсегда! — и собралась было с размаху ударить им об пол, чтобы разорвать наконец последнюю нить с прошлым, как вдруг соседка ухватила ее за руку и с силой вырвала зеркало:

— Одумайся! Ведь осколки могут поранить детей!

Придя в себя, женщина словно очнулась от тяжелого кошмара, с недоумением оглядывая и разбитую мебель, и насмерть перепуганных детей.

С чистого листа

После раздела квартиры Кира с детьми въехала в совершенно пустую столичную «двушку», прихватив с собой из прошлого одно только зеркало.

— Ничего, куплю все новое: мебель, технику. Еще заживем, — глядя в зеркало, будто заклинание произносила Кира, беззвучно плача.

Новую жизнь — без мужа, родных, друзей, бывших коллег — можно было назвать разве что очередной пустотой.

Она старалась забыть, надеясь, что тем самым сумеет заново обрести другую и, конечно же, более счастливую жизнь.

— А нельзя ли быстрее, — голос нетерпеливо заторопившей клиентки вернул в реальность. — Я сегодня вечером улетаю, еще много дел.

— Плохая примета — стричься перед дорогой, — цинично обронила в ответ Кира, заканчивая укладку волос.

Однако, нисколько не обидевшись на замечание мастера, клиентка объявила, что не верит в приметы и, рассчитавшись, торопливо вышла из салона.

— В Корею летит... Гастарбайтерша, — хмыкнула ей вслед соседка-парикмахерша, прибирая на своем рабочем месте.

— Это в каком смысле в Корею летит? — удивилась Кира и вслед за коллегой прикурила сигаретку. К курению она пристрастилась, чтобы не выглядеть белой вороной. Поддельствовали и увещевания соратниц по цеху, мол, устаешь с клиентами, разнервничаешься, а как закуришь — нервы лучше любого лекарства успокоит.

А Кире держать себя в руках было еще ой как нужно: в душе не переставала кровоточить никак не затягивавшаяся рана.

— На работу, какой еще смысл туда лететь. Говорят, платят там неплохо. Вот мы, например, почти каждый день пашем, а в месяц даже двести долларов не поднимаем. А там аж по полторы тысячи в месяц получают, — не скрывая откровенной зависти, ответила сослуживица и с досадой смахнула пепел с сигареты.

— Неужели полторы тысячи долларов?! — ахнув, только и переспросила Кира и, машинально затушив сигарету,

с надеждой спросила. — Интересно, а как туда попасть?

— Через министерство труда, говорят, не только корейцы, а и любой желающий может выехать. Главное — здесь все правильно оформить — и добавила, — сама вот все думаю, может, и мне туда махнуть?

До конца рабочего дня у Киры не выходила из головы мысль о работе в Корее. Вернувшись домой, она первым делом позвонила сестренке. После долгой разлуки та сначала было расчувствовалась, но Кира в ответ только попросила рассказать все, что та знает о трудоустройстве по контракту в Корее. Кира знала у кого спрашивать — ее сестренка всегда была в курсе всех событий, любила интересоваться любыми новшествами, даже интересовалась новыми указами и законами, поэтому родственники и называли ее в шутку «семейным консультантом».

Ничуть не обидевшись на деловой настрой сестры, она подробно поделилась с ней всем, что было ей известно о заработках в Корее и объяснила Кире, что необходимо сделать в первую очередь.

Не прошло и месяца, как Кира уже была на исторической родине. Попасть в вожделенную страну мечты и высоких заработков у нее получилось на удивление легко и просто. Быстро собрала необходимые документы, справки, уволилась с работы, затем договорилась с сестренкой, чтобы та на время контракта позаботилась о ее детях.

Вот только прощание оказалось невыносимо тяжелым и долгим. Не было сил видеть махавших ей вслед ручонками детей и слышать их плач. Сердце разрывалось от детских слез. Почти до самого трапа самолета она еле сдерживала себя, чтобы, бросив все, не побежать обратно, прижать деток крепко-крепко к груди и — никогда, ни на минуту уже больше не расставаться...

Две головы — лучше?

В Корею Кира вскоре познакомилась с очень похожей на корейнку миловидной девушкой. Но та, к ее немалому удивлению, оказалась киргизкой. Мирим была ее напарницей, с которой они вместе работали на заводе по изготовлению рамена: корейской лапши быстрого приготовления.

В недалеком прошлом Мирим была титулованной гимнасткой, своими победами прославлявшей родину на самых громких турнирах и состязаниях до тех пор, пока золотой дождь наград не прервала травма лодыжки, разом оборвавшая головокружительную спортивную карьеру.

Найти другую работу или пойти учиться на кого-либо и получить специальность у нее не вышло. Тоска по спортзалу, по любимой гимнастике, которой она занималась с пяти лет, не давала покоя. Поначалу Мирим пробовала заняться тренерской работой, успешно занялась шейпингом, позже удачно вышла замуж за бывшего спортсмена. Однако детей у них не было, и через пять лет муж бросил ее ради молодой девушки. И только мечта о тренажерном частном зале, в котором и шейпингом можно заняться, и спортивными танцами, да и просто держать себя в форме, удержала от отчаянного падения в беспробудное пьянство, привела ее на заработки в Корею. Делясь воспоминаниями о своей несчастливой судьбе, предательстве мужа, Мирим нашла в Кире родственную душу. Вскоре заводские соратницы стали близкими подругами.

К их немалому разочарованию, зарплата оказалась совсем невысокой: около девятисот долларов в месяц. Это при том, что на работе им приходилось практически сутками быть на ногах.

Половина зарплаты уходила на текущие расходы: сезонную одежду, необходимую бытовую мелочь. Неу-

дивительно, что от скромного их заработка оставались жалкие гроши.

— А давай — сбежим, — предложила однажды Мирим. — Здесь, на заводе мы ничего не накопим. Да и этот долбаный конвейер меня скоро угробит: ни в туалет сбежать, ни присесть отдохнуть.

— Ты забыла про неустойку: поймают, вычтут и выдворят, — отрезала Кира, хотя в глубине души сама подумывала о том же.

— Землячка сбежала, а сейчас в мотеле работает, попробуй найди ее среди гостей, — со смехом возразила Мирим. — Она даже хвасталась, что сама себе хозяйка и условия у нее царские: выделили одну из комнат, целый день работает в тепле, даже прилечь может отдохнуть. Не то, что мы, пашем как роботы.

Вскоре, получив зарплату, подруги ночью выскользнули из общежития и на такси к полуночи добрались до Сеула к подруге Мирим. Та еще не спала, поскольку у нее была ночная смена. Приютив беглянок у себя в комнате, снова ушла работать.

Утром подруг разбудил внезапный переполох и крики землячки Мирим. Соскочив с постели, девушки успели спрятаться в ванной комнате, где в страхе пережидали, пока она заберет вещи и уйдет с полицейскими. Из доносившихся окриков полицейских и хозяина мотеля они кое-как поняли, что землячка умудрилась стащить что-то ценное у одного из клиентов мотеля, который фактически поймал ее за руку. Когда все затихло, озираясь, девушки выскочили из мотеля и бросились наутек...

Сняв номер в близлежащей гостинице, подруги стали искать подходящую работу и вскоре устроились в огромном отеле.

К их немалому удивлению, узнав об их побеге, директор

с пониманием отнесся к сложившейся ситуации. «Надеюсь, — сказал он им с улыбкой, — вас здесь не найдут. Так что будем заключать договор на год».

Радости подруг не было предела: зарплата была вдвое больше бывшей, поэтому к работе они приступили с великим воодушевлением и энтузиазмом.

Однако уже к вечеру первого дня, устав от бесконечной беготни по номерам, где без перерывов занимались бесконечной уборкой, девушки грустно ужинали в столовой. Более всего в тот момент они боялись признаться, что новая работа на самом деле оказалась куда тяжелее прежней. Но поскольку другого выхода, кроме как отработать здесь весь год, уже у них не было, стали успокаивать себя наличием «крыши» — прикрытия и сносным заработком.

Отель был семиэтажным, но четвертого этажа, к их удивлению, здесь не оказалось: после третьего сразу шел пятый. Узнав, что это связано с суеверием местных корейцев и их твердым убеждением, что цифра 4 приносит неудачу, девушки весело посмеялись над этим, порадовавшись при этом, что обслуживать им придется на этаж меньше.

Но работать им все равно приходилось буквально на износ. С трудом приспособивались они к напряженному графику, стараясь так распределять обязанности, чтобы выкраивать время на небольшие перерывы, сокращая таким образом рабочие часы.

Например, не успев зайти в номер, девушки уже автоматически включали в ванной комнате горячую воду, после чего, расплескав немного дезинфицирующего средства и застелив постель, расставляли все принадлежности, протирали насухо кафель и зеркала, придавая этим видимую чистоту.

Рабочий график здесь был таким же, как и на заводе — те же двенадцать часов, только работать приходилось с полудня до полуночи.

После смены, приняв душ и немного поев, девушки буквально валились с ног от усталости и засыпали как убитые.

Раннее утро начиналось с погрузки на этажи тяжелых баулов с чистыми полотенцами и постельным бельем. Грязные же они после смены загружали в машину, на которой их отвозили в химчистку. Кроме того, в их обязанности входило выносить огромные мешки с мусором, распределять его по отдельным бакам — стеклотару отдельно, бумагу — отдельно, отходы от продуктов — отдельно...

— Какие же они умные, южные корейцы, — частенько восхищенно удивлялась, немного поворчав перед этим, Мирим. — И все-то у них по полочкам, и все до винтика на своих местах. Видимо, потому-то Корея — одна из самых развитых стран в мире.

Выходной давали им исправно, по понедельникам. Принарядившись, подруги прогуливались по местному парку. А еще после шопинга по недорогим магазинчикам они были не прочь полакомиться чем-нибудь вкусным в уютных кафе. В такие минуты им казалось, что растроченная на такой адский труд их жизненная энергия постепенно восполняется...

Зато уже со вторника работы было хоть отбавляй, поскольку в этот день в гостинице никто не убирался, и потому ощущение отдыха после выходных улетучивалось уже задолго до обеда.

Спина, ноги, руки беспрестанно ныли днем и ночью. Пошатываясь от усталости, будто пьяные, они машинально переходили с этажа на этаж, «на автопилоте» убирая нескончаемый ряд бесчисленных гостиничных номеров.

Удар в спину

Однажды в обеденный перерыв, улучив свободную минутку, Мирым выскочила за гамбургером в соседнее кафе. Случайный полицейский, оказавшийся в одной очереди за бутербродами с Мирым «вычислил» ее по акценту и попросил предъявить документы. Их у Мирым не было, и тот попросил девушку следовать за ним в полицейский участок. Там Мирым честно созналась в побеге, не забыв при этом озвучить... и имя близкой подруги, и отель, в котором они вдвоем работали.

Не прошло и часа, как Киру во время ее смены в отеле арестовала полиция. Откупившись залогом и обещанием выполнить их условие незамедлительно покинуть страну, гастарбайтерши направились в авиакасса за билетами. По дороге забежали в отель за нехитрыми пожитками и расчетом.

Но директор обещанного расчета им не дал. Как оказалось, его тоже оштрафовали, причем аж на пять миллионов вон, и зарплатой работниц он частично погасил убытки.

Объяснив это растерянным девушкам, он вдруг обратился к Кире, неожиданно добавив:

— Скажи спасибо подруге: это она нас выдала.

Кира сначала, не поверив боссу, начала возмущаться, но вовремя остановилась: а действительно, почему ее так быстро нашли? Значит, кто-то попросту ее выдал. А кто? Конечно, Мирым.

— Предательница! Ты всех нас подставила! И хозяина оштрафовали из-за тебя, это удар в спину, — набросилась Кира с негодованием на Мирым, на что та, равнодушно пожав плечами, ответила со злобной ухмылкой:

— А ты как хотела? Чтобы меня вернули домой, а ты отработала здесь год?! А ведь без меня ты нешла бы этого отеля, так бы и хрячила у конвейера.

Кира до того растерялась, что не успела ничего сказать в ответ. А Мирим и не ждала его — повернувшись к подруге спиной, неторопливо вышла из мотеля и скоро скрылась за поворотом, оставив Киру одну.

Понять — простить

Злясь на Мирим, ошеломленная таким поворотом событий, Кира как во сне плелась по тротуару и нервно дергала за ручку чемодан, когда тот колесиками застревал между аккуратно уложенными плитками. Невеселые мысли не давали ей покоя. Ну, почему, почему ее все так легко предадут, что она делает в этой жизни не так, если заслужила такое к себе отношение? Чего ей еще ждать от тех, кому она так доверяет, и каким будет следующее предательство?

— Не хочу никого больше видеть, все — в прошлом, — думала она, подходя к авиакассе. — Значит, не судьба мне работать в Корее, пора и домой возвращаться.

Она уже направилась к одному из окошек кассы, когда перед ней неожиданно, будто выросла из-под земли, возникла Мирим. Кира уже хотела обойти ее и пойти дальше, но девушка быстро схватила ее за рукав и решительно потянула от двери, на ходу совсем для Киры неожиданно бодро предложив:

— Кирка, давай опять сбежим!

— Да ты в своем уме?! Видеть тебя не могу... Из-за тебя все свои накопления оставила в полиции, домой без копейки возвращаюсь. Как я детям в глаза смотреть буду? — Кира от возмущения чуть ли не кричала, но Мирим молча смотрела куда-то в сторону, будто не ей предназначались укоры.

— Прекрати истерить и послушай! — наконец произнесла она, обрывая Киру и совсем не обращая внимания на

ее реакцию. — Я недавно узнала, но не успела тебе рассказать. Есть здесь неподалеку одна подработка — клубнику собирать. Платят вообще отлично, а еще — ночлег и еда бесплатно. В общем, за полторы-две недели наберит больше, чем за месяц в долбаном отеле... Поехали, времени нет!

В ответ Кира только со злостью посмотрела Мирим в глаза и, молча высвободив свою руку, вошла обратно в здание. Она уже отсчитала деньги за билет и хотела протянуть их кассиру, когда снова услышала знакомый голос. Обернувшись, Кира открыла было рот, чтобы послать бывшую подругу куда подальше, но та опять не дала ей и слова сказать.

— Ну ты чего медлишь, ёлы-палы? — как ни в чем не бывало, тараторила Мирим. — Автобус уже через десять минут отъезжает, хватай вещи и — вперед! Ты со мной?

И, чуть помолчав, опять потянула Киру за рукав:

— Прости меня, ну, пожалуйста, прости, — сказала она тихо и с такой мольбой глянула Кире в глаза, что та невольно отступила от окошка.

— Так вы будете брать билет? — недовольным голосом строго спросила кассир, но Кира уже отошла от кассы и в недоумении смотрела на Мирим — что еще та собирается сказать?

Конечно же, уезжать вот так, не заработав ничего, Кире не хотелось. Но обида все еще не отпускала ее, поэтому она не торопилась отвечать на предложение Мирим. Хотя... Что ее ждет в родном городе? Она даже подарков детям не сумела купить, а обещала им чуть ли не золотые горы. Да и сестренке вряд ли понравится, если Кира вернется ни с чем. А как встретит ее отец, которого она так мечтает подлечить на курорте?

Кира еще колебалась, не зная, как поступить, и растерянно оглядывалась по сторонам, но к окошку кассы уже

не торопилась.

— Знаешь, давай пусть судьба сама за нас все решит, — вдруг предложила она Мирим, вспомнив, как в подобных затруднительных случаях, если заходил спор, они с мужем кидали монетку. Обычно она загадывала орла, а муж — решку. — Кинем монетку. Если выпадет орел, то поеду, — пообещала Кира и, достав монету, подкинула ее вверх, а затем молниеносно поймала. Разжав ладонь, увидела монету орлом вверх.

— Ур-рра! — так радостно завизжала Мирим, что и Кира невольно заулыбалась. Но, спохватившись, тут же заявила как можно строже:

— Так тому и быть: поехали. Но смотри, чтобы больше никаких сюрпризов!

Забрав со стойки паспорт, она развернулась и пошла к остановке. Следом за ней торопливо вышагивала Мирим, радуясь, что все так хорошо у них закончилось.

Автобуса они прождали без малого четыре часа, так как на предыдущий рейс все-таки опоздали. Зато Кира за это время успела высказать Мирим все, что о ней думает, обвиняя в том, что из-за нее у Киры нарушен трудовой контракт, что денег потеряли так много, что верить Мирим теперь нельзя... Та, виновато улыбаясь, уверяла подругу, что никогда бы ее не бросила, что план очередного побега у нее родился еще в полиции, что теперь у них получится зарабатывать больше.

Они то сердились, то смеялись, то говорили, перебивая друг друга. Выговорившись и наплакавшись, обе наконец вздохнули с облегчением и рассмеялись — тяжкий груз обиды камнем упал с души.

Любую ошибку можно простить, — подумала, улыбаясь, Кира. — А уж на чужбине, за тысячу километров от родных семей, — и подавно.

Дольче вита: «сладкая» жизнь

— Собирать аккуратно, друг с другом не разговаривать, — монотонно и в который уже раз объяснял условия работы бригадир Алексей Кан, который тоже прибыл в Корею по трудовому контракту. Уже после полугода работы старательного и исполнительного трудягу повысили до бригадира над русскоязычными работниками.

— Леха, мы здесь по договору, но с завода сбежали, нас полиция ищет, — призналась ему полупшепотом Мирим.

— Мда-а... Работнички еще те, с историей, — только и покачал укоризненно головой Алексей. — Ну, да ладно, спасибо хоть, что предупредили. Зато буду знать и, если что — помогу, — и снова указал им на аккуратные клубничные грядки.

Сидя на корточках, девушки с рассвета исправно собирали картинно красивую ягоду, а неудачно оторванную незаметно от хозяина парника съедали.

Но тот только добродушно улыбался, видя, с каким аппетитом наворачивают новенькие работницы деликатес:

— Вкусно? — незаметно подкравшись, напугал он девушек и только довольно рассмеялся при виде их чумазых физиономий, когда они, — словно китайские болванчики, согласно закивали в ответ, выдав себя с головой.

Аккуратно уложенную в небольшие контейнеры клубнику передавали местным женщинам, после чего те красиво, ягодка к ягодке, укладывали ее в небольшую мягкую тару, прикрепляя ярлык с весом и датой. Уже в этот же день тепличная клубника появлялась на полках супермаркетов и магазинов...

— Ну все, не могу больше, — с трудом поднялась Мирим, с трудом разгибая затекшую поясницу. Окликнув напарницу и громко охая, она вышла из душного парника.

В отличие от нее, несмотря на катившийся градом по

лицу и спине пот, совсем уже не чувствуя задеревеневшую спину и затекшие ноги, Кира продолжала с азартом работать. Довольно простое условие — чем больше соберешь, тем больше зарплата — стало лучшим стимулом для труда.

Остановилась Кира только к самому обеденному перерыву. Хотела было легко подняться на ноги, да не тут-то было. Даже разогнуться не смогла, только беспомощно хлопала себя по поясице. Неожиданно к ней на помощь пришел Алексей. Ни о чем не спрашивая, он стал без стеснения и с силой массажировать затекшую спину.

— Спасибо, Леш, даже неудобно, — поблагодарила просиявшая Кира и тут же смогла выпрямиться во весь рост.

После сытного обеда, наевшись досыта клубники, которой от души потчевали, работниц разморило. Сидя за столом, Кира уже было задремала, но тут раздался громкий окрик хозяина, поторапливающего всех в теплицу. Превозможная свинцовую тяжесть во всем теле, Кира вместе со всеми направилась к грядкам.

— А ну-ка, притормози! Повторяй за мной, делай как я, — Мирим остановила напарницу и, сделав несколько упражнений, велела ей в точности их повторить.

Со стороны, наверное, казалось, что Кира просто раздражает подругу, настолько смешны и нелепы были ее движения. Она неловко выполнила наклоны назад до упора, затем стала разгибать колени и запястья рук, и только после этого снова тяжело поплелась на свое рабочее место.

Мирим же, словно гимнастка на бревне, а не на дорожке между грядками, засемила с раскинутыми в стороны руками, после чего вдруг сделала сальто на месте.

— А-аап! — удержав равновесие, оглянувшись она с торжествующей улыбкой на рабочих. Те сначала от изумления и слова вымолвить не смогли, а потом, рассмеявшись громко ей зааплодировали.

Уже через пару минут, окончательно забыв былые обиды и весело переглядываясь, подруги наперегонки трудились в парнике. Вдобавок ко всему рабочему настрою способствовал тонкий и нежный аромат спелой клубники и пестревших всюду беленьких цветочков будущих ягод.

Так незаметно пролетели три месяца, после чего хозяин парника объявил, что часть работников, среди которых были и подруги, должна уйти — в их услугах он больше не нуждается.

— Куда теперь? — невесело спросила Кира, когда они сидели со всеми вместе за прощальным ужином. Мирим же, не разделяя ее настроения, с аппетитом уминала уже вторую порцию рисовой каши с овощами.

Подсевший к ним Алексей предложил продолжить работать в соседней теплице, где выращивали цветы. Однажды он уже приносил девушкам нежные бутоны нераскрывшихся тюльпанов.

— Как у нас в Киргизии, — заметила тогда Мирим, вспомнив бескрайние родные степи.

Однако сейчас предложение бригадира энтузиазма в ней не вызвало, более того, она решительно ему воспротивилась:

— Не хочу и не стану больше на плантации горбатиться. Лучше обратно в город, а то у вас в захолустье ничего интересного нет, а нам ведь и страну повидать хочется!

— Леш, меня только одно интересуют: нас там не поймут? — осторожно поинтересовалась Кира, не обращая внимания на протесты подруги.

— Хотя у нас и не мегаполис какой, — многозначительно парировал Алексей, покосившись в сторону Мирим, — и ничего интересного нет, зато полиции мы здесь ни разу не видели.

— Думаю, мне это подойдет, — обрадовалась Кира. Работа на земле в теплице пришлась ей по душе. Напоминала

о сельском родительском доме, где еще сызмальства стало привычным копошиться на грядках небольшого огородика. Любовно ухаживая за посадками, она вскоре получала щедрый урожай скромных овощей: перца, кукурузы, томатов. А уж возиться в тепличных условиях с удивительной красоты и вкуса ягодами и цветами было для нее и вовсе в радость. Прижимая ладони к теплой земле, Кира пыталась представить, как невидимые силы наполняют ее энергией созидания и радости.

«Все посеянное с душой и добром принесет щедрый урожай: землю не обманешь», — эту старинную крестьянскую истину Кира знала не понаслышке. И потому принималась за грядки всегда с удвоенным энтузиазмом. А еще ей были очень симпатичны люди, работавшие на земле. Она с большим уважением относилась к добродушнейшему хозяину парников. Удивлялась, что, несмотря на преклонный возраст, он продолжает трудиться не покладая рук: обеспечивает вкусной витаминной продукцией стольких людей в округе, а еще помогает обеспечить рабочими местами таких вот приезжих гастарбайтеров, как они с Мирим.

— Мне очень интересно выращивать цветы, я с большим удовольствием здесь останусь, — твердо решила она, несмотря на отчаянные протесты подруги.

На том и порешили. Мирим уехала в Сеул, в шутку пригрозив подруге, что постарается устроиться поближе и что никуда ей от нее не деться. Слова эти оказались пророческими.

Кире же предстояло освоить новые обязанности. Однако не успела она порадоваться тому, как хорошо у нее все стало получаться, как в один из дней к ней подбежал встревоженный чем-то Алексей:

— Полиция! — еще издали крикнул он. — Бежим!

Забежав в общежитие и кое-как побросав в сумки вещи, они заторопились к остановке и стали ждать автобус.

— Кто такие? Ваши документы, — скомандовал неизвестно откуда появившийся полицейский. Леша предъявил временный корейский паспорт, а она — отечественный.

— Ты можешь идти, — указал страж порядка женщине, — а ты — останься, — коротко бросил он, обращаясь к оцепеневшей Кире.

Через какое-то время она уже с ужасом рассматривала соседей в камере доследования, четко представляя себе все последствия задержания и всю тяжесть предстоящей ответственности. Наказания за нарушения миграционного законодательства никто не отменял, и оно ставило жирный крест и на дальнейшем пребывании в Корее, и на всем будущем ее и детей в целом. Но хуже всего было осознать свою беспомощность — ничего, совсем ничего не могла сделать Кира, чтобы хоть как-то себе помочь. Никто не узнает, что с ней произошло, не к кому обратиться и за поддержкой. Тем более, что телефон и все документы у нее изъяли сразу же, как только доставили в участок.

На ее просьбы разрешить позвонить никто в полицейском участке не отреагировал, а, может, просто сделали вид, что не поняли ее ломаного корейского.

— Теперь точно посадят за решетку и — надолго, — в отчаянии подумала Кира и горько зарыдала.

Услышав женский плач, раздраженный полицейский с силой ударил палкой о железные прутья камеры. Испугавшись, Кира только судорожно зажала рот обеими руками, но остановиться уже не могла. Приглушенные всхлипывания только усилились и вскоре перешли в протяжные завывания, когда внезапно полицейский выкликнул ее по имени и приказал следовать за ним. Уже у двери вернул паспорт, остальные вещи и молча выпустил из участка.

Кира никак не могла взять в толк, что произошло, пока не увидела Лешу. Поняв, что это он сумел решить ее про-

блему, бросилась к нему на шею, уже во весь голос разрыдавшись на его груди. И только после того, как она наплакалась вволю, он тихо объяснил:

— Это садян наш оставил за тебя залог и попросил освободить...

О возвращении обратно в цветник не могло быть и речи: после задержания Кире не то что работать, но даже находиться в деревне было опасно, а потому, распрощавшись, добрые товарищи-земляки расстались, долго махая друг другу вслед.

Кира заспешила к автобусам, Алексей же, срочно вызванный по телефону на работу — в сторону парников, крикнув напоследок:

— Не теряйся, ладно? И береги себя... Пожалуйста!

И снова — здравствуйте

В Сеуле Кира первым делом позвонила подруге, но ее телефон не отвечал.

— Может, тоже накрыли как нелегалов, — расстроилась она, представив, как Мирим препровождают обратно на родину.

Но бывшая чемпионка-спортсменка в это время преспокойно работала на строительном объекте, куда полиция не наведывалась, видимо, оттого, что рабочих рук постоянно не хватало.

Завершив работы на очередном этаже головокружительной высоты, Мирим лихо перебиралась на другой, успевая весело перекликаться с земляками, с которыми работала наравне и плечом к плечу.

Ближе к вечеру Кира вновь позвонила подруге. Та наконец взяла трубку — в это время она ужинала с коллегами в ресторанчике.

Услышав знакомый голос, радостно затараторила:

— Ну что твои тюльпаны? — и дурашливо запела известный хит 90-х, на киргизском вперемежку с русским языком:

— Желтые тюльпаны — вестники разлуки... Кы-ы-зыл тюльпаны — ла-ла-ла-ла-лай!

Однако, узнав о случившемся и очередном вынужденном бегстве, моментально переменяла тон и сразу же предложила Кире поработать с ней на стройке.

Вскоре, как она и предсказывала, они снова трудились плечом к плечу...

Незаметно пролетело полгода. Девушки продолжали наравне с мужчинами вкалывать на стройке. Привыкнув к головокружительной высоте, Кира уже не жмурилась, когда смотрела вниз с верхних этажей. А подруга и вовсе подзадоривала ее: встав на цыпочки на самом краю строительной площадки, раскинув широко руки, она во весь голос радостно кричала:

— Эхе-хеей, высоко-ооо! Как же здорово — свежий воздух: это тебе не в навозе копать! Сама-то я провела детство в горном селе у бабушки с дедушкой. Ох, и налезала по горам, — в который раз объясняла она свой восторг Кире. И, снова раскинув руки, уже подражая героине чеховской «Чайки», нараспев декламировала:

— И почему люди не летают?!!

Ни Кира, ни Мирим совсем не переживали из-за того, что обе загорели до черноты, что кожа обветрилась и огрубела, а руки были покрыты цыпками. Поначалу они пытались бороться со всем этим при помощи дорогого крема, но убедившись, что и он абсолютно здесь бессилён, махнули рукой. В придачу ко всему не сходивший с их лиц яркий румянец, словно издеваясь, подчеркивал множество появившихся от постоянного нахождения на ветру мелких морщинок.

— Красота — она в душе, или когда много денег, — посмеивались они сами над собой и старались не унывать.

Однако сумасшедшие нагрузки давали о себе знать. Обе все чаще чувствовали, как накапливается в них усталость, мешая работать в полную силу. Как-то раз Мирим зацепилась ногой за арматуру и неудачно упала. Застонав от боли, схватилась за лодыжку — та буквально горела.

Пришлось Кире везти подругу в госпиталь. По дороге Кира старалась успокоить Мирим и сама очень надеялась на то, что ничего страшного не произошло. Однако рентген четко показал серьезный перелом, и больную госпитализировали. А поскольку работали они на стройке неофициально, страховки никакой не полагалось, так что пришлось оплачивать лечение полностью. Пришлось подругам выложить за него почти все свои сбережения...

— Я верну! Честное слово, — расчувствовавшись, бормотала Мирим.

— Нормально все. Ты, главное, выздоравливай, — подбодрила ее Кира.

Ей пришлось взять на себя обязанности сиделки — не позволяя подруге вставать и передвигаться с загипсованной ногой, она готовила еду, следила, чтобы Мирим вовремя принимала лекарства, бережно поддерживая за плечи, провожала до туалета и обратно, занималась стиркой.

Времени до отъезда оставалось совсем немного, и подруги переживали, что их могут не выпустить из Кореи или, что еще хуже, посадят в тюрьму за нарушение условий контракта...

В аэропорт они приехали пораньше, обе заметно нервничали. Первой к стойке регистрации билетов, подпрыгивая на одной ноге, подошла Мирим.

Служащий поинтересовался состоянием ее здоровья, на что она жалостливо посетовала, что повредила ногу на стройке. Сочувственно покачав головой, сотрудник воздушной гавани быстро заглянул в паспорт и пропустил бедняжку.

— Домой, — спокойно ответила Кира, когда он и ее спросил о цели вылета.

Но что-то, видимо, смутило служащего. Он стал внимательно изучать ее данные в компьютере, затем, насторожившись, позвонил кому-то.

У Киры захватило дух от страха. Через пару минут ее попросили пройти в служебный офис. Переглянувшись с подругой, Мирим хотела было направиться к ней и уже приготовилась запрыгать в ее сторону, как Кира, взмахнув рукой, дала отбой, показывая жестами, что все нормально, и скрылась за дверью офиса.

— Вы не заплатили штраф за нарушение миграционных правил, — сухо объявил старший по званию сотрудник. Однако, увидев, как исказилось от панического ужаса и отчаяния лицо Киры, терпеливо стал разъяснять, — Если сейчас оплатите штраф, все будет в порядке, и вы сможете спокойно вылететь на родину, и потом, если в этом будет необходимость, вернуться обратно.

— Сколько? — с волнением в голосе спросила Кира.

— Миллион вон, в долларах — одна тысяча.

Облегченно вздохнув и не скрывая радости, Кира тут же оплатила штраф и торопливо выскочила из офиса.

— Миллион вон... С одной стороны — легко отделалась, с другой — скопила не так много, да и те сбережения в основном пошли на лечение Мирим, — спокойно стала размышлять Кира и внезапно подумала, — А что, если опять сбежать?

Позвонив сестренке, она с радостью узнала, что дома все хорошо. Благодаря денежным переводам, что Кира делала регулярно, и ее посылкам дети и отец ни в чем не нуждались. Дети стали хорошо учиться в новой школе, чему способствовали занятия с нанятыми репетиторами.

— Так тому и быть, — задумчиво произнесла вслух Кира

и попросила позвать к телефону детей. Наговорившись с ними вдоволь, пообещала много-много подарков и настоящий вояж на море, когда вернется, отчего дети охотно согласились подождать мать еще немного.

Успокоив домашних, но более всего — себя, Кира резко развернулась к выходу. И только здесь, внезапно вспомнив о Мирим, позвонила ей и сообщила, что остается в Корее.

Негодование Мирим не было предела. Еще недавно она сама предлагала Кире остаться в Корее на время, чтобы подкопить больше денег, но та наотрез отказалась.

— Ты давай лечись сначала, бриллиантовая нога, — пошутила Кира, — подлечишься — приезжай! Вместе мы — сила!

Призраки прошлого

После долгих и безуспешных скитаний в поисках более-менее приличного заработка Кира остановилась на ночлег в небольшом мотеле. На следующее утро, собираясь сдать номер, вдруг случайно услышала разговор хозяина гостиницы с супругой. Научившись к этому времени достаточно сносно понимать корейский язык, она поняла, что здесь срочно требуется уборщица и без колебаний направилась на переговоры с директором. И вскоре уже вовсю занималась уборкой номеров.

Хотя уборкой в мотеле занималась только она одна, все же, зная досконально по прежнему опыту все тонкости работы, к великой радости владельцев, без труда справлялась с обязанностями сразу нескольких сотрудников.

Все шло по привычному графику: работа — комната — работа. Вскоре, подобно тому, как к озерцу ручейками сбегает вода, стали накапливаться заработанные деньги. Место, где был расположен отель, было самым живописным: куда ни кинешь взор, всюду — потрясающие по кра-

соте природные пейзажи, а выделенная для ее проживания комфортабельная комнатка оказалась на удивление теплой и уютной, с современной мебелью и техникой, настоящий люкс. Можно было не беспокоиться и о питании, ведь так полюбившиеся ей блюда южнокорейской кухни, доступные по цене, в изобилии предоставлялись в любом близлежащем ресторанчике. Одним словом, живи — не горюй, да вот только ностальгия по дому и острая тоска по детям все больше и больше изводили ее.

Началось с бессонных ночей, когда она, лежа с открытыми глазами в своей уютной постели, пыталась представить себе, что сейчас делает сын или дочь, хорошо ли поели перед тем, как отправиться в школу, не трудно ли им там без нее. Потом такие мысли стали приходиться и днем, и тогда у Киры буквально опускались руки от собственного бессилия и желания как можно скорее вернуться домой.

Все чаще стала она звонить домой, спрашивая родных о самых разных мелочах.

— Как там папа, пьет ли на ночь таблетки? Папуль, вы только держитесь... Как детки, успевают ли в школе, не слишком ли много времени проводят за телевизором? Не болеют ли? Может, сестренка Лиля чего-то недоговаривает? Сама-то уже невеста, чай, свадьба не за горами, видно настала пора позаботиться о ее приданом...

Порой ей казалось, что она оказалась в каком-то вневременном бункере, и вся прошлая жизнь — дети, дом — только привиделась ей во сне. Как в замедленной съемке, одиноко текли в фантастическом измерении дни, и только телефонные разговоры с виртуальными приятелями напоминали и возвращали ее в реальность.

— А-аа, ты мне свидание назначаешь? — кокетничала, забавляясь, Кира по мобильнику, одновременно старательно наводя порядок в номере мотеля. — И где, говоришь,

встретимся? Нет, завтра не могу, и послезавтра, и после — послезавтра, и вообще на этой неделе не получится, сорри, — торжественно отваживала она незнакомца, любуясь собой в зеркалах.

Ее разговор внезапно прервал хозяин мотеля. Укорив, что она снова курит, да еще висит на телефоне, так что не дозвонишься, стал ворчать, что из-за этого ему пришлось подниматься на второй этаж.

В ответ Кира, подняв зажатую руку в кулак, только громко прокричала:

— Буду работать изо всех сил!

Но когда, еле сдерживая улыбку, хозяин удалился, натужная веселость сменилась тревогой. В последнее время ей все чаще доводилось слышать, что поток приезжих гастарбайтеров растет с каждым днем, а потому рабочих мест становилось все меньше, и найти приличную работу становится все трудней.

И, уже не на шутку разволновавшись, Кира без всяких перекуров и понуканий исправно доработала смену и лишь только тогда позволила себе ответить на звонок.

— Привет-привет, а ты все пашешь, — услышала она родной голос подруги.

— А как иначе? Вот снова в гостинице пристроилась. Сама знаешь, хоть и здесь пахота, зато деньги копятя! Ты-то сама как? — обрадовалась Кира.

— Собираюсь на днях в Корею! Диктуй-ка быстрее адрес, но лучше скинь мне всю информацию на почту, и — пока! А то у меня деньги уже на теле,.. — стремительную скороговорку прервал короткий гудок.

— Деньги на телефоне закончились, — договорила за нее Кира, радуясь предстоящей встрече со своей непутевой и взбалмошной подругой.

Неожиданно позвонил хозяин мотеля и попросил занести

несколько подушек и одеял в соседний номер: мол, командировочные приехали на три дня, и недовольно проворчал:

— Расчетливые: взяли только один номер на четверых.

Прихватив одной рукой стопку пледов, а другой — подушки, Кира постучала в дверь ногой.

Из-за груды одеял и подушек она не увидела, кто ей отворил дверь, поэтому, не поздоровавшись, прошла в номер и сложила все на кровать. Мельком взглянув на постояльцев, Кира лишь кивнула головой вместо приветствия и повернулась к выходу, чтобы уйти, как вдруг застыла на месте.

Перед ней стоял бывший муж...

— Кира, ты? — изумился Герман.

— Нет, не я, — отрезала Кира и направилась к двери. Герман схватил ее за руку и спросил:

— Работаешь здесь? Как давно?

Киру будто током ударило, она отдернула руку и вскрикнула:

Говорю же, я — это не я! И ты — это не ты. Ты для меня давно умер!!! Уже справила по тебе веселую панихиду!

Дня три после этой неожиданной встречи Кира с остервенением работала, почти не выпуская изо рта сигарету и впервые за все время вдруг огрызнулась в ответ на замечание хозяина, который никак не мог взять в толк, какая это муха укусила доселе исправно и безропотно трудившуюся работницу.

Вечерами же, пытаясь избавиться от нахлынувших воспоминаний, она нарочито громко кокетничала по телефону с незнакомцем.

— Кир, ну давай поговорим, — умолял стоящий за ее дверью Герман. — Пожалуйста, сообщи своей домашний номер телефона, с детьми хочу поговорить... Соскучился, сил нет.

— А-аа, только теперь про детей вспомнил, предатель! Да

вот только ты давно им не отец. Перестал им быть, когда променял нас на короткую юбку, — злобно выкрикнула Кира из-за двери и включила на всю громкость телевизор.

Через три дня командировочные уехали.

Делая уборку в их номере, Кира нашла на столе записку от Германа.

«Прости, — писал он. — Я потерял и вас, и себя. Любил, люблю и буду любить тебя одну. Вечно твой, Гера».

Медленно опустившись в кресло, она снова и снова читала короткую записку. Ее взгляд потерянно, будто в попытке найти автора послания, блуждал по опустевшему и вмиг осиротевшему номеру.

Кира рассматривала смятые одеяла и простыни, разбросанные подушки, силясь представить, как еще совсем недавно ими пользовался ее бывший супруг.

— Мама всегда говорила, что Гера любит только крахмальное белье, — вспомнила она и о любившей без памяти единственного сына своей дорогой свекрови.

Внезапно нахлынувшая боль потери раскаленной иглой пронзила сердце, словно они растались только вчера. На глаза навернулись слезы...

В эту минуту весело затренькал телефон, распугивая призраков прошлого. Бодрым голосом Мирим докладывала о завтрашнем вылете, наказывая дожждаться ее и никуда не уезжать.

Будто во сне, Кира ответила что-то невнятное и, положив трубку, снова перечитала записку. Весь оставшийся день она как потерянная ходила на негнущихся ватных ногах и, как ни старался ее подгонять хозяин, впервые не закончила работу к концу смены.

Внезапная встреча с Герой все так же явно стояла у нее перед глазами. Она вдруг отчетливо поняла, что давно забыла об обиде и даже простила Геру, как только неожиданно

увидела в гостиничном номере. Будто никогда и не было измены. Будто он никогда и не бросал ее одну с детьми...

— Верно же говорят: это гора с горой не сходится, а человек с человеком обязательно встретится, — припомнила она народную мудрость и, зайдя в свою комнату, обессилено повалилась на кровать и сразу же заснула.

Два крыла

А на следующий день прилетела Мирим. Радостно обняв при встрече Киру, сразу поняла: с ней творится что-то неладное.

— Рассказывай, — скомандовала коротко и, удобно устроившись в кресле, приготовилась слушать.

— Нечего рассказывать, — едва слышно ответила Кира. — Нам работать надо.

— Переела что ли? Или, постой, неужели денег не дают? — предположила самое худшее, что только могло случиться, Мирим и снова стала допытываться:

— Да расскажи ты, наконец, что стряслось-то. Увидишь — сразу легче станет.

Но изливать сейчас душу, пусть и самой верной подруге, Кира все же не хотела. Да и времени для этого не было. Убедив хозяина мотеля, что ей из-за наплыва гостей больше не под силу справляться одной со всем объемом работы, и попросив устроить на работу напарницу, она чувствовала сейчас ответственность не только за себя, но и за подругу.

Хозяин долго не сопротивлялся, понимая, что она и в самом деле валится с ног, и, поворчав для приличия, дал свое согласие.

Неразлучные, как и в старые добрые времена, подруги снова стали работать вместе.

Однако настырная Мирим все же докопалась до причины плохого настроения Киры. Поведав во время недолгой

передышки о встрече с неверным мужем, Кира рассеянно порылась в карманах и нашла опустевшую пачку сигарет. Скомкав упаковку, с силой метнула ее в мусорную корзину:

— Не пойму, что я сделала не так? Снова ошиблась?

— А-аа, все не можешь забыть... Видать, любишь, — заключила Мирим и добавила, — а я-то подумала, хозяин зарплату зажимает...

— Забудешь его, как же. Пока он три дня здесь жил, всю душу вымотал, — с трудом выговорила сквозь слезы Кира и протянула записку Германа.

Бегло пробежав короткие строки глазами, та что есть сил швырнула бумажку на пол и пнула ногой:

— Пустое это: слова — это только слова. Навешал тебе лапши на уши, а ты и растаяла. По детям он соскучился. А ты что, с автоматом у дверей квартиры стояла и его к ним не пускала? Или через суд отцовских прав лишила? Могла ведь, суд на твоей стороне был бы. Н-даа, не надолго же тебя хватило. Бросила его та шалава, так он сопли на кулак и к тебе, значит, стал подкатывать... Не-е-е, я бы такого козла никогда бы не простила, — выругалась с досадой Мирим. — Так вы, значит, как я поняла, помирились?

— Даже и не думала, просто детей жалко, — и, разрыдавшись еще сильнее, Кира уткнулась в фирменный фартук.

— Хватит реветь, отдыхай, — скомандовала подруга и, насильно уговорив ее переждать в подсобке, отправилась убирать номера.

Вернулась она довольно скоро с какой-то таинственно — загадочной улыбкой. В руках у нее были новая пачка сигарет и непочатая бутылка рисовой водки — соджи:

— В номере нашла, постояльцы оставили. И везет же некоторым!

Вечером после работы она уговорила Киру выпить соджи, сняв таким образом нервный срыв.

— Помиришься с мужем, — внезапно переменяла она тактику. — Забудь все и — помирись. Ты пойми, он все же отец твоих детей. Им же не объяснишь, почему вы расстались, небось все ждут его... Э-ээх, у меня вот нет детей, да и не будет уже никогда... Ценить нужно, — и незаметно от Киры смахнула набежавшую слезу.

— Не прощу. Ни-ког-да, — гордо заявила захмелевшая Кира.

— Никогда не говори никогда, — грубо перебила ее подруга и впервые затянула грустную киргизскую народную песню.

Кира подхватила диковинный мотив, и вот они уже в два голоса, то плача навзрыд, то смеясь во весь голос, протяжно выводили длинную, как жизнь, песню.

Наплакавшись вволю и решив поставить на прошлом точку, Кира вскоре вернулась к прежнему ритму, более того, даже отважилась на перемены.

— Встретимся в понедельник, у меня только один выходной в неделю, — наконец-то назначила Кира день свидания виртуальному поклоннику и пояснила удивленной подруге:

— Никогда не виделась в жизни, иду на первое свидание вслепую.

— Отдохни на полную катушку! — напутствовала та ее вслед, — Я тоже погуляю, давно собиралась навестить бывших товарищей по стройке.

Однако со встречи Кира вернулась донельзя расстроенная, и сразу поведала о своем разочаровании:

— Ниже меня на голову оказался... Лысый... С животиком... Ну, ладно еще, что толстый карлик, так ни тебе цветов, ни подарков. Поели в самой дешевой закуской, к тому же он так чавкал, аж хрюкал, еще и еду руками хватал. А ногти-то у него на руках такие грязные. Вот тебе и «прынец» на белом коне. В общем сбежала я от него, —

выдохнула Кира и вопросительно посмотрела на подругу, которая уже вовсю прыскала со смеху, а тут и вовсе повадилась на пол от хохота...

— После первой зарплаты я уеду, на стройку подамся, — вскоре объявила о своих планах Мирим. — Уже обо всем договорилась, ждут меня там. Не могу я больше в мусоре копаться, задыхаюсь без свежего воздуха... К тому же, там смогу быстрее накопить денег и на тренажеры, и на маты. А ведь еще и на аренду нужны деньги, людей набрать...

Поработав вместе только месяц, подруги вновь расстались. Мирим вернулась на прежнее место работы — на стройку, а Кира продолжала работать в мотеле.

Снова оставшись после отъезда подруги один на один с работой, она еще острее ощутила свое одиночество. Больше всего ей теперь хотелось как можно скорее доработать положенный срок и вернуться домой, к детям. Ей казалось, что рядом с ними ей уже не будет так больно...

Однажды, возвращаясь из магазинчика в мотель, Кира неожиданно столкнулась в дверях с Германом.

Он прижимал к груди забинтованную руку, а в другой держал букет из розовых гвоздик. Даже не поздоровавшись, не проронив ни слова, Кира попыталась было пройти мимо.

— Улетаю завтра домой. Вот заехал попрощаться, — забубнил бывший муж и робко протянул ей гвоздики. Совсем как на первом свидании много лет тому назад...

— Скатертью дорога, — отстранив цветы, проговорила Кира и, захлопывая дверь, уловила их нежный аромат, от чего ее сердце предательски забилось...

Едва зайдя в свою комнату, Кира торопливо бросилась к окну, осторожно отодвинула тяжелые портьеры и выглянула на улицу. Внизу, уныло понуриив голову, стоял Герман. Положив букет на скамейку, стал набирать левой рукой чей-то номер.

— Кому это он звонит? — ревниво задумалась Кира, и в этот момент зазвонил ее мобильный. Отпрянув от окна, она увидела на телефоне неизвестный номер.

— Алло? — дрогнувшим голосом произнесла она и, не услышав ответа, догадалась, что звонит Герман.

— Не клади трубку, это я... Мне хозяин гостиницы дал твой номер... Позволь сказать, — молил Герман.

— Напрасно беспокоишься. Я уже давно не та, которую ты знал раньше. Дети тоже забыли тебя... Так что давай не будем ворошить былое... Прощай, — сказала, как отрезала, Кира и снова выглянула в окно. Герман неподвижно стоял на том же месте.

— Ну, подожди, Кириш. Хотел тебе сообщить... Как приеду, куплю детям квартиру и снова к тебе вернусь. Как увидел тебя в гостинице, так с ума сошел, покой потерял. Мать еще стала все время снится, наказывает обратно нам сойтись.

Ошарашенная таким поворотом дел, Кира долго молчала в трубку, затем тихо сказала:

— Нам ничего от тебя не нужно.

— Да пойми ты, я ошибся и очень об этом сожалею. Неужели я не могу просто помогать детям? Дай хотя бы их номер... Просто поговорить... Прошу тебя, ну, не будь такой жестокой...

— Жестокой, говоришь? А вычеркивать нас из жизни было не жестоко? Еще раз прошу: забудь все, я сама работаю на все, что детям нужно. Оставь нас...

— Если ты так злишься, значит, ты меня не забыла...

— Ты прав, не забыла. Ничего не забыла. Как ты делил квартиру помню, как все наши вещи пополам предлагал поделить, как из-за твоего предательства я решила оставить детей так надолго и уехать так далеко... И из-за чего я надрываюсь здесь гастарбайтершой, тоже помню! А детям какво без матери, ты подумал? Никогда тебе этого не про-

щу, — совсем тихо произнесла Кира и отключила телефон.

В окно она увидела, как муж присел на скамейку, нервно закурил. Закрывшись в ванной, она долго плакала, пытаясь успокоить сама себя тем, что вода, мол, имеет свойство уносить все плохое.

Когда она через некоторое время подошла к окну, на скамейке уже никого не было.

За дверью слышался какой-то шорох. Казалось, кто-то хочет постучать, но никак не решается это сделать. Не спросив, кто это, Кира резко рванула дверь на себя.

На пороге стоял сильно осунувшийся и поседевший Герман, виновато протягивая ей розовый букет...

Эпилог

— Дети, выходим! — услышав нетерпеливый сигнал автомобиля мужа, Мирим подгоняла детей Киры. — Боже, неужто и мне такое предстоит, при виде беспорядка, устроенного детьми из-за сборов на море подумала она, поглаживая свой округлый животик.

Взглянув на себя в принесенное много лет назад свадебное зеркало, Кира поправила стильную прическу и внезапно застыла в задумчивости, словно вглядывалась не в отражение, а в далекое прошлое.

Так прошло, наверное, минут десять.

Вдруг на плечи бережно легли родные руки, после чего в зеркале показался улыбающийся Герман.

— Ну, ты все? Пойдем, что ли, нас ждут... — и добавил с нежностью, — Ты самая красивая на свете гастарбайтерша... Моя гастарбайтерша...

ПАВЕЛ

СУДЬБА

Брак

В центре просторного помещения завода по сборке производственных станков почти бесшумно работала сборочная машина-робот, собирая комплектующие детали в единый массивный агрегат весом в полторы тонны. Неподалеку от него за компьютерным столиком в полном одиночестве сидел, будто прикованный к монитору, инспектор Павел.

И хотя с ультрасовременной техникой было трудно поспорить, все же машина иногда давала сбой, который приводил к браку продукции. Поэтому Павел напряженно, до рези в глазах, следил за каждым циклом производственного процесса, боясь пропустить то самое мгновение, когда робот вдруг даст сбой. Собственно, это и являлось основной обязанностью инспектора.

Убедившись, что машина работает как часы, Павел встал из-за стола, потянулся и сделал несколько упражнений, разминая ноющую спину.

— Какая муть! — выдохнул уныло Павел и вытер носовым платком вспотевший лоб. Оглядевшись по сторонам, нет ли кого поблизости, подключился к интернету, выбрал фильм, и блаженно вытянувшись в кресле, стал смотреть очередную «мыльную оперу».

Мягкое поскрипывание металла и гулкое уханье машины подсказывали Павлу, что работа идет исправно. В любом случае машина автоматически даст знать о сбое, — успокаивал он себя и, зевнув, на минутку прикрыл глаза, но его сразу потянуло в сон, и он не заметил, как задремал.

Резкий гудок, извещавший об окончании сборки агрегата, разбудил Павла. Он выключил интернет и посмотрел на часы, которые показывали время обеденного перерыва.

— Неужели целый час спал? — удивился он и, взяв измерительный инструмент, подошел к агрегату, чтобы сверить

параметры. Все совпало согласно нормативам, никаких отклонений от заданного стандарта не оказалось, лишь допустимые полтора миллиметра.

Облегченно вздохнув, он с восхищением оглядел агрегат и, еще раз подивившись достижениям южнокорейских инженеров-конструкторов, направился в столовую.

— За пять лет, что я здесь работаю, еще не было ни одного человека, который бы не заснул во время работы на твоём посту, — заявил под общий хохот рабочих местный южанин. И в ответ на недоумевающий взгляд Павла кивнул на настенный знак: вся территория завода находится под видеонаблюдением.

— Понятно,.. ну, значит я не первый и не последний! — успокоился Павел и принялся за обед.

Во второй половине дня ему предстояло следить за изготовлением другого агрегата, тяжелее на полтонны прежнего, что, соответственно, занимало еще больше времени ожидания.

Заварив себе крепкий кофе и подключив наушники, Павел вернулся к просмотру фильма. На этот раз он предварительно убедился, что изображение на мониторе находится вне зоны видимости установленных камер, и, придвинув поближе к себе монитор на всякий случай, удобно расположился в кресле.

— Эй!!! — раздавшийся внезапно гневный окрик прозвучал как выстрел.

Развернувшись вместе с креслом, Павел встретился взглядом с негодующим бригадиром, который направлялся к нему. Молниеносно закрыв на мониторе окошко с фильмом, он снял наушники и вытянулся перед ним во весь рост.

— Этот агрегат стоит огромных денег! Если пропустишь брак, уволю! — закричал на него бригадир и, вырвав из рук Павла наушники, в сердцах бросил их на пол и растоптал.

— Извините, — опустив голову, виновато ответил Павел, а когда тот скрылся за дверью, сквозь зубы выругался ему в след, — да пошел ты!

И, покосившись на камеры, шумно опустился в кресло.

Затем, удалив фильм с экрана, тупо уставился в монитор, продолжая наблюдение. Через некоторое время то ли от сытного обеда, то ли от недосыпа из-за ежедневных посиделок до полуночи с земляком в общежитии, под убаюкивание привычных негромких звуков механизма веки у Павла отяжелели, и он обессиленно заснул.

По словам земляка, приехавшего в Корею за несколько лет до него и сменившего в поисках более достойной, по его мнению, работы не один десяток мест, занимаемая Павлом сейчас техническая должность среди гастарбайтеров считалась самой престижной.

— На твоём рабочем месте, когда я устроился сюда, работал долгие годы пакистанец, который через год после моего устройства сюда внезапно уволился и уехал на родину. Знай раньше, что так будет, я бы не растерялся. Хотя у меня работа тоже не пыльная, сидячая, только целыми сутками проверяю вручную качество деталей, составляющих агрегат, — хвастался своими привилегиями приятель.

На этот завод Павел пришел с мебельной фабрики. Мог бы и дальше там работать, если бы не несчастный случай, свидетелем которого невольно оказался — его подруге отрезало пальцы...

Выписавшись из больницы, не попрощавшись с Павлом, она вернулась домой и больше не давала о себе знать.

Павел познакомился с ней сразу же, как только пришел на фабрику. Девушка сама стала оказывать ему знаки внимания, охотно рассказывала ему о работе, о правилах и порядках, установленных в цехе. Поначалу Павел воспринимал их как помощь уже опытного работника новичку, но

очень скоро понял, что напарница влюбилась в него «как кошка», ничего не требуя взамен.

Павел, уставший от скитаний и соскучившийся по домашней еде, благодарно принимал ее внимание и даже не успел заметить, как прикипел к ней, забыв о семье и о детях.

Работать после ее отъезда Павлу стало невыносимо больно. Былые воспоминания, одиночество, да и появившийся панический страх сковывали его, и он уволился.

Найти новое место работы было не так просто, он вновь стал скитаться в поисках заработка, пока не нашлась неожиданная вакансия у приятеля на сборочном заводе, где он работал уже почти месяц.

Хоть нынешняя должность была, что называется, не бей лежачего, она не нравилась ему. Подвижный и энергичный от природы, он на дух не выносил рутины.

— Как крыса в мышеловке: сижу, словно истукан, в закрытом пространстве, и всегда один, а так хочется свободы, да и зарплата не столь высока, — жаловался накануне этого дня он земляку. Но тот в ответ только удивлялся его неблагодарности судьбе и досадно кивал головой.

Громкий звук сирены разбудил Павла. Посмотрев на часы, он понял, что деталь еще не готова.

— Брак! — прмелькнула у него мысль, и он остановил машину. Судорожно прокрутив видеозапись слежки, обнаружил сбой, о котором красным текстом поясняли надписи на английском и корейском языках. Не владея ни тем, ни другим языком, он поспешил было доложить о сбое руководству, но, испугавшись новых нападок грозного начальника, замешкался.

— А, была-не была! Может, повезет! — подумал Павел и снова запустил сборочную машину.

К его радости машина заработала исправно, без помех. Заварив покрепче кофе и потягивая его мелкими глотками,

продолжил усердно наблюдение.

Взглянув на часы к концу рабочего дня, Павел понял, что и сегодня он задержится на пару часов.

— Овертайм! — радостно воскликнул Павел и, отключив робота, ушел ужинать. Почти все рабочие к этому времени уже разошлись по домам.

Павел еще два часа следил за работой робота, и когда деталь была готова, сделал замеры и обомлел. Неточности превышали норму...

— Ужас! — запаниковал Павел и, представив предстоящие разборки, схватился за голову.

— Все нормально? — услышал он вдруг за спиной голос сотрудника.

— Да! Все, о-кей! — выпалил Павел и выскочил из цеха. Прибежав в общежитие, он быстро собрал свои вещи и, ни слова не сказав приятелю о произошедшем, бросился подалее от этих мест...

Большие деньги

Очень скоро в другом городе он устроился на другое предприятие сварщиком. Работы было так много, что даже на маленькие перекуры не хватало времени, но Павел не особо из-за этого расстраивался — платили здесь действительно намного больше, чем на старом месте.

Одного только не мог предвидеть Павел — ему позвонил земляк со сборочного завода, откуда он сбежал, и предупредил, что его ищут, что руководство написало на него заявление в полицию, и потому советовал другу не устраниваться на работу официально...

Павел так и сделал, и как ни уговаривал его бригадир на новой работе, что ему вернут при отъезде все перечисления по страховке, пенсионные и тринадцатую зарплату, он не

соглашался, а тот только с досады махнул рукой, обозвав дураком.

Уже скоро у Павла от сварки стали болеть глаза. Нахватав за смену «зайчиков», он уже не мог спать ночами из-за рези в глазах.

Вымазанный мазутом и засыпанный черной металлической пылью с ног до головы, он безропотно продолжал тянуть выбранную им самим трудовую лямку, радуясь, что ушел от расплаты.

Однажды на их площадку заехал на «навороченном» внедорожнике местный бизнесмен. Переговорив с ним, бригадир тотчас окликнул Павла и сообщил, что они вдвоем срочно отправляются на выполнение частного заказа.

— Платит пятьсот тысяч вон на двоих, — тихо пояснил бригадир, кивнув на заказчика.

— У-ух ты, — обрадовался Павел и, даже не спросив, что за работу предстоит выполнить, заторопился к машине.

Поездка на шикарном джипе-красавце и мысль, что его так высоко ценит бригадир, коли взял в напарники, подняла настроение. Ему не терпелось доказать, что тот не ошибся, выбрав именно его, хотелось поскорее начать работу.

— Мне нужно поднять на метр крышу ангара, — деловито пояснял заказчик, как только они прибыли на место.

— Голыми руками, что ли, поднимать? Ну уж нет, здесь нужен строительный кран, — разочарованно буркнул бригадир и закурил.

— Значит, слабо будет без спецтехники? — съехидничал бизнесмен.

— Да здесь не то что двоим, целой бригаде не справиться, а еще и нет крана... Не-еет, не пойдет такое дело, — недовольно заключил бригадир и наотрез отказался от работы.

— Секунду! Давайте я гляну, — испугавшись, что бригадир сейчас развернется и уйдет, не дав ему возможности

хорошо заработать, Павел бросился к крыше. — Я сейчас...

Быстро вскарабкавшись по лестнице на крышу и внимательно осмотрев ее крепления, прикинул, что можно сделать и попросил у заказчика домкрат.

Тот указал на грудку разных инструментов, в котором Павел заметил обычный домкрат. Примерно таким он работал, когда приходилось менять колеса автомобиля.

— Пойдет, — разобрав инструменты и отложив в сторону те, что могут пригодиться, сказал бригадиру Павел. Но тот, недовольно мотнув головой и махнув рукой, торопливо ушел.

Прищурив глаза, Павел нервно закурил и вдруг спросил хозяина, доверит ли тот ему одному эту работу, заплатив, как и обещал, пятьсот тысяч вон.

Немного замешкавшись — не потому, что пожалел денег, а просто не доверяя молодому гастарбайтеру, бизнесмен одобрительно кивнул. Получив согласие, Павел попросил чертежи ангара. Ознакомившись с документами, снова залез наверх и тщательно замерил длину всего объекта, сверяясь с чертежами, затем спустился и поинтересовался у босса, с какой целью тому нужно поднять крышу.

Услышав в ответ, что это необходимо для въезда больших грузовых автомашин, Павел быстро набросал на листке бумаги нехитрый чертеж, подсчитал количество необходимого материала для монтажа и сообщил об этом бизнесмену. Всплеснув руками, тот опрометью кинулся перетаскивать поближе к ангару металлические трубы. Павел помог ему разгрузить тяжелую арматуру, после чего разрезал ее на нужное количество новых колонок. После чего, тот уехал по делам, оставив Павла одного.

Вооружившись на этот раз домкратом, он поднялся обратно на крышу по прочно установленной им лестнице. Здесь, срезав один металлический уголок болгаркой, укре-

пил инструмент, затем спилил еще один уголок, который был на расстоянии от первого в полметра, и приварил изготовленные им колонки на месте старых. Закончив работу, закрасил их распылителем в одинаковый с остальными цвет.

— Три часа сорок минут, — педантично отметил для себя время работы Павел и присел отдохнуть. Не успел он выкурить сигарету, как подошел заказчик, который недовольно стал ворчать на него:

— Что сидим, не работаем? Когда закончишь?

И тут же заинтересовался, сколько вообще конкретно времени потребуется для выполнения всего заказа.

— Все давно готово... Принимайте вашу крышу, — выдохнул устало Павел.

— Как?!! — изумился заказчик и посмотрел на ангар. Затем буквально взлетел наверх по лестнице и стал скрупулезно рассматривать выполненную работу, после чего, уже очень медленно, спустился вниз.

Подойдя к Павлу, взглянул на него, как тому показалось, испуганно и с открытым от изумления ртом, будто перед ним не рабочий какой, а фокусник-иллюзионист из цирка.

Затем радостно вскрикнул от восхищения и стал отсчитывать вонь.

Получив деньги, Павел заторопился к себе на завод. Отсчитав ровно половину суммы, он гордо протянул деньги бригадиру, но тот, отстранив руку Павла, тихо сказал:

— Молодец! Это твои деньги, ты их честно заработал!

Впервые за все годы пребывания в Корее он получил на руки такую высокую сумму — полмиллиона вон, да еще в придачу довольный заказчик дал ему сорок тысяч на обед и такси.

Возможность так легко и быстро зарабатывать деньги настолько воодушевила Павла, что он решил больше не сидеть на зарплате, а искать на бирже труда похожую работу, и уволился с завода.

На арбузах

Но на бирже труда, куда он с той поры зачастил в поисках подобной работы, ему не предлагали даже третьей части той суммы, что он заработал за поднятие крыши, и потому согласился на сезонную работу «на арбузы».

Дело оказалось не таким уж и легким. Уже через две недели Павел умудрился заболеть.

В теплице, где они собирали арбузы, всегда стояла невыносимая духота, дышать было нечем, и работники время от времени потные выскакивали на воздух. Павел из-за резкой смены температур с непривычки занемог. Прихватило поясницу, причем до такой степени, что было не разогнуться, вдобавок ко всему стали плохо повиноваться усыпанные от ножниц кровавыми мозолями руки.

Согласно установленным правилам, нужно было аккуратно срезать хвостик арбуза на пять-шесть сантиметров и только после этого погрузить плод на тележку, чтобы в целости и сохранности довести до места назначения. Похожее на какой-то спортивный аттракцион действие могло показаться забавным, если бы не одно «но»: каждого уронившего арбуз увольняли на месте.

Доставленные же до цели арбузы сортировщики внимательнейшим образом рассматривали на соответствие стандартам.

Если хвостик был цел и отрезан в соответствии с установленными правилами, арбуз принимали, если отпадал, то плод считался бракованным, и тогда сумму нанесенного ущерба вычитывали из зарплаты.

Однажды утром Павел просто не смог подняться с постели. Хозяин начал было недовольно его подгонять, как вдруг его осенило. С самым простодушным видом он вызвался работать водителем, якобы, чтобы помочь под-

возить с разных теплиц арбузы напрямую к фасовщикам.

Бригадир одобрительно отреагировал на инициативу, и с того момента Павел занимался исключительно погрузкой и развозом. И хотя эта работа ему тоже показалась тяжелой, тем не менее он к концу сезона получил на руки внушительную сумму. Чтобы заработать столько на заводе, где он работал сварщиком, ему бы пришлось трудиться раза в два дольше.

Как хочется жить...

Как-то, прослышав о высоких зарплатах на стройках, Павел напросился на работу к приятелю, трудившемуся на возведении мостов. И хоть тот неоднократно предупреждал, что работа эта не из легких, зарплата в четыре миллиона вон казалась ему небом в алмазах, и он проигнорировал все советы.

Каждый день группу рабочих отвозили на один и тот же участок. На мосту бригада разравнивала грунт, цементировала поверхность и устанавливала сваи.

Но в один из дней, который Павлу не забыть до конца жизни, их привезли на новый участок. Через всю реку тянулись установленные сваи-столбы. В начале же моста высилось частично поднятое сооружение. Поднявшись на мост, бригадир стал объяснять задание.

— Всего-то и нужно, что установить швеллеры: ерунда, — подумалось Павлу. Насвистывая, он лихо зашагал по двум трубам, перекинутым от одной сваи к другой. Но он не прошел и половины пути, когда опора под ним закачалась и стала слегка проворачиваться. Теряя равновесие, Павел зажмурил от страха глаза и попытался удержаться на трубе, но та буквально уходила из-под ног.

Ему захотелось выругаться, но он боялся даже дышать. Глянув на конец сваи, он заметил, что трубы не прикрепле-

ны вовсе, и он без страховки. Его прошиб холодный пот. Застыв на месте, Павел судорожно соображал, что делать — то ли вернуться назад и не заработать ни копейки, то ли попытаться дойти до конца и получить солидный гонорар.

Второе пересилило первое и он заставил себя сделать шаг, затем второй... Он не помнил, как добрался до противоположного края, зато долго потом вспоминал, как ругался в тот момент всеми известными ему словами ненормированной лексики, дав волю своему «красноречию». Затем, осторожно опустив рядом инструменты, он занялся установкой швеллера.

Внезапно подул сильный ветер, сорвав с него кепку и раздувая, словно паруса, его ветровку.

— Как же я дойду до следующей сваи? — промелькнула вдруг мысль. Павел дрожащими руками с трудом прикурив сигарету и глянул вниз с двадцатиметровой высоты, прикинув расстояние, отделяющее его от воды. — С пятиэтажный дом будет... Хотя перед смертью выкурю...

Но покурить ему не удалось — он услышал крики работников, торопивших его: Палли, палли!

— Сволочи! Ни тебе страховки, ни тебе техники безопасности. А если я сорвусь?! Им то что, ну, похоронят меня здесь... И близкие даже не смогут мою могилку навестить, — продолжал размышлять Павел. Ему вдруг так стало себя жалко, что аж в носу защипало и накатились слезы. Но и стоять здесь на ветру — тоже не выход.

Выдохнув и взяв себя в руки, Павел медленно, шаг за шагом продвигался дальше. Вниз он посмотрел только тогда, когда укрепил последний швеллер. Далеко внизу, метрах в двадцати, поблескивала на солнце речка. Она была неглубока, так что если он упадет, то конец однозначно будет совсем невеселым...

В висках стучало, Павел слышал, как неровно бьется его

растревоженное сердце. Почему-то вспомнилось, какой беспечной была его молодость, как же здорово они веселились с друзьями, какой безмерно счастливой казалась жизнь...

И любовь в его жизни была, и детей он любил безмерно... И он даже не знает, кто виноват в том, что столько лет живут они врозь и что он понятия не имеет о том, чему радуются его сын и дочь, о чем тревожатся, что любят, а что ненавидят...

Что-то будто гулко толкнуло его в грудь, и Павел, глубоко вздохнув, стал медленно возвращаться назад. На том же месте, почти у самого конца моста, ему показалось, что трубы опять стали выворачиваться под ним. Ноги не шли, тогда он медленно опустился на корточки, затем опустился на колени и, упираясь руками, стал медленно подтягивать за ними ноги. Зацепиться было не за что, любое неправильное движение могло стоить ему жизни, поэтому он продвигался очень медленно и неуверенно, то и дело замирая на холодной трубе.

— Боже, как же хочется жить! — впервые в жизни Павел подумал о смерти и о жизни. — Нет! Мне еще рано туда, совсем рано...

Искоса, чуть повернув голову и увидев боковым зрением серое мрачное небо, Павел, скрепя зубами, стал передвигать вперед руки, подтягиваясь затем всем телом.

Ветер будто смеялся над ним, обдувая со всех сторон. Казалось, он вот-вот скинет парня с неустойчивой опоры и тот, не выдержав его напора, соскользнет с труб и камнем упадет в мелкую, с каменистым дном речку и останется там навсегда...

С трудом взяв в себя в руки и стараясь не думать о плохом, Павел наконец дополз до прочной поверхности, где его ждал земляк.

— Ё-моё! — грязно ругаясь Павел поднялся с колен. — Будь проклята эта работа! Эти проклятые деньги! Все! Не

хочу больше здесь работать!

Все это он выкрикивал в лицо приятелю так, будто тот один был виноват во всех его бедах — и в том, что лет десять назад Павлу пришлось приехать на заработки в эту страну, и в том, что не стала его ждать жена, что дети забыли, как он смеется или плачет, какой у него голос и какой он вообще человек...

Напарник испуганно смотрел сначала на Павла, а потом вдруг уставился на его голову.

— Ты что, — спросил его Павел, — привидение там увидел?

— Нне-ет, просто не пойму, ты был уже седой? Или стал?..

Павел тогда не понял сути вопроса, и только позже, в общежитии, приняв душ и посмотрев на себя в зеркало, он охнул, потому что еще вчера черная его челка стала совершенно белой...

Тайм-аут

После того случая Павел долго не мог прийти в себя. Сняв номер в гостинице, провалялся безвылазно в номере недели две.

Затем вновь пошел на биржу.

— Мне бы работу... Полегче, — грустно попросил служащего. Увидев его белую, как лунь голову, тот уткнулся в компьютер в поисках нужной информации и вскоре поинтересовался сочувствующе:

— На поле поедешь?

— Поеду, — тихо ответил Павел.

В назначенном месте его встретил пожилой кореец лет восьмидесяти. Дальше они поехали на грузовике. По дороге дедушка объяснил, что Павел будет собирать на недавно засеянных полях все контейнеры из-под семян.

Почтенный старец оказался крупным фермером-зем-

левладельцем. На своих участках он выращивал разные культуры, но в основном это были овощи.

Впустую проездив в поисках контейнеров полдня, дед с досадой махнул рукой и, объявив, что наступило время обеда, повернул домой. Здесь его ждала жена того же примерно возраста, которая, приветливо их встретив, поспешила накрывать стол.

— Рыбу любишь? — расстроено спросил фермер.

— Очень, — ответил проголодавшийся Павел.

— Моя жена очень вкусно жарит рыбу. Сейчас попробуешь, — обрадовался дед и неожиданно спросил:

— Водку пьешь?

— Немного, — смутился Павел.

Просияв, дед подошел к гигантскому, много выше его холодильнику, сверкавшему стальной поверхностью, и настезь распахнул дверцы. Не менее половины содержимого стального красавца составляла... соджу — рисовая водка.

Важно достав заледеневшую бутылку, фермер церемонно сел за столик, приглашая к трапезе гостя. Опорожнив бутылку, тут же достал вторую, затем третью, четвертую...

Очнулся Павел от того, что хозяйка дома нетерпеливо теребила его за рукав. Бабушка заботливо торопила его сходить на биржу и получить зарплату.

Не понимая, как он вообще может двигаться в таком состоянии — голова гудела как колокол, ноги подкашивались, настолько он был безнадежно пьян, — гастарбайтер попробовал было отказаться, тем более, что никакой работы он не выполнил, на что она, спохватившись, ответила, что сын, оказывается, еще вчера собрал все контейнеры, не предупредив их, а сегодня, как только они уснули, он позвонил и сообщил об этом.

Павел рассмеялся и обрадовался, что старику не придется вновь искать их. Затем посмотрел на деда, который, обняв

подушку, тихонько похрапывал и временами шевелил губами, будто отвечал кому-то на только ему известные вопросы.

Он улыбнулся и, кивнув на старика, пошутил:

— Устал!

Бабка прыснула со смеху, ворча на корейском языке, что тот много пьет.

В эту секунду старики напомнили ему его родителей, такие же милые и добрые... Прощаясь, он поблагодарил бабушку и ее мужа, затем, не став будить, еще раз посмотрел на безмятежно спящего овощного магната и улыбнулся...

Судьба

Десять лет Павел проработал в Корее, материально обеспечивая семью, которая давно уже распалась. Жена ушла к другому, дети подросли, старший сын женился.

Но он продолжал исправно отправлять домашним деньги, помог сыну провести свадьбу, оплатил учебу дочери в институте.

Женив сына, жена с новым мужем переехала в Россию. Но однажды сын сообщил, что маме там очень тяжело: второй брак распался, она осталась на чужбине совсем одна.

Созвонившись с бывшей супругой, он коротко предложил:

— Если тяжело, приезжай в Корею. С работой я помогу.

Он помог ей устроиться в соседнем от него городе, где она не только нашла для себя работу, но и в третий раз вышла замуж, на этот раз по ее словам весьма удачно.

— Ну вот, наверное, и все, — думал он, возвращаясь со смены. Это был его последний рабочий день. — Пора домой.

Хотя на родине его никто не ждал, решил вернуться, потому что — время пришло. Физических сил надрывать-ся далее уже совсем не осталось, давали о себе знать обо-

стрившиеся болезни, да и пора было уже ему, как он считал, старику, освободить дорогу для более сильных и энергичных молодых земляков.

— Мне будет не хватать этой запредельной высоты гор, синего-синего моря и — буйства зеленых красок живой природы. Корея, прощай! — мысленно думал высокий седой мужчина, как вдруг заметил поравнявшийся с ним красавец-джип. Удивило, что ехал он как-то очень уж странно: на замедленной скорости и — виляя колесами. Вглядевшись, понял, в чем дело: за рулем... не было водителя.

— Наверное, розыгрыш какой, — сказал сам себе Павел и стал озираться в поисках какой-нибудь скрытой камеры.

Вместо этого увидел бегущую вслед за автомобилем местную кореянку. Она отчаянно размахивала руками и громко подзывала на помощь.

— Видимо, не опустила ручник, вот машина сама и покатилась, — догадался Павел и опрометью бросился за джипом. Открыв на ходу машину, запрыгнул в нее и в самый последний момент успел опустить тормоз.

Подбежавшая женщина, задыхаясь, принялась благодарить, восхищенно смотря на героя во все глаза.

Успокоившись, предложила подвезти, а, узнав, что Павел — гастарбайтер, предложила работать у нее в компании.

Он тогда был искренне удивлен, узнав, что такая хрупкая на вид женщина разбирается в современной технике. Компания, которой она руководила, изготавливает чипы и составляющие детали для компьютеров. Наконец-то он нашел такую работу, которая действительно была ему интересна еще со студенческих лет, со времени учебы в техникуме компьютерных технологий.

И Павел охотно согласился поработать. Сначала работал простым водителем, а затем хозяйка предложила ему работать ее помощником, в обязанности которого входил

контроль всего заводского процесса и снабжения необходимым материалом и сырьем.

Супруги только смеются, вспоминая свою судьбоносную встречу, которая привела их к свадебному алтарю. И с той поры — никогда не расстаются...

ВАДИМ

ДРУЗЬЯ ДЕТСТВА

Туннель

— Надень! — приказал бригадир и протянул новичку новенький водолазный костюм черного цвета.

— Зачем мне натягивать на себя эту резину? — так и хотелось спросить Вадиму, но он только, молча повинаясь приказу, стал в него облачаться.

— Он оградит тебя от грязи и воды, — продолжал наставлять босс.

Пока Вадим возился с застежками-молниями, тот продолжал, не тратя зря времени, давать указания.

— Спустишься вниз и протащишь этот кабель до вон того люка у серого здания и вытащишь его наверх, — показывая на дальний люк указательным пальцем, объяснил бригадир.

Расстояние было примерно метров тридцать.

— Не так уж и далеко, — подумал Вадим и, укрепив фонарь на голове, натянув перчатки, стал поспешно спускаться в канализационную глубь.

Почувствовав твердую почву под ногами, Вадим оглянулся. Он оказался в просторном и чистом туннеле. Следуя указаниям, Вадим прошел весь туннель и подошел к узкому отверстию диаметром в метр, по которому ему надо было продолжить путь. Присев на корточки, Вадим подтянул кабель и осторожно стал проходить на полусогнутых ногах по трубе, время от времени подтягивая кабель. Зловонная жижа хлюпала под ногами, смрад заставлял задерживать дыхание. Вадим ускорил шаг, чтобы быстрее выбраться наружу. Но лучше бы он этого не делал — ноги неожиданно «поехали», и, не удержавшись, Вадим сел прямо в эту жижу... Попытался встать, хватаясь за склизкие стены, но вновь не рассчитал силы и снова упал, но уже на спину. Вадим и не заметил, как слетели с него очки и скрылись

под темной жижей. Пытаясь найти их, он невольно разбередил годами накопленную гниль с обитаемыми в ней подземными тварями и ощутил не только еще большую вонь, но еще почувствовал, как по нему поползли неведомые ранее обитатели.

— Чёрт, что за хрень! — невольно выругался Вадим и передернувшись брезгливо, решил было вернуться назад, но вспомнив, что прошел уже почти половину пути, сплюнул с досады и стряхнув с себя нечисть двинулся дальше.

Через некоторое время диаметр трубы внезапно уменьшился почти в два раза.

— Это что же, я теперь ползти должен? — остановился в нерешительности Вадим. — «Назад дороги нет» — это, похоже, как раз про меня...

Стиснув зубы, ругаясь про себя матом, он полез в отверстие. Распластавшись во весь рост, подтягивая кабель, который, к его удивлению, заметно потяжелел, Вадим прополз метра три и внезапно почувствовал резкую усталость. Оглядевшись, он заметил, как что-то пробежало перед самым его носом, но без очков он не смог ничего разглядеть.

Вдруг фонарь, мигнув несколько раз, погас. Вадим снял его с головы и несколько раз встряхнул, после чего тот, слабо вспыхнув, снова выключился.

— Вот этого мне как раз и не хватало, — проворчал Вадим, и нацепив его кое-как обратно на голову, двинулся дальше вслепую.

В крошечной темноте он слышал биение своего сердца и собственное прерывистое дыхание, а также звонкий стук капель воды, раздающийся эхом отовсюду.

Тянуть кабель становилось все труднее, и Вадим ругал на чем свет стоит и земляка Стаса, который нашел эту «блатную работу» с хорошим заработком, и себя с Ником, который сейчас на другом участке выполнял точно такую же работу.

Ему вдруг припомнилась служба в армии, где он во время учений рыл траншеи и потом проползал по ним быстро согласно приказу, отталкиваясь и локтями, и ногами, затем отстреливался и вылезал наверх. Это был самый радостный момент, когда он, будто победитель наслаждался свободой, вдыхая полной грудью свежий воздух попеременно с ароматом травы, вырытой с землей. Ему нравились «войнушки», как об учениях отзывались, смеясь, однополчане. Но сейчас, лежа в склизкой до отвращения жиже, в крошечной темноте, ему не очень-то было весело. Желание быстро выбраться наружу заставляло его безостановочно лезть дальше. Ругая себя за свою неприспособленность к жизни, за то, что после сокращения на работе на родине, даже не попытавшись самореализоваться в другой сфере, выбрал легкий путь заработка, погнавшись за длинным рублем в хваленую другом Корею.

Подумал он и о жене, родителях и троих маленьких детях, которые с нетерпением ждали его возвращения, даже не предполагая, как достаются ему корейские воны...

Его размышления оборвались, когда что-то мохнатое и колючее прыгнуло прямо ему в лицо, царапая нос, и попыталось пролезть сквозь прядь волос дальше под шапочку водолазного костюма.

— Крыса, — догадался он и, быстро схватив сопротивляющуюся писклявую подземную тварь, откинул ее подальше от себя.

Но через секунду та опять стала его яростно атаковать, угрожающе пищать и вскарабкиваться на него.

— Ах ты, гадина! — вскричал Вадим и, сняв фонарь, стал стучать им что есть мочи по стенкам трубы. Писк прекратился. Вадим, брезгливо утерев лицо, стал дальше продвигаться к выходу.

Это были самые черные дни в его жизни, которые, как

ни старайся, не удавалось стереть из памяти. «Черными» они были не только в переносном смысле — целый месяц он по несколько раз в день опускался в бездонные, черные канализационные отсеки и, навьюченный толстым кабелем, лез по нескончаемому туннелю...

Разговор по-мужски

— Хватит, довольно с него! — крикнул Вадим, пытаясь остановить Ника, неистово пинавшего, словно мешок картошки, Стаса и, взглядываясь в даль сквозь туман, направился к дороге.

— Вот козел, родную мать продаст за бабки! Прибить не жалко, — хрипло проговорил Ник, поравнявшись с Вадимом, на ходу стряхивая с себя пыль.

Поймав попутку, они добрались до общежития, спешно закидали вещи в сумки и покинули помещение.

— Что-то случилось? — спросил настороженно земляк у внезапно нагрянувших к нему приятелей.

— Прочили аферюгу, ты о нем слышал. Стас, что своих разводил, — хмуро произнес Ник. — Сколько же наших из-за него пострадали... А теперь еще все думают, что мы с этим шакалом подельники, — и, ругаясь матом, стал рассказывать о случившемся.

— Так это тот самый козел, что нашел вам хорошую работу за двести баксов под землей? — смеясь, спросил земляк, но, встретив недовольный взгляд Вадима, перестал смеяться. — А как вы его нашли? Он же, гад, неуловимый!

— Действительно гад! Но в этот раз ему не удалось от нас скрыться. Пришлось разбираться и со своими земляками, которых он подставил, как нас, дав им несуществующий завод, и наши номера телефонов, будто мы с ним подельники, — возмутился Вадим.

— Не понимаем мы его, вроде нормальный пацан, главное, наш — кореец, — размышляли приятели. — А он вон каким Иудой оказался: за тридцать серебряников продал своих же.

Роковая встреча

Вадим с Николаем, следуя советам земляков, выезжающих с ними в Корею, сразу, как приехали, отправились на известный рынок Тондэун. Там они сразу приобрели телефоны и позвонили неизвестному Стасу, номер которого земляки им радушно передали. Договорившись о встрече с ним, друзья стали поджидать того в кафе.

— Привет, ты Вадим? — Окликнул их вальяжно входящий Стас. Оглядывая то их, то посетителей кафе торопливым взглядом, Стас наконец подсел к их столику и почему-то шепотом произнес: — «Перекантуйтесь здесь пару дней, я подыщу вам работу, но сейчас сразу заплатите мне по двести долларов. Телефон и адрес компании я потом вам сообщу по телефону».

Переглянувшись, друзья молча достали деньги и, рассчитавшись со Стасом, приступили к трапезе.

Новый знакомый оказался их ровесником, и, судя по его рассказу, в Корее находился более года, поэтому ребята с явным интересом слушали все, что тот говорил о жизни здесь, об условиях труда и менталитете местных корейцев. Друзья незаметно прониклись к коммуникабельному товарищу доверием.

Перекусив вместе с ними, тот поспешно, озираясь по сторонам, выскользнул из кафе.

Как узнали они немного позже, этот Стас, сговорившись с клерками биржи труда, регулярно поставлял им нелегалов. Причем, на незавидные предприятия, которые

старались обходить стороной не только все местные, но и мало-мальски смыслящие в найме приезжие гастарбайтеры-нелегалы — здесь не только платили за работу мизер, но и условия этой работы были ужасными.

За вербовку Стас получал солидное вознаграждение, причем, в двойном размере: и от заказчиков, в качестве оплаты за услугу, и от обманутых земляков...

Сняв номер в недорогой гостинице, друзья пробыли там три дня в ожидании звонка Стаса. Однажды вечером тот позвонил и, ссылаясь на множество дел, извинился за запоздалый звонок и радостно сообщил:

— Пацаны, только для вас, земляков, по своим каналам я нашел вам отличную работу — сантехников-прокладчиков. И продиктовал номера телефонов строительной компании. — Удачи вам, земляки, если что, звоните, всегда буду рад помочь.

Уже в первый день работы друзья хотели было уйти, но деньги заканчивались и потому им ничего не оставалось делать, как отработать здесь месяц, и уже после того, как получают зарплату, поискать с помощью того же Стаса другую работу.

Привыкшие к невыносимому смраду и склизким трубам, к многочисленной противной живности подземелья, они уже не чувствовали той брезгливости, с которой работали в самом начале. Расстояние, которое они преодолевали каждый день, обычно составляло от двадцати до пятидесяти метров. Первая ходка начиналась на рассвете и заканчивалась часов в семь утра. Потом их отвозили в общежитие, где они отмывались, завтракали, после чего ехали на следующие участки. Самым противным для них было то, что никакими спецсредствами невозможно было избавиться от зловонного запаха...

Через месяц друзья попросили расчет, однако директор компании наотрез отказался платить. Друзья принялись

названивать земляку Стасу в надежде урегулировать трудовой конфликт, однако дозвониться до Стаса так и не смогли, он не снимал трубку.

Зато уже на другой день утром к ним внезапно нагрянула миграционная полиция, и только чудом можно назвать то обстоятельство, что им удалось избежать ареста, так как по туристической визе работать в этой стране было запрещено, да и месячный срок выезда у них истек...

Беглецы

Вадим с Николаем еще долго скитались по всей Корее, оглядываясь, словно преступники, обходя полицейские участки и полицейских за километр. И чтобы их не «вычислили», меняли места работы, вкалывая где придется, на не менее тяжелых участках, пока, к своей безмерной радости, вдруг не получили предложения работать в течение года на заводе, причем, с общежитием и питанием.

А вскоре прошел слух, что появилась новая, рабочая виза, за которой многие поспешили домой. Вадим с Ником тогда остались, предчувствуя подвох, не веря до конца в новшество. Земляки, которые ринулись домой, были депортированы... А рабочую визу выдавали тем, кто не нарушал никогда визового режима.

Да и владелец предприятия, угрожая, что не выплатит им зарплату, разрешения на отъезд друзьям не дал, так они и продолжали оставаться нелегалами.

На стройке друзья ежедневно демонтировали здания из легких «сэндвич-плит», состоящих из двух тонких металлических каркасов, наполненных посередине пенопластом.

Однажды во время работы на втором этаже, сняв самую большую по размеру сэндвич-плиту, они стали укреплять ее в подвесной открытый конвейер подъемного крана. Запрыг-

нув туда без страховки, ребята, не удержавшись, полетели вниз с четырехметровой высоты. К счастью отделались легкими ушибами, спасли их по иронии судьбы эти самые сэндвич-плиты, ставшие «мягкой подушкой» при приземлении.

Им, нелегалам, не представлялась ни страховка, ни какая-либо помощь извне, поэтому они, отлежавшись словно больные собаки, в общежитии, снова приступили к работе. Их радовали две вещи — зарплата была высокой, а полиция не особо баловала своими визитами стройки.

Расплата

Однажды Вадиму позвонил незнакомый парень и попросил уточнить адрес фирмы, на которую его направил, как он выразился, их компаньон Стас.

Кто бы мог подумать, что обманувший их несколько лет назад аферист продолжал «кидать» земляков. Более того, с еще с большим размахом. Дошло до того, что он стал брать деньги и отправлять людей по несуществующим адресам, а заодно сообщать в миграционную полицию их имена. И, что было более всего возмутительным, теперь уже представляя Вадима с Ником своими партнерами, словно был с ними в доле, тем самым «подставляя» их по полной.

Тогда-то и решили друзья расквитаться со своим «доброжелателем». Собравшись вместе с обманутыми Стасом земляками, они приехали к нему на «разборки».

К тому времени Стас расположился в дорогой гостинице, где припеваючи «жил-не тужил» на широкую ногу. Он теперь уже имел три источника дохода, включая плату полиции за стукачество на нелегалов.

Подкараулив «разводилу» на выходе из отеля, ребята его обступили. Выяснив, что Вадим с Ником ни при чем, набросились на Стаса с кулаками. Неожиданно появивша-

яся патрульная машина заставила отступить от афериста. Грозась расправой, те разбежались кто куда врассыпную. Но Вадим с Ником, схватив под руки Стаса, потащили его к стоящему неподалеку такси и попросили водителя вывезти их из города. Там-то они и поговорили со Стасом по-мужски...

Встреча с земляками

На следующий день, распрощавшись с земляком и поблагодарив за теплый прием, Вадим с Ником приехали в Сеул на Тондик, где сменили номера телефонов и зашли в местный ресторанчик. Выпив и немного закусив, они долго сидели молча. Испытания, выпавшие на их долю на чужой земле, еще больше скрепили их давнюю дружбу, друзья будто породнились...

Теперь им предстояло расстаться. Тяжело вздохнув, Вадим прервал молчание:

— Ну, братишка, теперь нам нужно разбежаться по разные стороны, нас, наверное, ищут, двоих вычислят быстрее...

— Живы будем — не умрем, — бодро поддержал его Ник и улыбнулся.

Услышав русскую речь, к ним подсели двое ребят с бутылкой водки. Как оказалось, они были их земляками. Предлагая выпить за встречу на этнической родине, земляки опустошали одну за другой бутылки, уговаривая друзей выпить с ними еще «по стопочке».

Вадиму это не понравилось и он, посмотрев на часы и ссылаясь на дела, предложил полюбовно расстаться. Но изрядно захмелевшие земляки начали с обидой укорять друзей:

— Чего это вы, хангуками заделались, своих не признаете? — завелся один из них, что был постарше.

— Спасибо, пацаны, но мы спешим, — сухо отрезал

Вадим и встал из-за стола.

— Сидеть! — злобно прохрипел другой и с силой ударил кулаком по столу.

Вадим как можно спокойнее похлопал его по плечу, советуя успокоиться. В ответ тот попытался было вскочить, но потерял равновесие и стал заваливаться куда-то вбок. Стараясь удержаться на негнущихся ногах, ухватился за скатерть на столе: тарелки со снедью с грохотом полетели на пол.

Сжав кулаки, другой гость что есть силы замахнулся на Вадима, но, опередив выпад, захмелевший Ник подхватил падавшую бутылку со стола и ударил нападавшего по голове.

Стеклянная посуда треснула, остатки содержимого спиртного залили лицо парня. Корчась от боли, тот с пьяным воем накинудся на Ника. Завязалась потасовка. Посетители спешно стали покидать зал, администратор вызвал полицию.

Оттолкнув с силой от Ника соперника, Вадим поспешил к выходу, увлекая за собой сопротивляющегося друга. На ходу бросив деньги кассиру, они выбежали из кафе.

— Нам не нужны неприятности, братишка, заметут ведь! Разбежимся, как договаривались, оставайся на связи, — коротко бросил Вадим Нику и скрылся в ближайшем переулке.

Фабрика смерти

Ник действительно объявился через какое-то время. Позвонил как-то ночью и заплетающимся языком стал жаловаться, что его выгнали с работы и при этом не дали расчет, и что делать — он не знает. Жаловаться было некому, да и опасно, полиция сама ходила по пятам таких героев и без слов выдворяла из страны.

— Приезжай ко мне, — не задумываясь, ответил быстро Вадим. А на следующий день устроил его работать с собой на Чикен — завод по производству куриного мяса или, как

его окрестили между собой работники, фабрику смерти, где сам работал уже с полгода.

Увиденная картина ошеломила добряка Ника, но в то же время и рассмешила. В цехе дико и беспрестанно кудахтали птицы, скрежетали конвейеры, а лица и одежда работников были в пуху. К конвейеру в километр длиной, медленнодвигающемуся по заданному направлению, были прикреплены живые куры. Некоторые из которых яростно сопротивлялись, безнадежно пытаясь высвободиться. По ходу их обезглавливали и очищали от перьев, после чего отправляли на столы «потрошителям», как весело называли себя рабочие по разделке тушек.

Конвейер двигался медленно, но работать следовало очень быстро, чтобы не тормозить движение.

Готовые тушки разрезали на части электрическим резакom, похожим на швейную машинку, только вместо материи пропускали курятину и обрезали ее на куски. Откидывая крылышки в один контейнер, ножки в другой, а грудку в третий, рабочие трудились в гигантских перчатках из металла целыми сутками.

Несмотря на строжайшие меры техники безопасности, некоторые сотрудники, особенно женщины, украдкой от начальника цеха сбрасывали их и, как оказывалось, — напрасно: нередко случалось, что кому-нибудь из работниц отрезало пальцы...

Однажды шокированный таким происшествием, Ник долго не мог прийти в себя от увиденного. В довершении всего сам чуть было не лишился пальца: резак затянул перчатку, но он чудом высвободил руку из перчатки, которую зажевали острые стальные лезвия...

Пытаясь заглушить панический страх, Николай пил почти всю ночь, жалуясь спящему Вадиму на свою тяжелую долю.

А на следующее утро непотрезвевший Ник выкатил свой мотоцикл, и, как ни уговаривал его Вадим не садиться в таком состоянии за руль, не послушался и умчался на работу.

— Наверное, заехал в магазин опохмелиться, — успокоил себя Вадим, не обнаружив друга на работе и встал за конвейер.

Неожиданно в цех быстро зашел начальник с перекошенным от испуга лицом и подозвал к себе Вадима. Оказалось, что совсем недалеко от фабрики Ника сбила на перекрестке машина.

Метнувшись к месту ДТП, он еще издали увидел толпу людей. Протиснувшись с трудом к месту аварии, Вадим увидел друга — широко раскинув руки, Ник лежал у дороги в луже свернувшейся крови, грудь его была разодрана и кровь лилась фонтаном. Вадиму даже показалось, что он увидел едва пульсирующее сердце...

Неподалеку валялся покореженный мотоцикл.

— Ник! Не умирай! — взвыл Вадим, прижимая его к себе одной рукой и зажимая ладонью другой ужасную рану, пытаясь остановить кровь. На минуту Николай открыл глаза, попытался что-то сказать, но тут же потерял сознание.

Вскоре приехала «скорая» и забрала пострадавшего. Вадима попросили пройти в полицейский участок для дачи показаний о происшествии. Опомившись, он кивнул головой и, пообещав подойти чуть позже, побежал к начальнику.

Умоляя не сообщать полиции никаких сведений о них, кинулся в общежитие за вещами. Устроившись неподалеку в мотеле, ближе к вечеру он позвонил начальнику. Тот рассказал, что Ник скончался по дороге в больницу...

Не дослушав, Вадим в ужасе прокричал:

— Нее-ет! Этого не может быть! — И громко застонал...

Всю ночь Вадим ходил по комнате будто обезумевший зверь в клетке, голова раскалывалась от мыслей — что делать?

Утром Вадим принял решение — сдать властям, но до этого — похоронить друга по-человечески.

Вернулся на фабрику, где ему выдали за двоих расчет и паспорта, которые друзья оставляли в качестве гаранта хозяину предприятия.

— Даже не пожил нормально, — с горечью подумал, разглядывая его фотографию, Вадим. Внезапно сердце пронзила мысль: а что он скажет родителям Ника? Как объяснит то, что случилось? Ему даже показалось, что он на какое-то время потерял слух, настолько жуткой представилась ему эта картина.

Мягкие успокаивающие похлопывания по плечу босса привели его немного в чувство, и он на ватных ногах медленно вышел из административного здания.

У самой больницы на глаза Вадиму попала на дороге пустая жестяная баночка от колы, он машинально ее пнул и вспомнил, как они с Ником, возвращаясь из школы домой, частенько пинали, будто играя в футбол, все, что попадалось им под ноги. У Ника это получалось лучше, и он громко смеялся, подтрунивая над Вадимом, который частенько промахивался...

Пустота и одиночество заполняли его душу, и слезы сами по себе покатались из глаз Вадима.

Даже резкий сигнал автомобиля, ругань водителя, вскрики прохожих не остановили его — он продолжал идти как в тумане и вдруг поймал себя на мысли, что впервые за много лет он не прятался, шел, не боясь полиции...

В госпитале он отправился в морг, но в ответ на его вопрос медсестра недоуменно посмотрела на посетителя, зачем-то еще раз переспросила данные и позвонила по

телефону. Затем вдруг, широко улыбнувшись, ответила, что он жив и, если верить приметам, будет жить лет до ста.

— Он жив? — судорожно переспросил Вадим.

— Да, но в реанимации, после операции впал в кому, — ответила она и подозвала другую медсестру, чтобы та проводила его в палату к Нику.

Вадим неуверенно последовал за медсестрой, моля Всевышнего о том, чтобы это было не сном и надеясь увидеть друга живым.

Накинув на него халат, медсестра пропустила Вадима в палату.

Он медленно подошел к больничной койке. Голова Ника была забинтована так, что узнать его было практически невозможно. Множество проводов соединялись с приборами, которые помогали Нику дышать, прибор издавал мягкий звук, реагируя на пульс, на мониторе вычерчивалась кардиограмма, изо рта Ника торчала трубка, через которую поступал кислород.

Вадим посмотрел на его руку, где увидел знакомую татуировку имени любимой девушки, в которую они были вместе влюблены со школьной скамьи, и которая стала женой Вадима...

— Ник, ты слышишь меня? — шепотом позвал Вадим. Но тот даже не шевельнулся. — Ты это, выздоравливай, тебе еще жениться надо, семьей обзавестись, — продолжал Вадим, неумело поправляя одеяло. — Прости меня, это я во всем виноват! Если бы не подпустил тебя пьяного к мотоциклу, этого ничего бы не было...

Вдруг Ник шевельнул рукой, а затем приоткрыл глаза.

— Ник! — обрадовано вскрикнул Вадим. — Давай-давай, дорогой, просыпайся!

Озираясь, Николай в недоумении посмотрел на него, а затем попытался что-то сказать, но говорить мешала

трубка во рту.

— Молчи! Тебе, наверное, еще нельзя говорить, — зашептал Вадим.

— А-а, — прохрипел тот в ответ и, высвобождая руку, выдернул трубку и еле слышно прошептал, — где я? Что случилось?

— Тихо! Ты после операции был в коме, а сейчас пришел в себя, — взволнованно затараторил Вадим. — Так что ничего не говори, молчи!

На шум в палату вбежала медсестра. Увидев вышедшего из комы больного, ойкнула и стала звать коллег. Окружив больного, те торопливо вытолкнули Вадима из палаты.

— Держись, братишка! — только и успел сказать Вадим. — Нам скоро домой! На родину!

Домой

Никогда в жизни так не радовался Вадим, как в тот день. Он будто летел по дороге и непрерывно благодарил Всевышнего:

— Ник — жив! Вот выздоровеет братишка, и мы еще поработаем, думал весело Вадим и не пошел в полицию...

Каждый день он навещал друга в больнице. Но однажды его не впустили в палату — ночью состояние больного резко ухудшилось, ему повторно сделали операцию. По словам врачей, все было плохо: Ник снова впал в кому...

Для Вадима начались самые страшные дни ожидания. Перед глазами непрерывно всплывал его образ — добродушного весельчака, и душа его стонала от невыносимой боли.

Чтобы оплатить лечение Ника, нужны были деньги, и немалые. Вадим решил устроиться на работу. Сделать это удалось довольно быстро — в близлежащей строительной компании нужны были монтажники. Приходи-

лось вместе с другими работниками уезжать на одну-две недели в командировку. Бесстрашного Вадима направляли на самые опасные участки, но боялся Вадим тогда только одного — потерять друга. Первое, что он делал, когда возвращался — бежал в больницу...

В один из дней на стройку нагрянула миграционная полиция. Вадима вместе с другими мигрантами арестовали. Вадим и теперь думал только о Николае.

— Депортируйте, хоть посадите в тюрьму, мне все равно! Мой друг умирает, я не могу его вот так бросить! — кричал он, задыхаясь от собственной беспомощности.

Когда переводчик сообщил об этом полицейским, те участливо спросили:

— Где он, в какой больнице? Позже, после выяснения всех обстоятельств, они отпустили Вадима, взяв с него слово, что после выздоровления товарища они вместе покинут страну. Не ожидавший такой развязки, Вадим даже растерялся на мгновение, а потом по корейской традиции благодарно поклонился им в пояс, а затем заторопился в госпиталь.

— Ник, ты где? — оглядывая опустевшую палату и уставившись на аккуратно заправленную кровать, невольно вслух произнес Вадим.

Внезапно его охватил ужас, защемило в груди, он медленно присел на краешек кровати, осознавая, что друга больше нет...

— Прощай, Колька... Ты был моим самым верным и единственным другом. Мы больше не будем скитаться в Корее в поисках работы, не будем бояться полиции. А еще не пойдем на твою любимую рыбалку и не выпьем твоего домашнего вина. Тебе не увидеть, как зацветут этой весной вишни в твоём дворе, ты не станешь громко смеяться и радоваться из-за прилетевших голубей. Ты столько

страдал, но так и не увидел счастья... — шептал, не замечая слез, Вадим.

— Что вы тут делаете?! — вдруг услышал он недовольный голос медсестры. — Вашего друга перевели в другую палату, этажом ниже...

Эпилог

Что такое счастье? На этот вопрос Вадим порой не находил ответа, но теперь он понял, что счастье — это не только когда тебя понимают, как в кинофильме «Доживем до понедельника» написал в своем сочинении один из главных героев фильма, а и сама жизнь дорогих и близких людей.

Ник быстро поправился, и друзья благополучно вернулись домой. На общие деньги «вскладчину» они занялись частным бизнесом и стали успешными предпринимателями. Ник по наставлению друга все же женился и пригласил Вадима с женой стать его свидетелями. И хотя свидетелями должны были быть холостые, по примете крепкого семейного счастья, это нисколько не вызвало у обоих друзей сомнений и тем более страха, который они уже не испытывали вовсе...

ЗОЯ

ДОРОГА ДНЕЙ

На дне

— Н-да, докатились вы, Зоя Сергеевна, до посудомойщицы, — тяжело выдохнув, Зоя потуже затянула на поясе резиновый фартук и приступила к работе.

Она с какой-то болезненной осторожностью опустила руки в раковину под струю ледяной воды — на кухне и без того было холодно, сквозняки от вытяжных труб будто специально обдували поеживавшуюся время от времени Зою, — и старалась подставлять тарелки под эту струю так, чтобы вода сама смывала с них остатки еды. Ноги мерзли в резиновых сапожках, и даже две пары носков не спасали ее от пронизывающего холода, который шел от пола. Да и рук своих, раскрасневшихся от ледяной воды, она уже почти не чувствовала.

Горячей воды не было вообще, лишь посудомоечная машина нагревала воду, оставаясь горячей, к которой Зоя иногда прикладывала руки, чтобы согреться.

— Экономят... — подумалось Зое, и она искоса посмотрела в сторону сотрудников кухни, которые оживленно сустились возле кастрюль и сковородок.

Шум здесь стоял невероятный. Звякали громко чашки, половники, то и дело с грохотом передвигались огромные кастрюли, и, перекрывая весь этот ни на минуту не останавливающийся шум, повара громко, не обращая никакого внимания на безостановочные объявления по микрофону о каждом новом заказе официантов, спокойно переговаривались друг с другом.

Иногда Зоя физически чувствовала, что у нее вот-вот полопаются ушные перепонки. Да и от запаха вареного и жареного мяса, квашенной капусты и рыбы ее уже начало подташнивать.

До этого Зоя безуспешно пыталась найти работу, еже-

дневно просиживала в очередях на бирже труда. Ей не везло, то не подходила по возрасту, то не брали из-за незнания корейского языка... У нее уже почти не осталось денег, когда ей неожиданно предложили работу в ресторане посудомойщицей.

— Если порботаете там подольше, то, возможно, вас переведут на другую работу, полегче, — заметив, что предложение не очень понравилось Зое, мягко проговорила работница биржи.

И Зоя, вздохнув, согласилась.

— Ну ладно, какая-никакая, но это все же работа, да и не узнает никто из моих коллег, где я работала в Корее, — терзаясь стыдом, успокаивала себя Зоя. — К тому же такое предложение можно считать большой удачей, ведь платить будут прилично, предоставят бесплатное общежитие и питание.

У себя на родине Зоя работала главным бухгалтером в частной компании. Руководители фирмы ее уважали, всегда ставили в пример всему коллективу, награждая очередными почетными грамотами и не раз говорили сотрудникам:

— Учитесь у Зои Сергеевны, это очень ценный работник, она — наша гордость!

И тянулись к ней вереницей молодые специалисты за советами, за помощью, за разъяснениями... И Зоя советовала, разъясняла, пыталась помочь. Даже муж частенько уважительно называл ее по имени и отчеству.

Но однажды случилось то, чего никто никак не ожидал — после очередной проверки их компанию оштрафовали на круглую сумму. И директор уже совсем другим тоном поговорил со своим главным бухгалтером.

— Выплатишь все до копейки! — отрезал он, не выслушав до конца ее оправданий. Зоя долго мучительно пыталась разобраться, как же могла произойти растрата, ведь она знала работу как свои пять пальцев, да и четко выпол-

няла все указания босса. Так и не поняв причины и уяснив для себя, что выплачивать долги все-таки придется, она метнулась в Корею на заработки. Дома остался муж с детьми и его престарелые родители. Мужу оставался год до пенсии, поэтому на семейном совете они решили, что на заработки уедет она одна.

— Ты не так моешь, неумеха! — грубо оттолкнув Зою, повариха из Китая миссис Ян стала с бешеной скоростью отмывать от остатков еды тарелки и складывать их в посудомоечную машину. Потом, нажав на пуск и окинув ее с головы до ног надменным взглядом, исчезла в шумной кухне.

— Эй, ты что пристаешь к новичку? — Зоя оглянулась и встретила доброжелательный взгляд коренастого мужчины, с которым примерно полчаса назад подписала годовой контракт в этом ресторане. Это был шеф-повар мистер Ким. Улыбнувшись ему в знак благодарности, она склонилась над грудой посуды.

— Почему она работает без колпака? — указывая на Зою, возмутилась вновь повариха Ян. — Наберут тупиц, а потом клиенты жалуются, что волосы в еде попадаются!

— Зачем мне колпак, если я всего лишь посудомойщица, — буркнула в ответ Зоя, продолжая мыть посуду.

— Надень сейчас же! — настойчиво повторила Ян и протянула ей туго накрахмаленный колпак.

— Не буду! Не хочу! — выпалила Зоя, не оборачиваясь.

— Ах ты, дрянь! Тебе говорят, надень! — уже завизжала возмущенно повариха Ян и принялась натягивать Зое на голову колпак.

— Пошла вон! — разозлилась Зоя и, оттолкнув женщину, швырнула колпак ей обратно.

— Ой-ё-ёй! Ужас! Шеф! — вскрикнула раскрасневшаяся китаянка, оглядывая кухню в поисках босса.

— Надень шапочку, — послышался строгий голос шефа.

Зоя с мольбой в глазах оглянулась на него, но тот отвел взгляд. Со злостью взглянув на Ян, Зоя медленно подняла размякший колпак с мокрого пола и под насмешки поваров, одела на голову.

Она вдруг осознала, что пережила такой позор, который даже не с чем сравнить. Она попросту стала посмешищем в глазах неизвестных ей людей. Ей стало ужасно стыдно и в то же время жаль себя, к горлу подкатил ком, и у нее выступили слезы. Но надо было брать себя в руки и работать дальше — ведь если она не пройдет испытательного срока, она потеряет и эту работу. Вздохнув, Зоя постаралась успокоиться и уже хотела снова склониться над раковиной с посудой, как услышала мягкий женский голос.

— Новенькая! — звала ее какая-то женщина и махала ей рукой, подзывая к себе. Зоя несмело прошла мимо поваров, сковородок, кастрюль к столам подальше и остановилась перед миловидной южанкой Чен лет пятидесяти.

— Быстро познакомившись с Зоей, та протянула ей жаренную королевскую креветку размером с ладонь. — Попробуй на вкус, соли не мало?

— М-м-м, вкуснятина! И соль в самый раз, — ответила, дожевывая деликатес, Зоя.

— Дожарь! — попросила та, показывая чашку с креветками и быстро ушла в другой конец кухни.

Зоя, радостно кивнув в ответ, принялась за работу.

— Ну теперь вы увидите, что я не только могу посуду мыть, а еще и готовить! — ликовала Зоя, и, плеснув на жаровню оливкового масла, обваляла креветки в яичном кляре, затем в муке и ровно один к одному их разложила. Через некоторое время она перевернула креветку, но вместо румяной корочки обнаружила, что та сильно подгорела... Зоя судорожно стала переворачивать креветки одну за другой, но и те оказались почерневшими. Ужас охватил ее, она

вдруг поняла, что на таком тонком металлическом листе ей приходится жарить впервые, и, смекнув, что надо убавить огонь, стала искать переключатель. Не найдя его, она беспомощно посмотрела в сторону напарницы. Та старательно раскладывала в маленькие металлические порционные чашечки паб: отварной рис.

— Это что такое?! — указывая на подгорелые креветки, завопила китаянка. Подбежавшая напарница Чен быстро уменьшила огонь и успокоила Зою, шепнув, что при подаче они поливают креветки черным соевым соусом, что скроет ее недочет. И, недовольно глянув на Ян, вернулась к своей работе.

Справившись с креветками, Зоя подошла к поварихе Чен и отчиталась:

— Я все сделала.

— Отдохни! — улыбнувшись, сказала та и, выдвинув незаметно ногой из под стола маленький стульчик, предложила присесть.

— Не время отдыхать! Пусть займется заготовками! — заворчала Ян, надменно указав Зое указательным пальцем на мешки с белой редькой и луком.

— Остынь! После обеда успеем, — прикрикнула на китаянку Чен, а затем попросила Зою помочь ей накрыть стол для коллег.

После обеда Чен предложила провести оставшееся обеденное время у нее в комнате в общежитии.

— И как она здесь спит? — удивилась Зоя, разглядывая крохотную комнату. Всюду стояли коробки с бытовой техникой, стопки аккуратно сложенных вещей, мебель, — все это Чен приобрела за долгие годы работы. Оглядевшись, Зоя увидела большую фотографию на стене, на которой ее приятельница мило улыбалась и обнимала мальчика лет десяти.

— Это ваш сын? — догадалась Зоя.

— Да, красавчик, не правда ли? Но это давняя фотография, — заметила погрустневшая Чен и, вытащив из пакета мандарины, предложила их Зое.

Разговорились. Зоя узнала, что Чен разведена, и по закону страны ее сын живет с отцом, а она, не имея образования, чтобы прокормить себя, вынуждена выполнять одну из самых тяжелых работ для женщин в Корее — повара.

И хотя у нее нет возможности навещать сына каждый день, все равно не расстраивается, потому что тот сам часто ее навещает.

— Какая несправедливость, — подумала Зоя и с жалостью посмотрела на Чен. Но та уже улыбалась и стала показывать фотографии — себя в молодости, сына-студента, бывшего мужа...

— Через месяц сын сдаст последние экзамены и придет ко мне, я вас обязательно познакомлю, — щебетала радостно миссис Чен, протягивая Зое очищенный от кожуры мандарин.

— Спасибо, — поблагодарила Зоя и присела рядом на теплый пол. Слушая рассказы новой приятельницы о работе, о сотрудниках и о жизни, Зоя вспоминала мужа, детей, родителей, свою бывшую работу, и не заметила, как задремала.

Очнулась она от храпа Чен и, посмотрев на часы, ужаснулась — работа началась минутой назад. Торопливо растолкав приятельницу, она бросилась к двери.

Колпаки они надевали уже на ходу, и тут лицом к лицу столкнулись с шеф-поваром.

— Где вы были? — строго спросил шеф, нахмутив брови.

— Отдыхали в общаге, — испуганно ответила Чен.

— Больше никаких общаг, отдыхайте на своих местах! — громко объявил шеф, обращаясь как бы ко всем поварам и покосился на Ян, которая ехидно ухмылялась.

— Каждый день придумывают что-нибудь новое, —

ворчливо отозвалась на слова шефа Чен и, посмотрев на Ян, пригрозила той кулачком. Та только громко прыснула от смеха.

Подойдя к мойке, Зоя невольно ахнула — она сплошь была завалена грязной посудой... До конца рабочего дня Зоя не отходила от мойки, конвейером беспрерывно тянулась череда подносов с тарелками. Управившись с работой, Зоя посмотрела на часы и на радостно выбегающих из кухни поваров, и сняла было фартук, как вдруг опять ей стали приносить грязную посуду. Это были уже не тарелки, а кастрюли, сковородки, разделочные доски, которые подбрасывали ей в мойку повара мужчины. Засучив вновь рукава, Зоя из последних сил принялась счищать с них копоть. Почти падая от усталости, добрела она после первой своей смены до своей комнаты в общежитии, где без сил рухнула на постель.

Прошел месяц. Понемногу Зоя стала привыкать и к шуму, и к крикам, и к объему работы. Для нее уже стало нормой задерживаться на работе после всех, домытая посуду.

В день первой зарплаты Чен, передавая конверт с ее зарплатой, внезапно предложила ее «обмыть».

— Вдвоем? — удивленно переспросила Зоя и, не скрывая радости, открыла конверт. Пересчитав зарплату, Зоя обрадовано кивнула в знак согласия.

— Ну нет, позовем соседок из общежития! Это наша традиция! — весело ответила та.

Зое совсем не хотелось куда-то идти, но и отказать в этом новой подруге было неудобно.

Принарядившись, Зоя с Чен уже через час поджидали коллег в уютном кафе. За окном на темном фоне ночного пейзажа ярко выделялись белые цветы магнолий, цветущие на огромных деревьях. Редко мимо них проходили

люди, чаще это были подвыпившие мужчины. В полупустом зале, где они сидели, тихо играла веселая корейская музыка.

Прождав час и не дождавшись гостей, Чен, хмыкнув недовольно и поворчав на сослуживцев, заказала две литровые кружки пенистого пива и вяленую рыбу.

— Это самая вкусная и дорогая рыба, — стала объяснять Чен и хотела еще что-то добавить, как вдруг перед ними возникла миссис Ян. Зоя передернулась от неприязни, но так ее огромному удивлению, мило улыбнувшись ей в лицо, подседа за их столик.

— Хорошо, что пришла, — воскликнула Чен и, подмигнув Зое, заказала той кружку пива.

— Почему я должна сидеть с этой истеричкой, да еще ее угощать! — думала Зоя, делая вид, что разглядывает узоры на скатерти. Буря в ее душе не прекращалась, а, наоборот, будто до тошноты выворачивала наизнанку.

— А, знаешь, миссис Ян пришла к нам год назад и так же, как ты, проходила испытательный срок, — начала рассказывать Чен.

— Прекрати! — оборвала ее резко Ян, — Противно даже вспоминать, как надо мной измывались все повара, и ты в том числе, — нервно среагировала Ян.

— А теперь вы надо мной издеваетесь? — спросила Зоя и посмотрела ей в глаза. Та хотела было вскочить, чтобы уйти, но Чен удержала ее, радостно произнося тост:

— Ну, ладно, давайте о хорошем! За твою первую зарплату, Зоя, пусть все у тебя будет хорошо!

Выпив полкружки пива, захмелевшая китаянка привычно закурила и начала рассказывать о своей жизни на родине, где сейчас у них самое прекрасное время года — весна. Голос ее чуть подрагивал от волнения, когда она говорила о том, как цветут там деревья, разные цветы, как

она скучает по родным, что на заработках она уже не первый десяток лет, и что тянет всю семью, да еще престарелых родителей, что муж у нее инвалид, поэтому сидит дома на пенсии, и что она кореянка, но рождена в Китае...

Слушая ее, Зоя с удивлением заметила, что китайка здесь, вне работы, совсем другая, даже голос был другим, но ее почему-то не очень тронули ее рассказы о тяжелой доле. Видимо, слишком яркой виделась ей недавняя картинка, когда разъяренная, нервная женщина с ругательствами швыряла ей колпак... Поэтому Зоя только раздраженно буркнула в ответ:

— А кому легко? Всем нам трудно, — и, тяжело вздохнув, демонстративно отвернулась.

Все последующие дни подруга Чен часто помогала Зое разгрести гору посуды. Ее примеру последовали и остальные сотрудницы, только Ян хмыкала, поглядывая на коллег, и даже не пыталась помочь новенькой.

Зоя тоже всякий раз, когда не было грязной посуды, бросалась помогать поварам. И хотя она была постарше многих из них, — ей уже исполнилось пятьдесят, — она летала по кухне, словно юная девчонка. Кому поможет снять с огня огромную кастрюлю с варевом, а кому любезно протрет разделочный стол.

Частенько после трудового дня Зоя с Чен пропадали в соседнем супермаркете, любовались красивыми сувенирами, примеряли наряды, покупали необходимое мелочи и разные вкусности.

Затем в общезитии они усаживались друг против друга и с удовольствием лакомились, болтая о разном до полуночи.

Незаметно пролетели три месяца, Зоя уже давно закрыла долги на фирме и теперь регулярно отправляла деньги родным и копила деньги.

Пропажа

Однажды в обычный рабочий день Зоя вновь задержалась на работе, домывая посуду. Она уже собиралась уходить, когда увидела, что остававшаяся на кухне миссис Ян, покосившись на нее, украдкой вытащила пакет из холодильника и, спрятав под одеждой, выскочила из кухни, не обращая внимания на Зою.

— Приворовывает... — подумала Зоя, хотя и не удивилась этому. Знала давно, что это был бич всех поваров, на что ей частенько жаловалась приятельница, работавшая директором ресторана.

Закончив работу, Зоя медленно побрела в общежитие...

На следующий день, ближе к полудню, на кухню зашел шеф-повар и стал о чем — то расспрашивать поваров. Поговорив с ними, он вдруг грозно обратился к Зое:

— Ты вчера вышла из кухни самая последняя?

— Да, я, — ответила недоумевающая Зоя.

— Кто-то украл килограмм королевских креветок из холодильника! — продолжал громко говорить шеф, косясь недоверчиво на Зою. На кухне воцарилась мертвая тишина...

— Вы хотите сказать, что я их украла? — возмутилась Зоя и посмотрела прямо в глаза шефу. У Зои от обиды потекли слезы. Она вдруг вспомнила, как миссис Ян прятала сверток, вытащив его из холодильника, и посмотрела на поваров, среди которых миссис Ян не было.

Зоя поняла, что это дело рук миссис Ян, но не стала об этом рассказывать шефу.

Еще раз внимательно посмотрев на Зою, шеф пробубнил:

— Вижу, что не ты, да и незачем тебе. Но перед моим уходом они лежали в холодильнике, я это точно помню! — негодуя, произнес шеф и внимательно посмотрел на поваров. Не заметив отсутствующей миссис Ян, шеф продол-

жал, — если поймаю, уволю!

И, недовольно выругавшись, ушел.

К вечеру вернулась миссис Ян и о чем-то долго разговаривала в комнате с Чен. После чего зареванная ушла в свою комнату.

— Это миссис Ян украла, — вздохнув, шепнула Зое на следующее утро подруга Чен, помогая ей мыть посуду.

— Как она могла? — возмутилась Зоя, но Чен, приложив палец к губам и озираясь на занятых сотрудников, продолжила: — У нее родственник в Корее тяжело болен. Ему вдруг захотелось ночью суп из креветок, а все магазины уже закрылись, вот родственники и обратились по телефону к Ян за помощью.

И попросив никому об этом не рассказывать, ушла на свое рабочее место.

Зоя удивила отзывчивость и смелость Ян. Ведь попадись она шефу в тот вечер, лишилась бы работы, думала Зоя, заканчивая работу.

На следующий день миссис Ян угощала всех китайскими сушеными сливами. Зоя даже не взглянула в ее сторону. Неожиданно Ян оказалась возле нее и протянула виновато, как показалось Зое, тарелочку с крохотными бордовыми сухими сливами.

— Спасибо, что не выдала меня, Зоя, слава богу, родственник выздоравливает, — как бы оправдываясь, виновато прошептала Ян. Кивнув в знак благодарности за угощение, Зоя отодвинула от себя тарелку и молча продолжала работать. Ей вдруг вспомнилась цветущая весной китайская слива, неизвестно кем посаженная у ее предприятия. Яркие крохотные оранжевые цветочки гордо вырисовывались на фоне острых колючек и блестящих крохотных листьев. Она часами любовалась тогда неизвестными цветами, и все спрашивала, как они называются, на что ей кто-то неуверенно сказал:

— Наверное, это — китайская слива...

С тех пор Зоя долго наблюдала за кустом сливы и ждала, какими же будут плоды. Ей было интересно, что же это за чудо такое — китайские сливы. Мысленно старалась представить их, но ей так и не довелось увидеть плоды этого красиво цветущего деревца. Куст засох к лету и так больше и не расцвел...

Зоя тихонько, чтобы никто не заметил, закинула сморщенную сливу в рот и поморщилась от кислого вкуса. Но выплюнуть ее она постеснялась и потому продолжала незаметно разжевывать мякоть, чувствуя, как рот заполнился соком с необыкновенным ароматом, и аромат этот удивил ее не меньше, чем впервые увиденные цветы. А по вкусу слива почему-то напомнила ей черную ежевику, которую она собирала когда-то в пионерском лагере и которая колюче раскидывалась вдоль заборов...

Боль матери...

Однажды шеф объявил, что после работы у них намечается хвесик¹.

Повара заметно оживились, весь день они шутили, смеялись, вспоминая прошлую вечеринку, а к вечеру помогли Зое перемыть всю посуду.

В назначенный час принарядившиеся сотрудницы направились дружной компанией в соседний ресторан.

— Зачем куда-то идти, когда можно и у себя вдоволь повеселиться? — спросила удивленная Зоя, усаживаясь рядом с Чен за маленький столик на полу.

— Хочешь после всех перемыть посуду одна? — прищурив один глаз, спросила подруга и добавила: — Всем

1 Хвесик — корпоративная вечеринка.

надоедает в одних и тех же стенах по двенадцать часов в сутки работать.

И попросила налить ей соджу.

— Давай лучше пива, — весело откликнулась обрадованная ее объяснению Зоя и начала было наливать, как та отстранила ее руку и налила себе пол-стакана рисовой водки, затем пододвинула его к Зое, скомандовав, — ну, а теперь пива!

Удивленно покосившись на подругу, Зоя долила в стакан янтарный напиток.

Шипящая пена выплеснулась из стаканов, подруги улыбнулись и, чокаясь с остальными, осушили их до дна. Затем Чен молча снова налила себе водки, потом добавила пива, быстро выпила и с аппетитом стала есть.

На вопрос Зои о том, в честь чего организована эта вечеринка, Чен неохотно рассказала, что коллеги каждый квартал, а то и чаще так собираются, чтобы пообщаться, и едят очень много мяса и еще больше распивают спиртных напитков. И что не прийти на вечеринку означает оскорбить сослуживцев и, главное, начальство, которое оплачивало угощение, своим к ним пренебрежением.

— Расскажи о себе, — попросил вдруг кто-то из сотрудников. Зоя коротко поведала о себе, смахнув набежавшую слезу и притихла.

— Ка-а-мбэ¹! — нарушили тишину сотрудники, предлагая выпить за Зою, за ее благополучие. А через какое-то время они решили продолжить вечеринку в другом месте.

— Идем в норепан! — Кафе с караоке! — скомандовал шеф и направился быстро к выходу, за ним потянулись остальные.

В норепане сотрудники отнимая друг у друга микрофоны, отрывались по полной, смешно изображая не только

1 Ка-а-мбэ — тост.

голос, но и пародировали популярных артистов. Зоя развеселилась и безудержно хохотала со всеми. Только Чен сидела немного поодаль от всех и задумчиво наблюдала за происходящим, подливая время от времени себе соджу.

Выходя из ресторана, опьяневшая подруга Чен споткнулась о порог и упала. Подбежавшая Ян помогла Зое оторвать ее от земли и, поймав такси, посадить ее в салон, затем они сами уселись в машину и поехали в общежитие.

Зоя уже легла спать, как вдруг услышала душераздирающий крик, а затем громкое рыдание.

— Что случилось? — недоуменно спрашивали друг у друга переполошившиеся соседки.

Зоя нехотя приподнялась и выглянула за дверь. По столпившимся у двери комнаты Чен соседкам Зоя поняла, что плачет ее подруга. Накинув халат, она выскочила в коридор и попыталась открыть дверь соседней комнаты.

— Чен! Открой, пожалуйста, это я, Зоя, — с волнением проговорила Зоя и постучала в дверь.

Но Чен только еще громче зарыдала.

— Она часто так плачет. По сыну тоскует, — смахивая пепел в ладонь, объяснила всем Ян и ушла к себе в комнату.

— Пьяница! Из-за ее рева опять не выспимся, — недовольно пробурчали соседки и стали расходиться по комнатам.

— Ну почему сразу пьяница? Может, беда какая у нее? — заволновалась Зоя и снова стала тихо постукивать в дверь. Она уже хотела уйти к себе, когда вдруг тихо щелкнул замок, из-за приоткрывшейся двери показалась зареванная Чен.

— Что случилось? — с жалостью спросила Зоя свою подругу.

— Он не приехал! — сквозь слезы простонала Чен и принялась шлепать себя по голове ладонями, причитая:

— Я плохая мать! Я не хочу жить! — и опять громко зарыдалась.

Зоя, крепко обняв Чен, стала тихонько похлопывать по спине вздрагивающую от плача подругу.

— Он меня презирает! — рыдала на груди у Зои Чен.

— Может, у него нет денег? Из Сеула до нас дороговато ехать, да и долго, аж полдня ехать, — оправдывала ее сына Зоя.

— Он уже защитился! Да и я ему выслала два миллиона вон! Можно было за эти деньги всю Корею объехать! — не успокаивалась Чен.

От жалости к подруге у Зои выступили слезы. Она вдруг подумала о том, что может так же тоскуют по ней дети, родители, муж, и расплакалась уже в голос.

Удивленная подруга немного притихла. В комнату без стука вошла Ян и молча села рядом. Затем, вскинув голову, засопела. По ее щекам потекли слезы, утирая их, словно маленькая девочка, она стала рассказывать, как сильно истосковалась по детям, как тяжело ей становится работать, как болит по ночам каждая косточка на руках, как все ей опостылело. Женщины молча плакали, каждая о своем, и не заметили, как рассвело.

Зареванная Чен наконец-то уснула, неловко поджав под себя ноги.

— Надо идти на работу, — с грустью глянув на спящую подругу и тяжело вздохнув, сказала Ян и поднялась с пола.

За ней последовала Зоя. Не захотев будить подругу, она бесшумно прикрыла за собой дверь.

— Где твоя подруга Чен? — строго спросил у Зои шеф, но, увидев ее зареванные глаза, будто опомнившись буркнул что-то себе под нос и удалился.

Зоя принялась за работу. Через некоторое время ее кто-то толкнул в спину, она обернулась и увидела Ян.

— Отойди! — сказала та властно и снова грубовато толкнула Зою.

— Зачем? — не поняла Зоя, не отходя от мойки.

— Иди отдохни, у меня сейчас нет работы, — спокойно сказала та и быстро принялась вместо нее мыть посуду.

— Нет, не надо, — начала было Зоя, но та шепнула ей на ухо, — Отнеси еду Чен, — и указала на сверток, который принесла с собой. Этот дружеский жест тронул Зою до глубины души. Злость и обида на Ян моментально исчезли, и она удивленно посмотрела на мою посуду Ян. Затем, поблагодарив, схватила пакет и побежала в общежитие.

С этого и началась их дружба с Ян. Зоя узнавала о ней с каждым днем все больше и больше. Она оказалась, к удивлению Зои, очень грамотной, знала несколько языков, разбиралась в технике и даже вызвалась помочь ей с ремонтом мобильного телефона. А однажды подарила целый ворох одежды, чтобы та сэкономила и не тратилась по мелочам...

Всегда рядом с ними была и Чен. Подруги уже не представляли своей жизни друг без друга, а сослуживцы стали в шутку называть их «великолепной троицей».

И вроде неплохо шли у них дела, только Чен оставалась такой же рассеянной и грустной. У Зои при виде тускнеющей Чен на душе не было покоя, она просто не находила себе места. И однажды, тайком разузнав телефон ее сына, решила ему позвонить. Представившись подругой, Зоя на ломаном корейском языке, желая разжалобить сына Чен, начала говорить, что его мама очень его любит, страдает от разлуки, и сильно по нему тоскует. Зоя сама не знала, чего ждала услышать в ответ, но то, что произошло, вызвало в ней настоящую бурю. Парень просто не стал ее слушать и, резко оборвав, выкрикнув, что мать сама во всем виновата и что она и тем более ее подарки ему не нужны. И повесил трубку.

Нет, подумала Зоя, так нельзя! И снова набрала номер сына Чен.

— Не бросай трубку, сынок! Я тебя очень понимаю... Я, как и ты, тоже была обижена на отца, но когда его не стало,

только тогда поняла, как я ошибалась, — внезапно голос Зои дрогнул и она расплакалась, продолжая со слезами в голосе призывать одуматься его, и успела выкрикнуть в трубку: — Не забывай, сынок, мама тебе подарила жизнь!

И услышала короткие гудки... Утерев слезы, Зоя никому не рассказала об этом разговоре, лишь еще теплее стала относиться к подруге.

Как-то в очередной выходной подруги вышли из общежития и направились по обыкновению в излюбленный супермаркет, но неожиданно Чен резко остановилась и стала вглядываться в парня, что стоял неподалеку.

— Сыночек мой! — простонала она низким, грудным голосом и, протянув вперед дрожащие руки, будто застыла на месте, не в силах сделать даже шага.

Сын, озираясь, нерешительно приблизился к матери и прошептал:

— Извините меня, мамочка!

Обняв сына, Чен горестно зарыдала, похлопывая его по спине, приглаживая волосы, молила прощения. Тот мотал головой, мол, ты ни в чем не виновата, и тоже расплакался. У Зои защемило в носу, шмыгнув, она обняла их, а затем почувствовала объятия присоединившейся к ним Ян. Так, обнявшись, они простояли несколько минут. Затем Зоя взяла за руку Ян и увела подругу, оставив мать и сына наедине...

На войне — как на войне

Однажды шеф-повар Ким объявил конкурс среди поваров на новое блюдо, чтобы пополнить меню и этим привлечь клиентов.

У Зои сильно заколотилось сердце, а глядя на подруг, которые наперебой решали, какое им блюдо приготовить, у нее заныло в груди, и она грустно присела на стульчик.

— Шеф! Зоя тоже примет участие? — спросила Чен, на что он отрицательно покачал головой, объяснив, что конкурс только для поваров.

— Но я ведь тоже раньше мыла посуду, — не отступала Ян.

— Она может приготовить иностранное блюдо, которое мы раньше не ели! — добавила Чен.

Но шеф не сдавался:

— Нет, я сказал. Она не повар, так что участвовать в конкурсе не будет!

Зое вдруг вспомнился случай из детства, ей было тогда лет десять, она была угловатая и очень худенькая.

Тогда она отдыхала в пионерском лагере. Однажды, даже не глянув на нее, вожатые выбрали из каждого отряда по несколько крепких ребят и поднялись в горы. На заданной высоте те разожгли костер из банок с мазутом, установленные в виде звезды. Долго горела звезда, которой, вздыхая, любовалась маленькая Зоя, злясь на себя, что не доросла до них.

А чуть позже был объявлен конкурс «А ну-ка, девочки». Она первая вызвалась участвовать в конкурсе, но вожатая, критично посмотрев на нее, выбрала симпатичную девочку из их отряда. Почти перед самым конкурсом та простудилась и отказалась принимать в нем участие. Не изъявили желания участвовать в нем и другие девочки, так что вожатой пришлось с досадой, не веря в ее успех, отправить на конкурс Зою.

Никогда в жизни так не старалась Зоя. На конкурсе она усердно выполняла все его условия — пела, танцевала, отгадывала загадки, набирая баллы больше всех. А на самом сложном, по мнению присутствующих, кулинарном поединке, на котором за минуту надо было сделать большее количество бутербродов, Зоя не только успела сделать, ко всеобщему удивлению, двадцать бутербродов, но и красиво украсила их и разложила на блюде.

Зоя стала победительницей конкурса, ей вручили медаль, букет нежных васильков и в подарок — книжку «Дорога дней». Она потом часто вспоминала этот конкурс, а книгу перечитывала много раз, и ее герой, маленький армянский мальчик, который был не по годам смелым и надеялся всегда только на себя, принимая смело решения в любых ситуациях, был ей настоящим другом, которого она понимала и любила. И когда ей было по разным причинам грустно, Зоя обязательно брала в руки старенькую, потрепанную книжку...

Даже став взрослой, Зоя нет-нет да вспоминала о своем книжном друге и даже пыталась быть на него похожей, стараясь спорить с судьбой и училась принимать самые смелые и непредвиденные решения.

За день до конкурса, не говоря никому ни слова, Зоя, по обыкновению оставшись думывать посуду, напекла заварные коржи и смазала их сливочным кремом. Затем, сложив в контейнер, спрятала в холодильнике.

А утром, когда все еще спали, выскользнула из общезжития на работу. По пути сорвала веточку красной азалии и прошмыгнула на кухню. Разрезав на кружочки узким фужером пропитавшийся от крема мягкий торт, уложила пирожные на изогнутую керамическую тарелку черного цвета, украсив цветами, и спрятала в тумбе под раздаточным столом.

Все утро подружки Зои, приготавливая свои блюда, виновато поглядывали на нее, однако та, не обращая на них внимания, с показным спокойствием мыла посуду.

Чен приготовила белый суп с клецками из желудевой муки по старинному рецепту ее бабушки. Ян пожарила куриные крылышки вместе с овощами в карамельном соусе, последний тренд ее родины. Остальные повара приготовили блюда из говядины и свинины.

Каждый участник, закрепив свой порядковый номер и название на блюде, выставил его на раздаточный стол. Зоя, выждав момент, незаметно выставила свои пирожные, и черкнув на бумаге последний номер по счету — тринадцатый, — воткнула его в пирожное.

Официанты изящно преподнесли их к столу членам жюри, которые стали тут же пробовать и записывать баллы.

Ожидание было очень волнительным, Зою то бросало в жар от предстоящей оценки, то в холод от собственной наглой выходки...

В жюри были шеф-повар Ким, генеральный директор ресторана и трое именитых рестораторов города.

— Заходите! — громко по микрофону подзвал всех участников в зал шеф-повар и передал микрофон генеральному директору, который чинно представ перед поварами сказал:

— Спасибо огромное всем участникам конкурса. Все блюда получились у вас очень вкусными, нам нелегко было выбрать среди них лучшие. Но так как наш ресторан специализируется на мясных деликатесах, и нам этим вновь не удивить гостей, мы выбрали победителей, приготовивших блюда без мяса!

И объявил первого победителя, занявшего третье место, которое досталось Ян, за блюдо «Хрустальные крылышки». Та, подпрыгнув радостно, закричала во все горло: Ур-ра!

Второе место досталось Чен за суп под названием «От моей бабушки», которая с визгом захлопала сама себе в ладоши, не прекращая улыбаться.

Зоя стояла на кухне и с волнением прислушивалась к тому, что творилось в зале.

После затянувшейся паузы генеральный директор сказал:

— Во всей сети наших ресторанов, к сожалению, не было десерта. И сегодня впервые в истории проведенных конкурсов мы попробовали изумительный десерт под номе-

ром тринадцать! Именно это блюдо абсолютно все члены жюри назвали победителем конкурса!

И пригласил выйти автора за наградой.

Не веря своим ушам, Зоя протиснулась в первые ряды и посмотрела на стол жюри, на котором от ее пирожных не осталось и следа.

— Где победитель? Почему не выходит? — стали переглядываться члены жюри.

У Зои бешено заколотилось сердце:

— Ну зачем я так сделала? Я же не имела права участвовать...

Она уже хотела убежать, как вдруг шеф-повар удивленно взглянул на нее и спросил:

— Зоя, это ты приготовила десерт?

Зоя низко опустила голову и, ничего не ответив, расплакалась от пережитого волнения и неловкости.

Шеф-повар указал генеральному на Зою и что-то шепнул. На что тот сначала опешил, а затем с восхищением произнес: — Такого рвения я еще не видел! Вы — настоящий повар!

И, подойдя к ней, слегка приобняв, пытливым спросил: — Как называется ваш шедевр?

— «Сладкий каприз», справляясь с эмоциями и сдерживая слезы стыдливо выдавила из себя посудомойщица.

— Красивое название! И объявив, что уже сегодня он будет включен в меню, вручил Зое награду. Затем, когда аплодисменты стихли задумчиво добавил:

— А знаете, есть одна мудрая корейская поговорка: «укрававший книгу — не вор». Проще говоря, на войне все методы хороши!

И попросил вновь поаплодировать победительнице.

— Ну ты даешь! — воскликнула восторженно Ян, поздравляя Зою, хлопая ее по плечу.

— Молодец! Я бы тоже так сделала, будь на твоём месте! — сказала Чен и, смахнув слезу, обняла подругу.

Послесловие

До конца контракта Зоя проработала поваром десертов, или, как ее прозвали сослуживцы, — сладкой поварихой. Зоя еле успевала выпекать коржи, так как ее десерт расходился на ура и полюбился многим. А влюбленные пары, заходя в их ресторан, по традиции непременно заказывали ее десерт.

Все чаще стали приходиться в ресторан семейные пары с детьми, где малыши с нетерпением ждали десерта.

Незаметно пролетело время. Подошел день окончания контракта. Шеф-повар устроил незапланированный хвесик в их ресторане в честь проводов Зои...

— Ничего не могу с собой поделаться. Я просто не могу наесться твоими пирожными! — с улыбкой произнес тост шеф-повар под всеобщее одобрение и смех. — Мы никогда тебя не забудем, тем более, что ты стала частичкой истории нашего ресторана, в меню которого навсегда вошло твоё творение.

И передал ей конверт, пояснил: «Это тебе на дорогу».

В этот вечер она услышала очень много добрых слов и пожеланий в свой адрес и выразила, в свою очередь, огромную благодарность и подругам, и шефу, и всем коллегам.

Поздно вечером Зоя, уложив вещи в чемоданы, открыла конверт от шефа. В нем оказались деньги и письмо на фирменном бланке ресторана, на котором крупными буквами были написаны слова благодарности за её тяжелый труд.

Прочитав, Зоя ощутила внезапную тоску, и горечь разлуки с коллегами, с рестораном, в котором изо дня в день трудилась столько времени, закралась ей в душу...

Вдруг в дверь кто-то постучал, это были её закадычные

подружки Чен и Ян.

— Не можем заснуть, Зоя! — сказали они хором.

— Неужели я тебя больше никогда не увижу, Зоя? — смахивая слезу спрашивала Чен Зою.

— Если будет тяжело, приезжай, поработаем опять вместе! — добавила миссис Ян, протягивая бутылку пива. Прокричав: Ка-а-мбе! Подруги весело чокнулись кружками и отпив немного, притихли.

Затем до самого рассвета три подруги наперебой вспоминали самые яркие моменты, пережитые за год, успев и пореветь и посмеяться.

Глядя на смеющихся подруг, Зоя вдруг отчетливо поняла, что это проведенное в Корее время останется для нее самым дорогим воспоминанием. Навсегда...

Содержание

От автора	3
Галина. Снег кружится	5
В дорогу.....	6
Впервые на земле предков	7
Райская обитель	10
Рабочие будни.....	12
ЧП на производстве	14
Не было бы счастья	17
Чужая душа — потемки.....	18
На обломках любви	21
Насильно мил не будешь	24
Ничто человеческое.....	25
Дважды в одну и ту же реку	29
С любимыми — не расставайтесь	32
Невосполнимая утрата.....	34
Несбывшиеся желания.....	37
Бесплатный сыр	39
Любовная лодка разбилась о быт	43
Принцесса Галина	46
Без Дмитрия	50
Мы — едины	57
Ирина: дома!.....	62
Близкие люди	64
Ирина: снова в Корею.....	69
Новая высота.....	75
Обыкновенное чудо	76

Время разбрасывать камни, и время их собирать...	77
Галина в Корее-2, или подарок родине деда	80
Мечты сбываются	81
Небеса обетованные	93
Расставание....	97
Прошлые миражи	98
Последнее испытание	102
Эпилог.	105
Кира. Склеить чашу	107
Завтра было — вчера.	109
Зеркало: ниточка из прошлого.	112
С чистого листа	114
Две головы — лучше?	117
Удар в спину	121
Понять — простить.	122
Дольче вита: «сладкая» жизнь	125
И снова — здравствуйте.	130
Призраки прошлого	134
Два крыла.	139
Эпилог.	144
Павел. Судьба	145
Брак	146
Большие деньги	150
На арбузах	154
Как хочется жить...	155
Тайм-аут.	158
Судьба.	160
Вадим. Друзья детства	163
Туннель.	164
Разговор по-мужски	167

Роковая встреча	168
Беглецы	170
Расплата	171
Встреча с земляками	172
Фабрика смерти	173
Домой	178
Эпилог	180
Зоя. Дорога дней	181
На дне	182
Пропажа	191
Боль матери... ..	193
На войне — как на войне	198
Послесловие	203

Алла Магай
Отрезок жизни

Редактор: Д. Сагатова
Верстка: К. Абиджанов

Подписано в печать 23.04.2018.
Формат: 60×84 1/16. Гарнитура «Minion».
Печать офсетная. Усл. п. л. 13,0.
Тираж 100 экз.

Издательство «Baktria press»
Лицензия АІ № 263 от 31.12.2014.
г. Ташкент, 100000, Буюк Ипак Йўли мавзеси, 15, 25
Тел.: +998 (71) 233-23-84

Отпечатано в ООО Print Media
Адрес: ул. Узбекистон овози, д. 32
Тел.: +998 (71) 233-03-21

ISBN 978-9943-5093-4-4